

**Скотт Фрост
Дневник Габриеля**

Алекс Делилло – 1



Новый роман Скотта Фроста, автора сценария культового сериала «Твин Пикс», вызывает безусловный и однозначный интерес, поскольку в нем есть все, что характеризует творчество писателя: крутая интрига, непредсказуемость сюжета и нескончаемый мистический ужас.

Посвящается самой смелой женщине из всех, кого я знаю, — Вэлери.

Я в третьем ряду на школьной фотографии — мальчик, на чьем лице не задерживается взгляд. Никто не помнит, как меня зовут, какого цвета у меня волосы, как звучит мой голос. Я — невидимка.

По залу разливался сильный аромат роз — как в палате у жертвы несчастного случая. Сладкий, какой-то нездоровый запах. Настолько приторный, что просто нутром чуешь, что произошло нечто ужасное.

Забавно, жизнь наших детей, та, которую мы рисуем в воображении, зачастую не имеет ничего общего с реальностью. Быть матерью почти то же самое, что быть копом. Отличие лишь в одном — чем дольше я работаю в полиции, тем меньше удивляюсь тому, что вижу. А чем взрослее становится моя девочка... думаю, фразу можно не заканчивать, вы ведь и так все поняли, не правда ли?

Я смотрела конкурс красоты, в котором участвовала дочка. И не просто в каком-нибудь второсортном, а на звание Королевы Парада роз.¹ Разве можно подготовиться к такому событию?

Как вообще это случилось, черт побери?

Я должна радоваться, что моя девочка стоит сейчас на сцене, да? Она у меня красавица и умница. Просто в роли королев красоты я всегда представляла девочек из Техаса — с миссионерским блеском в глазах, словно они исповедуют какую-то особую религию. Мне всегда казалось, что это могут быть чьи угодно дочери, но никак не моя.

Может, все дело в том, что я — коп и меня так просто не проведешь. Вы только посмотрите на девочек на сцене. Слева направо: Кимберли, Ребекка, Келли, Грейс, Кейтлин. Каждая из них что-то скрывает, но безуспешно. Не нужно быть копом, чтобы увидеть, что именно. Келли сделала операцию по изменению формы носа, Грейс исправила зубы, Кейтлин — губы... Одному Богу известно, что улучшила себе Кимберли. А Ребекка... Думаю, Ребекка переделала себя с ног до головы.

Можно избавиться от любого несовершенства. Будущие королевы красоты цепляются за это как за истину в последней инстанции.

Даже моя девочка, отправляя заявку на участие, умолчала о пирсинге в двух местах. Готова поспорить, судьям вряд ли это понравилось бы. По крайней мере, я от радости не прыгала и вообще узнала о пирсинге только потому, что нашла дезинфицирующий раствор в дочкиной ванной.

Но все тайное становится явным. Всегда. Единственная непоколебимая истина для копов.

Я смотрела на дочь и размышляла, как же так получилось, что она превратилась в незнакомку. Непонятно.

Секретарь конкурса в белом костюме начала обходить членов жюри и собирать итоговые оценки. Я огляделась, ища глазами родителей других конкурсанток. Их легко было вычислить в толпе. Такое чувство, что все они являлись членами потерянного племени людей с идеальными пропорциями. Неудивительно, что их дочери блистают на этой сцене, а некоторые вообще участвуют в Параде роз с пятилетнего возраста. Но как в их ряды затесалась Лэйси? Этот вопрос не выходит у меня из головы. Полгода назад в ее гардеробе не было ничего, кроме джинсов, футболок и ботинок на толстой подошве. Как же вдруг получилось, что сейчас она на шпильках и в платье из тафты?

Я взглянула на двух офицеров спецподразделения полиции в штатском, дежуривших на входе в зал. За несколько недель до парада по городу поползли слухи, что ожидается нечто невообразимое. Невообразимо ужасное. Но теперь об этом говорят уже на каждом углу. Подозрения возникают при виде любой группы людей, любого белого порошка. Мы предприняли все возможные меры по охране зала, где проходит конкурс. И тот факт, что

¹ По традиции в первый день нового года в г. Пасадена, штат Калифорния, проводится пышный Парад роз.

одна из претенденток — дочка полицейского, казалось, вселял в собравшихся еще большую уверенность в безопасности. Во всех, кроме меня.

Ведущий, бывший актер, отдаленно напоминаящий себя в молодости, подошел к микрофону:

— Дамы и господа, настало время короновать нашу новую избранницу!

В зале воцарилась тишина. Я посмотрела на Лэйси и подумала, хватит ли у меня сил быть матерью, выдержу ли я. Она дергала меня за нервы, как за ниточки. Так было всегда, с того самого момента, как доктор положил пищащий комочек мне на грудь, и до того дня, когда я обнаружила у нее пирсинг на соске и противозачаточный колпачок в ящике для носков.

Тут мой пейджер подал признаки жизни и завибрировал, а дама, сидевшая рядом, бросила на меня такой взгляд, словно я только что выкарабкалась из мусорного бака. Я одернула пиджак, чтобы ей был виден пистолет у меня на поясе. Она тупо уставилась на него испуганными глазами — подобное выражение лица всегда появляется у гражданских, когда они внезапно видят оружие.

— Моя дочка вторая справа, — прошептала я. — Красавица, правда?

Дама нервно улыбнулась и быстро отвела взгляд, не желая вступать в спор с вооруженной мамашей.

Я проверила пейджер. На экране высветился номер трубки моего напарника. Мы договорились, что он побеспокоит меня только в случае обнаружения трупа. Очевидно, где-то в Пасадене какой-то несчастный умер насильственной смертью.

Я попыталась сосредоточиться на происходящем, но мои мысли уплывали туда, к месту преступления. Я представила положение тела, потом отмотала события назад. Вот тело с глухим стуком падает на землю. Звук выстрела. Драка. Треск разрываемой ткани. Чьи-то голоса звенят от злости, и ситуация выходит из-под контроля.

Свет в зале погас.

— И Королевой Парада роз-2003 названа...

— Давай же, Лэйси, — прошептала я. — Ты можешь, девочка.

Какой-то парень лет двадцати с небольшим, с дредами, в черной куртке до колен, сидевший напротив меня через проход, вскочил со своего места, споткнулся и упал чуть ли не к моим ногам. Его взгляд на секунду замер на моем лице, словно парень узнал меня, а потом он рванул прочь из зала и исчез. Я услышала за спиной какое-то шебуршание, боковым зрением заметила, что один из родителей встал и в ужасе показывает на сцену.

Повернувшись, я увидела, как Лэйси задирает платье и достает черный пластиковый баллончик, привязанный к бедру.

— Вы отравляете планету ради этого гребаного парада! — завопила Лэйси, начав опрыскивать зрителей гербицидом. — Пестициды убивают, а гербицид — яд! Вы все убийцы!!!

Люди стали прятаться за кресла, прикрываясь программками, кто-то истошно завопил:

— У нее яд! Яд!

Я вскочила и начала проталкиваться сквозь обезумевшую толпу людей, пытающихся спастись бегством. В другом конце зала один из полицейских в штатском выхватил пистолет и ринулся к сцене, полагая, что в руках у моей девочки оружие.

Я закричала, но крик утонул в пучине хаоса, охватившего зал.

Я вытатила значок и заорала: «Полиция!» — в надежде, что это поможет расчистить дорогу, но люди видели только табличку с надписью «Выход». Женщина в розовом платье — лицо в слезах, прическа опрыскана гербицидом — налетела на меня, взглянула в глаза и исчезла, подхваченная людским потоком.

Кто-то, увидев полицейских с оружием, завопил: «О, нет, нет! У него оружие!».

Я добежала до сцены одновременно с полицейским, который начал подниматься наверх, держа руку на пистолете. Ведущий попытался задержать меня, но я схватила его за руку и выкрутила ее, чтобы он быстро убрался с моей дороги. На сцене одна из конкурсанток

ревела и трясла руками, словно обожглась. Между офицером и Лэйси оставалось около шести метров, он начал вытаскивать пистолет.

— Нет! — завопила я, но он не слышал.

Лэйси заметила его, развернулась и подняла баллончик.

— Лэйси! — заорала я.

Офицер замер на месте и принял боевую стойку, но тут двое устроителей конкурса схватили Лэйси сзади. Баллончик, выбитый ударом из ее руки, казалось, повис на долю секунды в воздухе, после чего с глухим стуком шлепнулся на пол.

В зале повисла мертвая тишина. Движение прекратилось.

Офицер некоторое время рассматривал баллончик, потом посмотрел на меня, перевел дыхание и быстро спрятал оружие в кобуру.

Раздался чей-то голос: «Все кончено». Лэйси увели за кулисы. Я сделала вдох, потом еще один.

Ведущий, судя по всему перепутавший конкурс красоты и гибель шаттла «Колумбия», подошел к микрофону и объявил:

— Дамы и господа, произошел технический сбой!

За кулисами на складном стуле сидела Лэйси в окружении полдюжины седовласых джентльменов в белых костюмах, каждый из которых, по-видимому, находился на грани сердечного приступа. Председатель жюри навис над Лэйси, дрожа от злости и повторяя одно и то же:

— У вас будут большие неприятности, юная леди, бо-о-ольшие неприятности.

Лэйси увидела меня и выпрямилась, пытаясь сделать вид, что у нее все под контролем. Я подошла, заглянула ей в глаза, а потом обратилась к членам жюри:

— Я ее мать.

Пожилой мужчина, нависший над моей девочкой, повернулся ко мне, вены на его шее вздулись, как пожарные шланги. Он несколько секунд ошарашенно смотрел на меня, а потом заверещал:

— Она дисквалифицирована!

— Полагаю, она догадывается об этом, — заметила я.

Он дрожал от негодования:

— За все годы...

— Да.

— Я никогда...

— Знаю.

— Кто-нибудь мог пострадать!

— Только если в числе зрителей были полезные насекомые! — воскликнула Лэйси.

Я посмотрела на нее и покачала головой.

— Хватит, юная леди, — сказал председатель жюри и в бешенстве посмотрел на меня: — Что вы за мать?

Этот вопрос застал меня врасплох. А кому захочется отвечать на подобное? Я вытащила полицейский значок и поднесла к его красному от злости лицу:

— Лейтенант Делилло, полиция Пасадены.

Он уставился на значок, словно я загадала ему загадку.

— Полицейский?

— Женщина... лейтенант... мать.

Белые костюмы вопросительно переглянулись.

— Дальше я как-нибудь разберусь без вас, — сказала я.

— Да уж разберитесь! — воскликнул председатель жюри.

Я взяла Лэйси под локоть и повела к выходу. На случай, если кто-то не расслышал предыдущее высказывание, председатель жюри еще раз крикнул нам в спину:

— Она дисквалифицирована!

— Козел! — проорала в ответ Лэйси, когда я выводила ее в дверь.

Полная луна освещала парковку неестественно голубым светом. Пока мы молча шли к машине, я поклялась, что не позволю себе разродиться родительскими нотациями, готовыми сорваться с кончика языка.

— Я...

Мне удалось справиться с первым порывом.

— Что? — спросила Лэйси.

Я сделала глубокий вдох и попыталась сдержаться.

— Ничего.

— Хорошо.

— А ты... — Я закусила губу.

— Ну, продолжай, скажи, я ведь знаю, тебе хочется.

Она знает меня как облупленную, даже страшно.

— Надеюсь, ты гордишься собой.

— Да, — ответила Лэйси, в отличие от меня не поддавшаяся слабости. Она повернулась ко мне, хотя я смотрела прямо перед собой. — Я сделала то, во что верила. Это не может быть неправильным.

На востоке виднелись покрытые снежными шапками вершины гор Сан-Габриел, похожие на нарисованные яркими красками павильонные декорации. Где-то цвел жасмин, и ветер приносил его сладкий нежный аромат. Кто-то разложил на крыше своего дома искусственный снег и украсил пальму разноцветными гирляндами. Прекрасная ночь, без слов предлагающая вам калифорнийскую мечту, но я не могла за нее уцепиться. Лэйси постаралась. Калифорнийская мечта такая же выдумка, как и представление о том, что красоту можно оценивать.

Сейчас мне хотелось заняться одним-единственным делом, а именно разобраться с сообщением, полученным на пейджер. Где-то у подножия этих гор, там, где песчаные наносы наступают на город, лежит тело человека, умершего насильственной смертью.

Мы сели в машину. Лэйси сбросила розовые туфли-лодочки и вздохнула с облегчением. Мне столько всего хотелось сказать ей, причем кое-что — в обязательном порядке. *Ты у меня просто чудо, девочка. Я не согласна с твоими методами, но горжусь тобой. Мне хотелось бы верить во что-нибудь так же сильно, как ты.*

Но я промолчала.

— Меня вызвали на работу. Я подвезу тебя домой.

Лэйси кивнула, глядя прямо перед собой.

— Конечно, мамочка. Почему сегодняшний вечер должен отличаться от остальных? Езжай к своему покойнику.

По дороге Лэйси открыла окно и, как ни в чем не бывало, высунула руку с туфлями наружу. Она покрутила их на пальце, а потом я услышала, как они стукнулись о тротуар и покатались по нему, словно крысы, наперегонки бегущие в укрытие. Я украдкой бросила взгляд на дочку, которая смотрела вперед, лишь намек на улыбку затаился в уголках губ. Момент истины. Ее звездный час. Мое внимание снова переключилось на дорогу, и каким-то чудом мне удалось смолчать.

2

Когда я добралась до цветочного магазина «У Брима» на Ист-Орандж-гроув, 1390, место преступления уже успели оцепить желтой лентой. Рядом со зданием припарковались четыре полицейские машины, причем две с включенными мигалками, и два мотоцикла. Офицер полиции узнал меня и приподнял ленту, чтобы я могла въехать на пяточок, где стояла еще одна полицейская машина, два автомобиля без опознавательных знаков и фургончик судмедэкспертов.

Выйдя из машины, я посмотрела на часы. Двадцать три-одиннадцать. Аромат жасмина

сменился едким запахом копченого перца чили, источником которого был лоток по продаже маисовых лепешек, расположившийся в том же квартале.

— Лейтенант!

Молодой офицер по фамилии Бейкер, вышколенный парень с невероятно прямой спиной, который выглядел так, словно, случайно отклеившись, свалился с плаката, призывающего вступать в ряды доблестной армии США.

— Это вы приняли вызов?

Он кивнул.

— Расскажите поподробнее.

— Нам сообщили о стрельбе...

Он сверился с протоколом. Офицер Бейкер — просто мастер по составлению протоколов.

— ...в восемь часов тридцать пять минут. В восемь сорок две я был на месте. Подождал подкрепления две минуты, затем вошел. Следы взлома отсутствовали. Жертву вооруженного нападения обнаружил на территории разгрузочной площадки, лицом вниз, смерть, по-видимому, наступила от пулевого ранения в голову. К тому моменту, как подтянулись остальные подразделения, я оцепил два квартала.

— И?

Мысленно я вновь вернулась к моменту, когда Лэйси пустила в ход баллончик, а зрители конкурса красоты бросились врассыпную в поисках укрытия.

— Ничего. Задержали двух испанцев с открытыми бутылками пива,² но потом отпустили. Вернувшись, я обнаружил второго владельца магазина, спрятавшегося под витриной.

— Это он вызвал полицию?

— Не уточнил. Он был не в себе. Очевидно, магазин ограбили, и злоумышленники застрелили его партнера.

Иногда, когда молоденькие полицейские выражаются слишком заумно, словно они на телешоу, я чувствую себя вожатой младшего отряда скаутов или многодетной мамашей, хотя прелестей материнства мне и без этого хватит на несколько жизней.

— Свидетель внутри?

— Да, детектив Трэйвер осматривает место преступления.

Господи, спасибо тебе за маленькие чудеса! Я оставила офицера Бейкера с его протоколами и подошла к входной двери. Снаружи дверь была отделана кедром и навевала ощущение сродни тому, что описал Джек Керуак в «Биг Сюре»: «Я связан с каждым живым существом на планете». На двери висела деревянная табличка с надписью «Наш цвет зеленый». Я осмотрела замок, он был цел. На ручку криминалисты нанесли дактилоскопический порошок. В торговом зале имелось несколько больших охлаждаемых витрин, а в них — цветы в черных пластиковых ведерках с водой. В воздухе повис густой аромат, особенно чувствовались розы. Но в помещении витал и другой запах, пусть едва различимый, смешивавшийся с ароматами элитных сортов роз, — запах пороха.

— Ну, и как наша девочка?

В дверях, ведущих в подсобку, стоял мой напарник Дэйв Трэйвер. Крупный мужчина (рост около ста восьмидесяти трех сантиметров, вес — восемьдесят восемь килограммов) чуть за тридцать, с уставшим взглядом отца двухгодовалых девочек-близняшек. Дэйв всем говорил, что он бывший спортсмен и на первых курсах колледжа профессионально играл в футбол, хотя с каждым годом в это верится все труднее и труднее. На его лице играла

² В США действует закон, запрещающий «употреблять или держать открытой банку или бутылку пива или иного алкогольного напитка на улицах, аллеях, тротуарах, в общественных парках». За нарушение взимается штраф в 100 долларов, злостные нарушители могут попасть в тюрьму на срок до трех месяцев. Правда, если бутылку завернуть в бумагу или непрозрачный пакет, то американский полицейский не имеет права интересоваться, что именно пьет гражданин.

таинственная улыбка, словно он ждал, что я открою ему какой-то секрет. Думаю, он считал себя Шкипером из известного сериала «Остров Галлигана», а меня — самим Галлиганом, которого Шкипер пренебрежительно называл Мой Маленький Другок, хотя вообще-то я старше его на семь лет, да и по званию тоже, так что в нашей паре я старшая.

— Она победила, да? Я вижу по твоему лицу.

— Нет, на моем лице написано совсем не то, что ты думаешь.

Все, что касается детей, для Дэйва — своего рода белое пятно. Мысль о том, что крошечные совершенные создания, такие, как его девочки, могут вырасти и разочаровать его или что-то похуже, находится вне пределов его поля зрения. Дэйва трудно не любить, хотя порой эта черта мешает успешно справиться с работой полицейского.

— Ну же, колись. Она справилась?

Я вспомнила, как люди ныряли под кресла, пока Лэйси кричала слова, поставившие точку в ее карьере королевы красоты. «Вы убийцы!».

— Да уж, еще как справилась.

Глаза Дэйва стали огромными, как серебряные доллары, и заблестели от волнения. Мне ужасно хотелось пройти мимо любопытного напарника в подсобку и осмотреть тело. Некоторые люди, я имею в виду гражданское население, бегут от жизни, уезжая к океану или долго-долго гуляя в одиночестве, как Генри Торо, или бегая до тех пор, пока не выбьются из сил. А я предпочитаю осматривать места преступления. Все житейские мелочи улечиваются прочь, как только я перехожу границу, обозначенную желтой лентой. Остается только молчание жертвы и то, что скрывается за этим молчанием.

Я посмотрела через дверь, ведущую на разгрузочную площадку, где и произошло преступление. Вот он, мой алтарь.

— Так ты собираешься мне рассказать? — нетерпеливо спросил Трэйвер.

В конце концов мне удалось перевести взгляд на напарника и выдавить из себя:

— Она не стала королевой.

По-видимому, Дэйв воспринял мое нежелание поделиться новостью как ужасное разочарование, поэтому обнял меня своей здоровой ручищей и сказал:

— Но она все равно будет участвовать в параде?

Мне пришло в голову, что бедняжке Дэйву ни за что не пережить переходный возраст своих двойняшек.

Я прошла в просторное подсобное помещение, служившее погрузочно-разгрузочной площадкой. Около двенадцати метров в длину и двадцать один в ширину, в торце — массивная подъемная дверь. Закрытая. Все свободное пространство занимали метровые букеты, половина — из роз всех мыслимых и немыслимых расцветок, а вторая — из экзотических цветов, о существовании которых я даже не подозревала. На потолке ряды ламп дневного света, из-за чего цветы казались светлее на пару тонов и возникало ощущение, что тропические растения сделаны из пластика.

Из-за края сортировочного столика, заваленного срезанными розами, торчали ноги убитого. В сандалиях и оранжевых носочках. Одна из сандалий свалилась и лежала в нескольких метрах от тела подошвой вверх. Между букетами цветов змейкой извивался ручеек крови, впадавший в сток в полу в центре подсобки. Как ни странно, цвет крови не изменился под действием флуоресцентных ламп. Ярко-алый ручеек стекал вниз и присоединялся к пластиковым карточкам, полиэтиленовым пакетам и пустым упаковкам из-под молока, чтобы всем вместе доплыть до Тихого океана через Лос-Анджелес-Ривер.

— Зачем, черт побери, стрелять в человека в оранжевых носках? Это неправильно, — буркнул напарник.

У Трэйвера необычное представление о справедливости, с которым трудно не согласиться. Взглянув на труп, я не смогла предположить, какую же угрозу мог представлять этот субъект в оранжевых носках, чтобы заслужить пулю в затылок.

— Вы установили личность убитого?

— Дэниел Финли, совладелец.

Я натянула хирургические перчатки, опустилась на корточки и осмотрела тело. Убитый был одет в джинсы и желтую тенниску, воротник которой пропитался кровью. На затылке в песочных волосах, там, где пуля вошла в череп, запекалась кровь. Когда убитый упал вниз лицом, раскинув руки в стороны, то сломал нос, и теперь он был приплюснут к левой щеке. Струйки крови от раны на затылке и сломанного носа сливались примерно в метре от тела в ручеек, устремившийся в сток. Я подумала, что бедняга так и не слышал, как хрустнули хрящ и кость в носу. Пуля вошла в затылок с такой силой, что сбила несчастного с ног, когда он пытался убежать от убийцы, и одна из сандалий слетела с ноги. К моменту удара об пол из всех чувств остался только ужас, но и тот растворился в вечности.

— Сорок восемь лет, женат, живет в Южной Пасадене.

Я изучила лоб убитого, насколько это было возможно, не касаясь его.

— Выходного отверстия нет.

Трэйвер покачал головой.

— Нет, насколько я видел, но я его особо не щупал. Думаю, тридцать второй калибр. Пуля, наверное, разорвалась прямо в черепе.

Я наклонилась и рассмотрела входное отверстие на затылке убитого. Оно было меньше, чем подушечка моего мизинца, а у меня очень маленькие руки, так что это никак не тридцать второй калибр. Скорее всего, пуля прошла черепную коробку, а потом рикошетом отскочила от лицевой части, превращая мозги в кашу.

— Нет, для тридцать второго отверстия маловато. Я бы сказала, двадцать пятый или двадцать восьмой.

— Пукалка за пять долларов, — проворчал Трэйвер.

Мелкокалиберные пистолеты любят три категории людей: насильники, наркоманы и белые женщины из коттеджных поселков, хранящие пистолет в прикроватной тумбочке. Если я ничего не путаю, Нэнси Рейган тоже держала такой пистолет — в Белом доме.

— А где второй владелец?

— В офисе.

Я еще раз огляделась, чтобы убедиться, что ничего не пропустила, и обратила внимание, что рядом с подъемной дверью расположилась еще одна, с надписью «Пожарный выход», которую я не заметила.

— Обе двери заперты?

— Да.

Над дверью прямо под потолком, на высоте метров пяти-шести висела маленькая видеочка, практически не заметная в темноте. Если я ее не заметила в относительно спокойной обстановке, то очень даже вероятно, что и преступник упустил ее из вида.

— А мы знаем, где запись во-о-н той камеры?

Дэйв бросил взгляд в угол, где висела камера. Очевидно, это новость для него. Мой напарник выглядел как подросток, которого поймали за руку на воровстве сигарет.

— Проверяем.

Мы вернулись в офис. На полпути я заметила, как по лицу Трэйвера расплывается улыбка.

— Чертовы потемки.

— Ага.

Мы всегда играли в эту игру при осмотре места преступления: кто что увидит, кто что просмотрит. Безобидная забава, лишенная элемента соревновательности, который непременно присутствовал бы, если бы речь шла о мужчинах-напарниках.

— А как Лэйси восприняла свой... хм... то, что не выиграла? — осторожно спросил Трэйвер, оставив незамеченную камеру в прошлом.

Как она восприняла? Господи. Разве об этом нужно спрашивать мать, которая только что обнаружила, что ее дочь живет совершенно иной жизнью, чем она себе представляла? Хотя я вообще-то и не пыталась представить себе ее жизнь. Лэйси умудрилась превратиться в незнакомку, пока я стояла в сторонке и позволила этому случиться.

— Нормально восприняла, — буркнула я.

— Большая честь участвовать в параде в свите королевы. У свиты есть определенные задачи и обязанности, и эта роль может стать шагом к чему-то большему.

Вот это мне и нравилось в Трэйвере-полицейском больше всего. Промахи он допускал только мелкие, и все они проходили по касательной. Хотелось бы мне так же успешно справляться с ролью матери. Я знать не знала, куда может привести мою дочь этот шаг, поэтому даже не пыталась угадать.

— Лэйси не будет в свите королевы.

— Разумеется, будет. Все финалистки будут.

В конце короткого коридора я посмотрела, что происходит за открытой дверью в офис. Офицер полиции со скучающим видом, очевидно, притомился нянчиться со свидетелем. В дальнем конце комнаты на маленьком диванчике сидел, согнувшись и спрятав лицо в ладонях, второй владелец магазина. Внешне он напоминал увядающий цветок, медленно клонившийся к земле.

Я представила себе Лэйси, распыскивающую с королевской платформы гербицид на зрителей парада вместо того, чтобы махать им ручкой и улыбаться. Я хотела рассказать Дэйву, что произошло на конкурсе, но не могла объяснить случившееся даже себе, не говоря уж о нем.

— В этом году правила изменились — никакой свиты не будет.

Я почувствовала, как в Трэйвере поднимается злость, как взболтанная газировка в бутылке. Его лицо начало краснеть. Ослепленный любовью дядюшка.

— Эти ублюдки не могли так поступить!!!

В радиусе пятнадцати метров все головы повернулись в нашу сторону, чтобы посмотреть, чего же именно не могли сделать «эти ублюдки».

— Они не ублюдки, они убийцы. — Я улыбнулась впервые с тех пор, как вывела Лэйси из зала.

Когда мы вошли, Эванс Брим вскинул голову и забормотал:

— Господи, Господи, Боже мой.

Ему было лет сорок пять. Приятное немолодое лицо, зеленые глаза, каштановые волосы с проседью. Но, судя по его внешности, даже учитывая, что Брим стал свидетелем преступления, он вообще много волновался. От уголков глаз сеточкой разбегались морщинки. Я подумала, что его, наверное, часто мучают головные боли. Да, не такими изображают продавцов цветов на открытках «Холмарк».³

— Мне стоило заранее что-то предпринять. Я должен был. Мы говорили о том, не приобрести ли нам пистолет, но я был... — Его взгляд стал бессмысленным. — Все так сильно изменилось с тех пор, как мы открыли здесь свой магазинчик.

Брим посмотрел на нас с таким видом, словно только что обнаружил, что он не один.

— Простите, я просто...

— Я понимаю, — перебила я его. — Расскажите, что произошло.

Он несколько минут рылся в своих воспоминаниях, словно перед ним на кофейном столике были рассыпаны кусочки мозаики. Я видела подобное на месте преступления десятки раз. Пустой взгляд, в котором застыл один-единственный вопрос: «Как это могло случиться?».

Трэйвер посмотрел на меня, а потом взглянул на часы. Нервы Брима взвинчены до предела, и ему нужны наводящие вопросы.

— Почему вы были в магазине сегодня вечером?

Брим сделал глубокий вдох и, казалось, сконцентрировался.

— Отправляли цветы. Заключили контракт с дизайнером, оформляющим одну из

³ Товарный знак приветственных и поздравительных открыток «на все случаи жизни».

платформ для парада. Это невероятный успех для нас.

Прекрасно, подумала я, мысленно представив заголовки: «Мать девушки, сорвавшей выборы Королевы Парада роз, расследует убийство в цветочном магазине». Могу себе представить, какие статейки под этими заголовками состряпают придурки, помешанные на теории заговора.

— Цветы в подсобке предназначены для украшения платформы? — спросил Трэйвер.

Брим кивнул.

— Большая часть из мексиканских оранжерей. Их доставляют в рефрижераторах. Время в нашем деле — решающий фактор.

— Для какой именно платформы предназначались эти цветы?

— Платформа Сан-Марино, «Дух разнообразия».

Отличные новости для устроителей Парада роз. Дух разнообразия привел к убийству. На мгновение в моей голове промелькнула совершенно дикая мысль, что преступление совершено на почве странной ненависти к флористам.

— Сколько наличных в магазине? — спросила я.

— Несколько тысяч долларов. Цветы должны были приехать сегодня, а некоторые наши поставщики предпочитают расчет наличкой.

— Вы узнали стрелявшего?

Брим покачал головой.

— Он был в маске.

— В какой?

— Бордовая такая, как лыжники надевают...

— Вы отдали ему деньги?

Он энергично закивал.

— Да, да, все... и тут Дэниел попытался убежать в подсобку.

— А зачем он побегал? Нападавший что-то сказал? Он сказал, что убьет вас обоих?

— Нет, мне кажется, Дэниел просто запаниковал. Я замер на месте, а... Он пошел за Дэниелом, и я спрятался под витриной.

Брим замолчал, и по его лицу как румянец разлилась печаль.

— А потом я услышал выстрел, — прошептал он.

— Я знаю, это трудно, но сейчас необходимо припомнить все детали, — сказала я как можно более чутким тоном.

Брим кивнул, пытаясь взять себя в руки.

— Как звучал его голос...

— Дэниел говорил тихо... — Он осекся. — Вы имеете в виду убийцу?

Я кивнула.

— Да. Был ли у него акцент? Что-то особенное?

— Он был монотонный.

— В одной тональности? Как музыка?

Брим покачал головой.

— Нет, индифферентный, будто ему наплевать на происходящее, и ничего не значит убить кого-то. — Его взгляд снова стал мутным.

— Камера в подсобке работала?

По-видимому, Брим забыл о ее существовании и только сейчас понял, что убийство записано на пленку.

— О Господи... да.

— А почему вы не установили камеру в торговом зале, где стоит кассовый аппарат? — спросил Трэйвер.

— Мы как раз этим занимались. Просто в подсобку уже несколько раз проникали воры. Поэтому мы решили первую камеру установить там.

— А кто мог знать о том, что у вас столько наличных в магазине?

— У нас работают неполный рабочий день еще двое сотрудников, и сейчас мы наняли

одного временного.

— Нам нужны будут их адреса.

Брим с грустью кивнул.

— Но я не думаю, что кто-то из них причастен.

Я окинула взглядом офис. Доллар в рамочке, золотая табличка Ассоциации флористов США, свидетельство о членстве в торговой палате, фото двух партнеров вместе с женами на причале в Мексике рядом с огромной рыбой-парусник, свисающей с веревки. Счастливый защищенный мирок, который только что раскололся на части так, как роза, увядая, теряет лепестки.

— Почему входная дверь не была заперта?

Брим с удивлением посмотрел на нас.

— Не понимаю.

— Следов взлома нет, значит, дверь либо была открыта, либо преступника впустили, открыв дверь изнутри.

— Я был в подсобке. Я думал, она заперта.

Я вышла на улицу, оставив Трэйвера закончить допрос свидетеля. Температура резко упала, и я видела, как дыхание полицейских струйками тает в ночи. Бриз, дующий с океана, очистил улицу от запаха копченого чили. Высокие кипарисы покачивались на ветру, словно герои немого кино. Мимо меня к месту преступления прошел один из судмедэкспертов, и я отметила еле ощутимый аромат ментола, которым медики обычно пытаются перебить запах смерти, если тело уже лежало какое-то время. Я подошла к желтой ленте и мысленно проиграла ситуацию исходя из известных фактов. Убийство, как правило, — это очень просто. Как в детской головоломке — необходимо лишь правильно соединить точки, и получишь целостную картинку. Умники, если они решаются на убийство, обычно допускают в процессе массу промахов. Преступление похоже на канву с заранее нанесенным рисунком, вам остается только раскрашивать фрагменты в соответствии с номерами. Раньше меня это и удивляло.

Но сейчас мне захотелось перенестись с места преступления и оказаться на краешке дочкиной кровати, произнести то, что я хотела сказать в машине, но не смогла.

Когда я высадила ее у дома, Лэйси вылезла из машины, а потом повернулась и поинтересовалась:

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я какое-то время сидела молча. В голове вертелась тысяча вопросов, но я не задала ни одного.

— Позже. — И всё, всего одно слово.

Лэйси сделала глубокий вдох, а потом покачала головой:

— Превосходно.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но не смогла выдать ни звука.

— Ты всегда говоришь «позже», но это «позже» никогда не наступает. — Лэйси повернулась и зашла в дом, а я так и сидела молча.

Сердце начало бешено колотиться в груди, мне стало трудно дышать. Мысли неслись на бешеной скорости, метались между сомнениями и вопросами. Почему я ей ничего не сказала? Что плохого, если бы я призналась, что я никудышная мать? Мне хотелось напиться, хотелось сигарету, хотелось поплакать. Я почувствовала, как в уголке глаза образовывается слезинка.

Вышел Трэйвер с видеокассетой в руках и направился ко мне. Я отвернулась, посмотрела на горы и смахнула слезу рукавом.

— Посмотрим сегодня?

Я кивнула и сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь прийти в норму.

— Ты в порядке?

Я сглотнула комочек, пытаюсь смочить пересохшее горло.

— Ага.

Дэйв кивнул и вздохнул. По его лицу я видела, что он думает о том, что не успел прокрасться в детскую и поцеловать дочек на ночь. Ему нравилось быть отцом, каждую минуту, несмотря на усталость. Уверена, в глубине души Дэйв убежден: если в ближайшие двадцать лет что-то в жизни близняшек пойдет не так, они обнаружат истоки своих несчастий именно в том вечере, когда папа не поцеловал их спящие лобики.

— Они не запомнят, что ты сегодня не поцеловал их, — сказала я.

На зернистой черно-белой пленке, полученной с камеры слежения, Дэниел Финли сортировал связки, пребывая в счастливом неведении, сколько ему осталось жить. О чем он думал в тот момент? О цветах, о том, что съесть на ужин, о дне рождения жены, о наступающем Новом годе?

Вот Финли слышит что-то за спиной, поворачивается, и в этот момент в подсобку входит убийца в маске и наставляет на него короткоствольный пистолет.

— Похоже, автоматический, двадцать пятого калибра, — заметил Трэйвер.

На убийце джинсы, темная рубашка и белые кроссовки, на которых виднелась эмблема «Найк». Финли несколько секунд ошарашенно смотрит на убийцу, словно окаменев от страха. Преступник машет пистолетом, указывая на дверь, но Финли остается на месте, словно не веря своим глазам. Убийца трясет головой, похоже, орет, а потом подходит к Финли и, приставив пистолет к голове бедняги, выталкивает его из зоны досягаемости камеры.

— Разве Брим не сказал, что он был в подсобке, а Финли в торговом зале? — уточнила я.

Трэйвер проверил свои записи и кивнул.

На пленке на несколько минут появляется Брим. Кажется, что-то ищет, а потом снова уходит.

— Наверное, это объясняет, почему он так сказал, — заметил Трэйвер.

— Но не объясняет, как убийца проник в помещение и кто открыл входную дверь, правда?

Я взглянула на часы и засекала время, считая секунды до преступления, которое вот-вот произойдет на экране. Через двадцать пять секунд Финли вбегает обратно и практически сразу же падает, словно марионетка, у которой обрезают веревочки. Убийцы не видно, только облачко пороха из дула.

Мы с напарником переглянулись, подумав об одном и том же. Почему убийца встал так, что оказался вне зоны досягаемости камеры? Он знал о ней или это случайность? Но если он знал о камере и избегал ее, то почему незадолго до этого заходил в опасную для него зону?

— Скорее всего, это ничего не значит, — сказал Трэйвер.

— Скорее всего.

Я снова уселась в кресло и уставилась в окно. Улица была пуста, если не считать припаркованных патрульных автомобилей. Луна зашла, и снег на вершинах гор перестал блестеть отраженным светом.

— Брим сказал, что им доставляли цветы из Мексики. А что, если доставляли не только цветы?

Дэйв выключил видеомэгнитофон, встал, потянулся и зевнул, затем посмотрел на часы. Три часа ночи.

— Надеюсь, что все так просто.

Кто-то постучал в дверь кабинета. Зашла девушка-офицер с листом бумаги в руке.

— Получили сведения по одному из ваших фигурантов.

Она положила документ мне на стол и вышла. Это были данные о судимости одного из временных сотрудников Брима.

— Фрэнк Суини, провел тринадцать месяцев в федеральной исправительной колонии в Ломпоке, приговорен к четырем годам лишения свободы за подделку документов,

освобожден досрочно. — Я повернулась к Трэйверу, который уже проигрывал в голове различные предположения, а это значило только одно — поцелуй в лобики близняшек откладывался все дальше и дальше.

— Ты это имел в виду, когда сказал, что все будет просто? — спросила я.

— Ну, это была всего лишь догадка.

Я протянула ему полицейский отчет. Дэйв несколько минут изучал его, потом мысленно пожонглировал известными фактами, словно перебирал мелочь в кармане.

— Но как парень, отсидевший за липовую бумажку тринадцать месяцев, мог дойти до того, чтобы пристукнуть человека за две штуки баксов?

— Да, так не бывает, — кивнула я.

— А что, если там было больше, чем две штуки?

— Или что-то кроме денег?

— Например...

— Сегодня не тот вечер, когда можно делать хоть какие-то предположения.

— Предполагается, что я пойму, о чем ты? — спросил Трэйвер.

— Ага, лет через пятнадцать.

Он швырнул документ обратно на стол.

— А может, все именно так, как кажется. Какому-то парню с автоматической пушкой двадцать пятого калибра крупно повезло, и он сорвал большой куш, а потом запаниковал и вляпался.

— Тогда вопрос — кто открыл входную дверь?

Трэйвер сделал глубокий вдох, а потом выдохнул струю воздуха, словно сигаретный дым.

— Хочешь, чтобы мы разбудили сукиного сына Суини? Обыскали его нору?

— Если он замешан, то адрес, который он дал Бриму, пустышка.

— А если не замешан, то мы потратим впустую драгоценное время и не дадим парню насладиться сном, не говоря уже о нас самих.

Я посмотрела на дочкину фотографию, стоявшую на столике. Снимок сделан в летнем лагере, когда ей было четырнадцать. Лэйси в клетчатой рубашке и коротеньких джинсовых шортиках стоит перед гигантской секвойей, раскинув руки в стороны и растопырив пальцы. Смотрит на солнце и широко улыбается. Снято через два месяца после того, как я развелась с ее отцом. У меня отличная память на все события, которые касаются моей семьи. А через три месяца после развода моему мужу поставили диагноз — неоперабельная опухоль мозга. Он протянул еще пять месяцев, пять ужасных месяцев, подключенный к трубкам и накачанный наркотиками. В дочкином детском сознании почему-то во всем была виновата я, хотя у меня возникало то же чувство. Это он изменил мне, а я чувствовала себя виноватой. И его смерть после развода лишь сильнее укрепила мою уверенность, что настоящая жертва именно он, а не я.

Долгое время мне казалось, что Лэйси так счастливо улыбается на этой фотографии, потому что перешла некий рубикон и освободилась от тяжелого груза, который взвалил на наши плечи ее отец. Но сейчас я поняла, что все совсем не так. Казалось, Лэйси вот-вот взлетит и сделает круг над деревом, ставшим свидетелем чуть ли не четвертой части всей человеческой истории. Лэйси обнаружила родственные души, безмолвных жителей нашей планеты, молча терпящих всю грязь и яд, которыми мы поливаем их с того момента, как они проклевываются из земли. Быть цветком или деревцем почти то же самое, что быть ребенком. Мне нужно было сказать ей, что я ее люблю, эта мысль пульсировала в моей голове.

Дэйв откашлялся.

— Что скажешь? Поедем или нет?

— Мы нанесем ему визит завтра утром, — сказала я. — Поезжай домой и поцелуй малышек.

Я просидела в своем кабинете до четырех часов утра, когда позвонили судмедэксперты и сообщили, что тело увезли и место преступления опечатали. Тогда я отправила свидетеля Брима из участка домой и положила видеокассету из камеры слежения в сейф. Сев в «вольво», я вставила в магнитоолу кассету Пабло Казальса и поехала по Лэйк-стрит, затем повернула налево и направилась к подножиям гор, видя в зеркале заднего вида огни Лос-Анджелеса.

Надо на пару часов отвлечься от этого дела. Посплю часика полтора, а потом сделаю то, что делают все настоящие мамы: приготовлю Лэйси яичницу, тосты с джемом, налью апельсинового сока, сяду с ней позавтракать и скажу все то, что должна была сказать вчера вечером.

Я повернула на Марипоса-стрит и поехала к дому. Откуда-то сбоку вдруг вылетел белый «хундаи», практически царапнув по переднему бамперу моей машины, и водитель начал выкидывать из окна газеты «Стар ньюз» на подъездные дорожки, ведущие к гаражам. Я обогнала автомобиль слева и посмотрела на водителя. В тусклом утреннем свете он показался мне иностранцем, может, европейцем, лет двадцати семи-двадцати девяти, с усталыми ввалившимися глазами иммигранта, покинувшего родину в погоне за американской мечтой и обнаружившего, что эта самая мечта — две низкооплачиваемые работы и четыре часа сна в сутки.

По привычке я еще раз взглянула на «хундаи» в зеркало заднего вида, но тут свет фар выхватил из сумерек койота, стоявшего посреди улицы, — его шкура в темноте отливала красным. Когда я подъехала ближе, наглая тварь как ни в чем не бывало перешла дорогу, но стоило мне проехать, он такой же самоуверенной походкой вернулся на середину проезжей части.

В конце квартала я кликнула пультом дистанционного управления, открывающем двери гаража, и подъехала к своему ранчо с тремя спальнями. И тут у меня перехватило дыхание, словно чья-то рука схватила сзади за горло. В гараже не было желтой «хонды» Лэйси. Я посидела в машине до тех пор, пока дыхание не нормализовалось, потом вышла и уставилась на пустое место рядом с моей машиной.

«Черт», — слетело с моих губ. Если бы... Нет, нельзя заниматься самокопанием, но мне хотелось. Ну почему я ничего ей не сказала? Испугалась?

Я услышала, как газета шлепнулась на дорожку, и посмотрела на проезжую часть. На другом конце дорожки замер белый «хундаи». Автомобиль все стоял на месте, но лишь я подошла и забрала газету, водитель резко дал газу.

— Если бы я была умнее, — пробормотала я себе под нос. Дыхание белым облачком поднялось в холодный воздух.

Над вершинами Сан-Габриел первый намек на рассвет окрасил темно-фиолетовое небо мягким свечением солнца. Ящерица зашуршала в листьях плюща, растущего на холме за нашим домом. Ворона сидевшая на телефонном столбе, каркнула, извещая о начале нового дня. Я посмотрела на улицу и заметила, что «хундаи» уехал, не выбросив больше ни одной газеты. Это показалось мне странным, но сейчас мне уже все, черт возьми, казалось странным.

Я развернула газету и взглянула на первую полосу. Заголовок гласил: НЕКОРОНОВАННАЯ КОРОЛЕВА РОЗ? Под ним — фотография Лэйси с баллончиком в руке, рот перекошен в злобном крике.

Я сунула газету под мышку и на долю секунды задумалась: а не пробежаться ли по соседям, пока они не выползли в тапочках и пижамах, и не собрать ли все эти газеты? Но в одном из домов на кухне уже зажегся свет. Слишком поздно. Я вошла в дом и закрыла за собой гаражную дверь.

На кухонном столе лежала записка от Лэйси: «Как можно быть такой бестолковой... Я у подруги».

Я вздохнула и села. Да, мои планы о семейном завтраке с треском провалились. Я взглянула на холодильник, а потом на плиту. Не могу вспомнить, когда же я в последний раз готовила что-нибудь. Да, говорила об этом, даже продукты покупала, но так ничего и не готовила. Посмотрев на вазу с фруктами, я поняла, что понятия не имею, как они вообще оказались на моей кухне. Знаю только, что выросли из семечка.

Я взяла банан, выключила свет и пошла по темному дому. Потопталась в нерешительности около двери в комнату Лэйси, потом заглянула внутрь в надежде, что вопреки всем доказательствам, что дочка нет дома, она окажется-таки в своей спальне. Увы, комната была пуста. Я зашла и легла на ее кровать. От подушки исходил сладкий запах ее волос. Он напомнил мне о том времени, когда Лэйси была совсем малышкой, и аромат ее тельца еще долго оставался на моих руках после того, как я укладывала ее спать. Смятое платье из тафты валялось посреди комнаты вместе с грязными носками, лифчиком и футболкой с эмблемой Гринписа.

— Бестолковая, — прошептала я в темноту. Потом почистила банан, положила его себе на грудь и уснула, не откусив ни кусочка.

Через четыре часа я проснулась. Автоответчик мигал, извещая о шести сообщениях, которые я не заметила, придя домой. Два — от друзей Лэйси, которые считали, что ее поступок просто класс, два — от журналистов с местного телевидения, которые просили об интервью, одно — от директора школы, который считал, что неплохо бы посидеть втроем и обсудить условия, в которых растет девочка, а последнее — от фаната Парада роз, который считал, что у такой дрянной девчонки мать — просто кусок дерьма, дегенератка и шлюха, которой нельзя поручить даже выращивание шимпанзе.

После такой замечательной новости я пошла на кухню, чтобы реабилитироваться, разбила в сковородку два яйца, сделала тост и отрезала половину грейпфрута. Яичница подгорела.

Я оставила Лэйси записку с просьбой позвонить на мобильный, чтобы я знала, что с ней все в порядке, и сказала, что приду попозже и мы поговорим, или, точнее, выслушаю и узнаю, насколько же я бестолковая.

Выйдя на улицу, я заметила первые признаки тихоокеанского шторма, который бился о подножия гор и окутывал город легким туманом. В тусклом дневном свете поблескивали белые цветы юкки, растущей в горах. Вдали, над центром Лос-Анджелеса нависли тучи.

Все утро по радио взахлеб рассказывали о поступке моей девочки. Даже местная радиостанция ввязалась в разборки, хотя она склонна была объяснять поведение Лэйси тем ужасным вредом, которое в мировом масштабе наносит употребление пестицидов и гербицидов, а не тем, что девушка-подросток просто пыталась привлечь внимание своей матери. Один из слушателей, звонивших в студию, изобразил Лэйси такой последовательницей Рейчел Карсон.⁴

Когда я вылезла из машины на парковке рядом с отделением полиции, то заметила, как в мою сторону повернулись несколько голов. Вот что меня ждет — все будут оборачиваться и тыкать в меня пальцем. «А вот идет мать *той* девочки, никудышная мать». Я буду прокаженной на Параде роз, мамашей, которая позволила рухнуть столетней традиции. В убойном отделе меня встретили стоя бурными аплодисментами, а потом я обнаружила на своем рабочем столе дюжину баллончиков, оклеенных разрешениями на ношение огнестрельного оружия.

Трэйвер постучал в дверь, а потом вошел с таким мрачным видом, словно явился на гражданскую панихиду.

— Я слышал, — осторожно начал он. — Нам необязательно говорить об этом, если ты

⁴ Биолог, писательница, общественная деятельница, участница за охрану окружающей среды, ее книга «Безмолвная весна» подняла вопрос о вреде применения пестицидов и гербицидов.

не хочешь.

— Не хочу.

— Хотя, возможно, было бы полезно поговорить.

— Кому полезно?

— Как Лэйси?

— Ночевала у подруги.

— Хорошо.

— Не для меня.

— Так ты хочешь поговорить?

— Нет.

Трэйвер некоторое время постоял молча, в его глазах застыло такое выражение, словно он пытался найти дорогу по карте. Затем он кивнул и сказал:

— Если захочешь...

— Спасибо, — перебила я.

— Я к твоим услугам, если ты будешь готова.

— Поговорить, значит, хочешь?

— Именно.

Я кивнула.

— Так вот, я — шлюха, которой нельзя поручить даже выращивание шимпанзе, — сказала я, а потом двинулась к выходу, чтобы допросить временного сотрудника Суини.

Трэйвер несколько секунд смотрел на меня, не зная, как ответить, а потом улыбнулся и пошел за мной:

— А мне нравятся шимпанзе.

По нашим данным, Суини жил в одном из маленьких белых бунгало, стоявших вдоль небольшой улочки в Южной Пасадене, ответвлявшейся от Мишшн-стрит. Бунгало представляли собой один из первых опытов послевоенного строительства, подобные кварталчики усеивали старые районы. Сейчас здесь в основном жили бедные иммигранты из Мексики.

Вдоль дорожки, ведущей к бунгало, валялось несколько пластиковых игрушек. Пучки травы прорастали сквозь трещины в асфальте.

Бунгало не помешало бы покрасить и настелить новые крыши. По периметру дома росли несколько «райских птиц» весьма потрепанного вида. Влажная погода, казалось, усиливала ощущение, что эти домишки, выстроенные для возвращающихся на родину ветеранов, уже отжили свое.

Трэйвер посмотрел на номера домов, потом кивнул в сторону последнего.

— Он должен быть в крайнем справа.

Пока мы шли по дорожке, я заметила, как в нескольких окнах отдергивались занавески, и смуглые лица с подозрением взирали на нас, а потом быстро исчезали, когда становилось ясно, что мы пришли не за ними. Из одного бунгало доносился сладковатый запах свинины «карнитас», доходящей до готовности в духовке. В двух других через покосившиеся окошки слышались звуки телевизора. Мы подошли к входной двери Суини. На окне желтой краской были нарисованы какие-то силуэты. Промокший розовый рекламный листок, призывающий отдать свой ковер в самую лучшую в мире химчистку, грустно лежал на крыльце, постепенно отдавая краску влажному бетону.

— Что-то подсказывает мне, что у химчистки здесь мало клиентов, — сказал Трэйвер, взглянув на рекламу.

Я постучала в дверь. Ответа не последовало. Внутри было тихо.

— Когда он должен прийти на работу в магазин?

— Уж точно не сейчас.

Я снова постучала и громко известила: «Полиция», но никто опять не ответил.

Судя по фотографии, изъятой нами из дела Суини, он определенно подпадал под

категорию «обыкновенный, без особых примет»: темные волосы, рост сто шестьдесят сантиметров, черты лица именно такие, чтобы раствориться в любой толпе.

— Я обойду дом и посмотрю, есть ли задняя дверь, — сказала я и двинулась вокруг бунгало.

Трэйвер подергал ручку.

— Эй, да тут открыто.

Он толкнул дверь и, не заходя внутрь, закричал:

— Полиция!

Через боковое окно я увидела ослепительную вспышку, которая означала, что внутри дома сработал детонатор. Я крикнула Дэйву, но было слишком поздно. Взрывное устройство было сконструировано таким образом, чтобы убить человека, входящего в дверь. Окружающий меня мир изменился с потрясающей скоростью. Волна горячего воздуха сбила меня с ног, осыпав дождем из битого стекла. Падая, я посмотрела на входную дверь и увидела, что Дэйв исчез в облаке пыли и грязи, а дверь сорвало с петель, и она, кувыряясь, отлетела и ударилась о стену бунгало напротив.

И все было кончено. Не успела я и глазом моргнуть.

Я лежала на сырой земле, чувствуя горький привкус пыли во рту. Поднявшись на четвереньки, я ощутила, что по щеке и из носа тонкой струйкой бежит кровь. Я ощупала голову и обнаружила, что в череп, как раз над линией роста волос, воткнулся осколок оконного стекла величиной с пятицентовую монету. Хотя я и не помнила, собственно, звук взрыва, но прочувствовала тишину, наступившую после. Такое впечатление, что всю зону поражения накрыли звуконепроницаемым покрывалом. Даже воздух казался неподвижным, пустым, словно бомба проделала дырку в пространстве.

Я, пошатываясь, поднялась и взглянула на бунгало. Туман, окутывавший квартал, превратился в дождь, словно высвободившись от силы взрыва. Капли стучали по земле, нарушая странную мертвую тишину. Воздух наполнился едким запахом взрывчатки. Я на какое-то время потеряла равновесие, но удержалась на ногах.

Один коричневый ботинок Дэйва валялся на крыльце, все еще с завязанными шнурками. Сам Дэйв лежал на дорожке на спине, положив босую ногу на обутую. Зеленый носок наполовину сполз. Он напоминал малыша, который решил побегать босиком во дворе.

Я доковыляла до него и опустилась на колени. Его глаза были открыты и не двигались. Все лицо покрыто мелкими порезами и сеточкой кровеносных сосудов, лопнувших в результате контузии. Обе руки подняты, и рукава спортивной куртки задрались до локтей. Пуговицы на рубашке отлетели, и она распахнулась, обнажая грудь. Капли дождя смывали с его живота грязь и песок.

— Дэйв?

Даже если он меня слышал, то не подал признаков жизни. Я двигала пальцами по его шее, пока не нащупала еле слышный пульс. Его грудь слабо поднималась при вдохах.

— Дэйв? — снова заорала я.

В его правом глазу полопались все сосуды, началось кровоизлияние, и белок постепенно стал малиновым. Дэйв несколько раз моргнул, потом его взгляд с удивлением сфокусировался на мне, словно я только что пришла в гости без предупреждения.

— Дэйв, ты меня слышишь?

В его глазах мелькнуло понимание.

— Произошел взрыв. Ты ранен.

Он пошевелил губами, пытаясь что-то сказать, но ничего не вышло. Затем Дэйв предпринял вторую попытку и еле слышно сказал:

— Без дураков.

Из соседнего бунгало вышла напуганная мексиканка лет тридцати пяти.

— Вы говорите по-английски? — крикнула я.

Женщина кивнула.

— Позвоните 911 и скажите, что ранен офицер полиции.

— У нас нет телефона.

Я посмотрела на Дэйва. Его взгляд снова потерял осмысленность. Я встала и пошла к машине, чтобы воспользоваться рацией. На полпути я услышала первые сирены, спешащие к месту взрыва. Но я все равно взяла рацию и сообщила: «Ранен офицер полиции», чтобы не оставалось сомнений, что нам окажут всю необходимую помощь.

Когда я шла обратно к Дэйву, то обратила внимание, что во всех бунгало вылетели стекла и осколками засыпало всю дорожку. Кровь начала заливать мой правый глаз. Я дотронулась до куска стекла, торчащего из головы, и почувствовала боль. Снова проверила пульс Дэйва. Без изменений. Вот только глаза закатились.

Я вытащила «глок» и двинулась к входу в бунгало, где дверная коробка болталась на одном гвозде. Подняв пистолет, я проверила все комнаты, чтобы убедиться, что Суини не спланировал еще какую-нибудь гадость. Но в помещениях за источником взрыва все было в целости, словно ничего и не случилось. Кружка, наполовину заполненная кофе, на кухонном столе. Рядом несколько пустых бутылок из-под пива. Зато комната, которая располагалась по направлению взрыва, лежала в руинах. Повсюду обломки дерева, гипсокартонные стены превратились в труху, теперь рассыпанную по полу.

Как только мое сознание прояснилось, сбросив пелену контузии, я заметила проводки и обломки спускового механизма, остатки которого валялись на выжженном полу. Услышав, как первый патрульный автомобиль с сиреной подлетел к месту происшествия, я сунула пистолет в кобуру и поторопилась к Дэйву. Следом за полицейскими примчалась пожарная машина, а прямо за ней — бригада «скорой помощи». Но вдали завывали еще несколько сирен. Ничто не сможет так быстро вызвать подмогу, как волшебные слова «ранен офицер полиции». Они же самые страшные.

Я стояла над Дэйвом, жалея, что ничего не могу сделать, и чувствовала себя беспомощной, потому что в этой ситуации самое лучшее — не вмешиваться. Ко мне подошел офицер и что-то сказал, но я не услышала. Несколько пожарников склонились над Дэйвом и начали оказывать ему первую помощь. Еще один пожарник взял меня под руку, отвел к крыльцу соседнего бунгало, усадил, а потом натянул резиновые перчатки, которые под дождем казались неестественно светлыми.

Пожарный поднял палец перед моими глазами и начал водить туда-сюда.

— Можете следить за пальцем?

Я кивнула и сказала:

— Я в порядке.

Он вытащил кусок стекла из моей головы и наложил повязку. Я посмотрела на Дэйва, теперь со всех сторон окруженного желтыми куртками пожарников и врачей «скорой помощи». Бунгало оцепили больше десятка полицейских. Я услышала, как один из них вызывает специалиста по обнаружения и обезвреживанию взрывчатых веществ. Вдруг у меня заболела голова, и в ушах застучало так, словно я наконец услышала взрыв. Я посмотрела на бунгало, пытаюсь сконцентрироваться на вырванной с корнем двери. Почему-то возникло ощущение, что я должна что-то вспомнить. Но вот что? Но мой мозг забуксовал и никак не мог найти сцепление.

Рядом со мной сел на корточки еще один офицер и заговорил:

— Что вы можете рассказать...

Пожарник тем временем продолжал задавать мне свои вопросы:

— Где-нибудь болит?

Приехало еще несколько машин с мигалками, заполнив воздух сиренами. А я устояла на дверной проем, пытаюсь вспомнить, убежать от водоворота голосов, заполнивших мою голову. Пожарник помог мне подняться и накинул теплоизолирующее одеяло из фольги мне на плечи.

— Возможно, вас контузило и вам нужно наложить швы.

Он повел меня к машине «скорой помощи». И тут меня осенило. Я оглянулась и посмотрела на разлетевшуюся в щепки дверь. Как мог человек, чей опыт преступной

деятельности ограничивается подделкой подписей на чеках, изготовить такое изощренное взрывное устройство? Это так же невероятно, как то, что Суини и грабитель, спустивший курок в цветочном магазине, — одно лицо.

Команда пожарников пронесла мимо меня Дэйва к стоящей под парами машине «скорой помощи». В корсете и шине-воротнике. Я посмотрела, как его грузят в «скорую», а потом снова взглянула на бунгало.

Если Суини не мог изготовить бомбу, то для кого она предназначалась? Для нас? Или для него? Одно мне было понятно прямо сейчас: офицеры натягивали желтую ленту, оцепляя место преступления, коричневый ботинок Дэйва лежал на крыльце, словно в ожидании следующего шага, в воздухе витал густой аромат жареного мяса, а дождь смывал тошнотворный запах взрывчатки.

— Если бы Трэйвер не остановился и не крикнул: «Полиция!», а сразу же зашел внутрь, то его убило бы мгновенно, — сказал мне офицер из отряда по обезвреживанию взрывчатых веществ. — Бомба была изготовлена со специфической целью и обладала очень малой зоной поражения. Поскольку Трэйвер оставил дверь открытой и не стал сразу заходить, то эффект от взрыва распространился на большую территорию, чем предполагалось.

Было пять вечера. С момента взрыва прошло семь часов. Дэйв лежал в реанимации с переломом черепа из-за удара дверью, выбитой взрывной волной. Его накачали снотворным, но он пребывал в сознании. Неизвестно, восстановится ли полностью зрение правого глаза, это станет понятно, когда спадет отек. Лечащий врач сказал, что для человека, которого снесла вылетевшая при взрыве дверь, Дэйв отделался легким испугом. А я ответила, что врачу стоит держаться подальше от Вегаса, если он так понимает везение.

У меня в сухом остатке четыре шва на голове, звон в ушах, грязь по всему телу и пропитавшийся кровью ватный тампон в одной ноздре. Кошмар, мучивший мою маму с тех пор, как я стала копом, — не то, что меня убьют, а то, что я потеряю привлекательность и муж меня бросит. Если бы она только понимала, что я была плохой женой задолго до тампона в носу, то наши отношения были бы более гладкими.

Из отделения скорой помощи я позвонила жене Дэйва и сказала, что произошло и что он скоро поправится. Она стала выпытывать подробности, словно пыталась найти прореху в моей истории и выяснить, что я скрываю от нее действительно ужасные новости. Я слышала, как она сдерживает слезы.

— Я думала, что после ухода из патруля он будет в безопасности. Детективов же не должны ранить.

После этого я оставила Лэйси сообщение на автоответчик, что я в порядке — на случай, если она что-то краем уха услышит в новостях.

Мне хотелось лечь и закутаться в уютное одеяло из верблюжьей шерсти, но вместо этого я снова стояла посреди злосчастного бунгало в полиэтиленовых бахилах и разговаривала с детективом Диланом Гаррисоном из отряда по обезвреживанию бомб. Ему тридцать семь, предполагаю, он — гений, обожающий вещи, которые взрываются ночью, днем и в остальное время. Как большинство офицеров отряда по обезвреживанию бомб, Гаррисон нашел там свое прибежище, поскольку больше никуда не вписывался. Он красавчик, хотя, кажется, даже не догадывается об этом. На самом деле внешность иногда тяготит его, он практически стыдится своей привлекательности. Гаррисон расхаживал по комнате как олень, которого выслеживает охотник, — каждый свой шаг он тщательно просчитывал, чтобы привлечь к себе как можно меньше внимания и не вызвать подозрений. Обладатель светлых волос, зеленых глаз и худощавого, но сильного тела, к которому относился так, словно это было чье-то чужое тело, в котором он был заточен лишь на время. В моменты нелюбви к своему телу он напоминал мне многих знакомых женщин.

Хотя в его личном деле не имелось никаких специальных отметок, мне казалось, что он в свое время получил серьезную физическую или психическую травму, или и то, и другое. Под внешней привлекательностью Гаррисон скрывал душевную боль. И бог знает что еще он

скрывал, работая с взрывными устройствами.

Я подошла к двери, где в момент взрыва находился Трэйвер, и оглянулась. Все стены и пол испещрены малюсенькими кружочками, нарисованными маркерами, которыми эксперты поместили фрагменты взрывного устройства. Я посмотрела на Гаррисона и вдруг поняла, что я не помню, что он только что сказал.

— То есть вы говорите...

— Что взрывное устройство изготовлено для того, чтобы убить человека, входящего в дом, не мешкая у двери, и закрывающего ее за собой.

Гаррисон смотрел на меня так, словно ждал, смогу ли я сложить кусочки головоломки, которые он только что разложил передо мной. Он тестировал меня. Вообще-то я не привыкла к такому обращению со стороны младших офицеров, но Гаррисон не был похож на других.

— Например, человека, вернувшегося домой?

Он кивнул.

— Бомбу изготовили, чтобы убить того, кто здесь живет.

— Возможно, тот, кто ее изготовил, кого-то поджидал, например нас.

Я сама не верила в то, что сказала, но мне было любопытно посмотреть на мыслительный процесс Гаррисона.

— Но зачем собирать такое сложное устройство, если вы не уверены в успешном результате?

— Возможно, смысл не в том, чтобы убить, а в чем-то другом. Террористы часто так делают, — предположила я.

— Да, когда бомба закладывается в общественных местах, в машинах, почтовых ящиках, универсамах, торговых центрах, клиниках, где делают аборт.

— Как, например, Унабомбер.⁵

Гаррисон кивнул.

— Здесь предполагались жертвы.

— Я предпочитаю слово «убийство».

— Да, — промямлил он таким тоном, словно ему становилось не по себе от этого слова.

Я задумалась.

— Значит, весьма сомнительно, что бомбу изготовил Суини, если только не хотел покончить с собой.

— Люди не используют для самоубийств бомбы-ловушки.

И хотя Гаррисон не знал многого о тех способах, с помощью которых люди покидают нашу планету, в данном случае я не могла с ним не согласиться.

— Но если Суини нужна была, как вы говорите, жертва, то почему бы просто не выстрелить из пистолета.

— Слишком много крови.

— Не поняла.

— Пистолет — это слишком интимно. Террористы не любят близкого контакта с людьми. Бомба оставляет место полету фантазии, который отсутствует, когда просто спускаешь курок.

— Полет фантазии? — переспросила я.

— Взрыв — это творческий процесс. А выстрел — просто процесс умерщвления.

— Вы говорите о контроле.

— Именно. Тот, кто предпочитает пистолет, просто убийца. Но человеку, который использует взрывное устройство, нужно нечто большее, чем смерть.

Я посмотрела на девятимиллиметровый ствол, болтающийся у Гаррисона в кобуре, и

⁵ Террорист, в течение семнадцати лет с 1978 по 1995 гг. терроризировавший США, посылая бомбы по почте, минируя здания; взрывы были маломощными, поскольку целью были не убийства, а террор.

задумалась, не относятся ли его слова частично и к нему самому. Сможет ли он выстрелить в критический момент? Сможет ли он прицелиться и нажать курок даже для спасения собственной жизни? Я не знала ответа.

— А что вы можете сказать о преступнике по взрывному устройству?

Гаррисон сел на корточки и изучил то место, где была установлена бомба. Интересно, в душе он восхищается тем, что видит? Нельзя быть экспертом по взрывчатым веществам, если не любишь бомбы.

— Профессионал, очень опасен, любит свое дело. Чрезвычайно осторожен. Все, что он использовал при изготовлении бомбы, можно купить в любом хозяйственном магазине, отследить невозможно. Химический анализ, скорее всего, покажет, изготовил ли он взрывчатку сам или выбрал взрывчатое вещество, которое легко приобрести на черном рынке.

— Он? — уточнила я. — Думаете, это мужчина?

Мой вопрос удивил Гаррисона. Он даже улыбнулся:

— Женщины не взрывают людей. Они предпочитают огнестрельное оружие.

На мгновение его глаза забегали, словно он искал выход из комнаты. Да, я была права. Он был ранен, скорее всего, в сердце Прекрасной Незнакомкой, чей взгляд до сих пор ему снится. Но Гаррисон прав. Женщина нажала бы на курок, а не заложила бомбу. Почему-то эта мысль меня даже немного успокоила, сама не знаю почему.

Когда эксперты закончили изучать обломки, мы прочесали каждый угол бунгало, чтобы побольше выяснить о Суини. Но, кроме того, что он предпочитал свободные трусы-боксеры и покупал дешевую одежду, сказать было особо и нечего. Никаких тебе семейных фото, писем, записных книжек, выписок из банка, чеков — ничего личного. Ни любимой ручки рядом с телефоном, ни магнитика на двери холодильника. Ничего особенного в верхнем ящике дешевого комода рядом с кроватью. Даже в холодильнике лежали в основном готовые расфасованные обеды, которые, казалось, созданы специально для того, чтобы сбить с толку. В итоге все мои знания, полученные о Суини, сводились к тому, что у него обхват талии восемьдесят пять сантиметров и он любит нежирную пищу, но в этом он мало чем отличался от всех мужчин, с которыми у меня когда-либо были отношения.

Но кое-что я все-таки узнала о Суини, и, возможно, самое важное — он что-то знал об убийце Дэниела Финли, и из-за этого его пытались убить. И если юный гений детектив Гаррисон прав, то преступник, заложивший бомбу, и убийца, столь интимно выпустивший пулю в затылок Финли, — это два разных человека, а это значило, что мне, возможно, предстоит искать двух убийц, а не одного.

— Мне нужен напарник на замену Трэйверу. Не хотите поучаствовать?

— Я не занимаюсь убийствами.

Я видела, как в его голове крутятся шестеренки так же, как если бы он распутывал провода взрывного устройства: так, тут красный, а тут синий, этот не заземлять и ради всего святого не трогать вон те два, а иначе всем нам крышка.

— Я не... мне не очень нравится находиться рядом с трупами, — пробормотал он.

— С целыми не нравится, зато с кусочками, на которые их разрывает бомба, нравится, — проворчала я.

Лицо Гаррисона исказилось от боли, словно на него нахлынули дурные воспоминания.

— Просто...

— А я и не спрашивала нравится — не нравится... Решено, вы — мой новый напарник, — заявила я.

— Разве не нужно утверждать назначение?

— За все назначения отвечает старший детектив убойного отдела.

— И это вы.

— Угадали.

Гаррисон — единственный из моих знакомых копов, кто воспринимал просьбу об

участии в расследовании убийства как форму наказания. Он выглядел как человек, много лет проживший в пещере и только что вытасканный на солнышко. Мир такой огромный, и он не может его контролировать.

— Это временно.

— Хорошо, — буркнул он, его взгляд не выдавал эмоций, спрятавшись в убежище своей привлекательности.

Я вышла на дорожку между бунгало и дошла до границы, обозначенной лентой. Дождь прекратился, хотя асфальт все еще был влажным, а тучи по-прежнему нависали над горами. Я сняла бахилы и протянула их одному из экспертов.

Гаррисон вышел наружу и начал осматривать дверь, практически приклеившуюся к стене соседнего бунгало. Казалось, он более органично смотрелся бы на археологических раскопках, а не на месте преступления. Ему не хотелось работать в паре со мной, и лично я считала, что из-за этого нежелания он идеально годился на роль напарника. Бойся человека, который чего-то хочет слишком сильно. Кажется, так говорила моя мать, хотя она имела в виду секс, а не амбиции.

Я села в машину и поехала по мокрым улицам мимо старых коттеджей в ремесленном стиле и одноэтажных испанских ранчо с терракотовыми черепичными крышами. Я заехала в госпиталь и проверила, как там Дэйв, а потом отправилась домой убедиться, что мои отношения с дочкой в лучшем состоянии, чем бунгало Суини.

4

Когда я заехала в свой гараж на Марипоса-стрит, Лэйси была дома. Войдя в кухню, я услышала звук работающего телевизора, доносившийся из ее комнаты в дальнем конце дома. Рядом с раковиной стояла тарелка с остатками салата. На мой взгляд, она ест как птичка. Может, если бы я чаще готовила... Я могла бы пойти на кулинарные курсы. Да-да, могла бы. Честное слово.

Я прошла через кухню и гостиную, подошла к двери дочкиной комнаты и молча застыла на месте. Не стучала, ничего не говорила, просто тупо смотрела на дверь.

— Можно войти?

— Ага, — последовал ответ.

Я открыла дверь и вошла. Взгляд дочери застыл на запекшейся корке на моем носу, а потом скользнул вверх, к стежкам над виском.

Она раскрыла рот, словно пыталась нормализовать давление в барабанной перепонке, а потом ее лицо сначала вспыхнуло румянцем, а потом побледнело.

— Так это была ты... — сказала она дрожащим голосом.

— Со мной все в порядке.

— Я видела в новостях. Они сказали, что ранен офицер полиции. Это Дэйв?

Я присела на край кровати и кивнула:

— У него трещина в черепе, и вообще его здорово потрепало, но доктора говорят, что он поправится.

— Ты могла бы позвонить.

— Я звонила. Оставила сообщение на автоответчике.

— Хм, никаких сообщений не было.

— Наверное, автоответчик почему-то не сработал.

— Да, ну ладно.

Я на секунду задумалась, что же случилось с автоответчиком, и никак не могла отделаться от этих мыслей. А что, если Лэйси прослушала сообщение, а сейчас просто закручивает гайки, потому что вчера вечером я бросила ее одну? Я попыталась отогнать эту мысль раньше, чем скажу что-то, о чем пожалею. Лэйси спасала меня от меня же самой.

— А я тоже была в программе новостей, — сообщила Лэйси. — У меня взяли интервью, хотели узнать, зачем я это сделала.

Я сделала глубокий вдох.

— Мы могли мы все обсудить до твоей беседы с журналистами.

— Мама, это мое личное дело.

Атмосфера накалилась.

— Я не об этом. Просто они могут тебя запутать, вот и все. Нужно быть аккуратной, чтобы тобой не стали манипулировать.

— А мне кажется, это я всеми манипулирую.

— Тут ты права.

Взрыв.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

— Я не собираюсь извиняться за то, что я сделала, только потому, что тебе обидно, — заявила Лэйси.

— Нет, тебе стоило бы извиниться за то, что ты не предупредила меня о том, что собираешься сделать.

— Если бы я заранее сообщила тебе, то ты стала бы соучастницей.

— Если бы ты сообщила заранее, то я бы тебя остановила.

— Дело закрыто. Прямые действия имеют успех, только когда подготавливаются втайне.

Фраза «прямые действия» разъедала мое горло, как вирус стрептококка.

— Прямые действия?

— Так говорят.

— Кто говорит? Ты говоришь так, словно тебя кто-то научил.

— А ты говоришь как коп. Это просто вшивый конкурс красоты, просто поверь, что так было нужно!

— Доверие — не то, что первым делом приходит мне в голову.

— Спасибо, мамочка. Я сделала то, во что верила, и сделаю это еще раз.

— У меня был сложный день. Я не настроена спорить.

— Вообще-то это не я спорю, а ты.

— Но из нас двоих врешь именно ты.

— И когда это я врала?

— Молчание ничуть не лучше лжи.

— Ну, ты-то у нас эксперт в этом вопросе.

Господи.

— Прекрати! — заорала я. — Просто остановись!

Лэйси сделала вдох, но не дала себя разжалобить. Она изо всех сил старалась быть жесткой, но я уже заметила первые трещинки в ее броне. Она потеряла отца, и несколько лет назад я пообещала ей, что со мной ничего не случится. А теперь мой напарник в реанимации, а я ближе, чем хотелось бы, подошла к тому, чтобы нарушить свое обещание. Это тяжким грузом давило мне на плечи. Мне казалось, что я обманула доверие дочери и вела себя совершенно безответственно. Глядя сейчас на Лэйси, я не могла понять, как вообще посмела рисковать, даже чуть-чуть.

— Я испугалась, — сказала Лэйси.

Мои глаза наполнились слезами.

— Прости меня.

Я обняла ее и держала, пока она не вырвалась. Она уткнулась лицом мне в плечо, пытаясь снова стать маленькой девочкой, почувствовать, что я ее мамочка, хотя бы на минуту. Но я уже разучилась быть мамочкой... Мы обе разучились.

Лэйси высвободилась из моих объятий и посмотрела с таким видом, словно хотела что-то сказать, но вместо этого прибавила звук на телевизоре и уставилась на экран. Я встала и подумала, что если бы смогла взять на себя инициативу в разговоре и выкинуть проклятый телевизор из комнаты, то так и сделала бы, но ничего не предприняла, просто повернулась,

вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

Потом пошла на кухню, оторвала бумажное полотенце и высморкалась. Ужасно хотелось есть, но я слишком устала, чтобы что-то готовить, поэтому пощипала остатки салата из дочкиной тарелки. После чего, не в силах совладать с собой, пошла посмотреть на автоответчик. Я звонила, это точно, но как Лэйси и говорила, на дисплее высветилась надпись «0 новых сообщений». Я нажала воспроизведение, чтобы убедиться, что моего сообщения нет среди прослушанных. Увы. Да, возможно, проблема в автоответчике, но раньше такого не случалось. Кто я сейчас, мать или полицейский? С какой целью? Плюнь и разотри, тихонько сказала я себе. Завернись в теплое одеяло, ложись спать и все забудь.

Лежа в темноте, я попыталась мысленно разложить все по полочкам. Но одно событие сегодняшнего дня не давало мне покоя. Почему Лэйси сказала «прямые действия»? Как коп я научилась отыскивать в комнате одну-единственную вещь, которая была не к месту. Когда я выступаю в роли мамы, то лучше всего позабыть все навыки полицейского. Но, размышляя над словами Лэйси, я понимала, что они не устраивают ни копа, ни мать внутри меня. Моя девочка, которую я знала или думала, что знала, раньше никогда не употребляла таких слов. «Прямые действия». Откуда она такого нахваталась? Или, вернее, от кого?

Когда утром я ехала в участок, по радио все еще обсасывали выходку Лэйси. Слыша, какая злость звенела в голосах некоторых участников дискуссии, можно было подумать, что моя девочка совершила государственную измену или разгромила мемориал Линкольна, так сильно она ранила гражданскую гордость жителей Пасадины. «Никогда за столетнюю историю Парада роз...» и т. д. и т. п. Если бы речь шла не о моей дочери, то я бы посмеялась. Но под всей этой абсурдностью копилась грязь, от которой нельзя просто так отмахнуться, если ее льют на твою семью. Я выключила радио и попыталась собраться с мыслями и сконцентрироваться на предстоящем дне.

Ветер с океана, прежде чем двинуться на восток, закручивался спиралью в пустыне Мохаве, словно детская вертушка на палочке. В воздухе пахло шалфеем. Утреннее небо сияло яркой голубизной, словно в осенний день в Новой Англии. Практически не чувствовалось, что находишься в Южной Калифорнии, пока я не посмотрела на запад и не увидела серую полосу океана, над которой, там где небо сходится с водой, парил, словно облачко, маленький самолетик.

Гаррисон уже ждал меня в моем кабинете. Если он и спал сегодня, то по нему так сразу и не скажешь. Пиджак и брюки помяты, галстук выглядит так, словно он не развязывал его лет эдак десять.

— Извините за мятый костюм, я в нем спал, — пошутила я.

Он посмотрел на свой «наряд» и поморщился.

— В нашем отделе мы обходимся без формальностей. Я редко хожу в костюме.

— Только на свадьбы и похороны.

— Типа того... Один раз на свадьбу, второй раз на похороны.

Очевидно, мои слова были для него тяжелым грузом, хотя я не ожидала подобного эффекта и не хотела разделять с ним эту тяжесть, пока не выпью вторую чашку кофе. А может, и тогда не захочу, так что я быстро сменила тему, переходя на «ты», поскольку с сегодняшнего дня мы напарники, кроме того, я как-никак старше по званию:

— Ты закончил у Суини?

Он кивнул и жестом показал на мой рабочий стол.

— Все, кроме химического анализа. Он будет готов сегодня во второй половине дня или завтра, если возникнет проблема с каким-то из образцов.

Я взяла отчет. Шесть страниц убористым шрифтом через один интервал. Да, насколько я знаю, некоторые копы столько и за десять лет не пишут.

— Нашел что-то необычное?

— Да.

Я подождала. Похоже, Гаррисон не знал, как сформулировать мысль.

— И? — наконец не выдержала я.

— Я был не прав.

— Насчет чего?

— Я думал, что преступник использовал какое-то распространенное вещество, вполне заурядное.

— А это не так?

— Не совсем. Он использовал два вида взрывчатых веществ. Простой порох, скорее всего из фейерверков, но внутри пластид военного класса, который очень трудно раздобыть в Штатах.

Я тут же подумала о том, что Брим закупал цветы в Мексике.

— В Мексике?

— В Мексике проще и следы легче запутать.

Гаррисон улыбнулся, как школьник, с упоением рассказывающий о научном проекте.

— Но откуда ты знаешь, что это пластид военного класса, если химический анализ еще не завершен?

— После каждого взрывчатого вещества остается свой особенный след. И если знаешь, что искать, то можно многое рассказать о том, что за материал использовался при изготовлении бомбы. Энергия, высвободившаяся в результате взрыва в бунгало, не могла быть результатом использования обычного пороха, поэтому я понял, что было что-то еще.

— Энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света.

Гаррисон кивнул, хотя моя попытка продемонстрировать познания в физике, вызывала у него боль, словно жмущие ботинки.

— Типа того.

— Но зачем маскировать этот пластид, если мы все равно не можем отследить его происхождение?

— Потому что так веселее.

— Веселее? — Я не смогла скрыть отвращения.

— Террористы, если речь не идет о смертниках, по природе своей игроки.

Я снова уселась в кресло и покачала головой.

— Да, странная психология.

— Как правило, это больные люди. Мечта психиатра.

Вошел детектив Норт. Один из старейших сотрудников отдела, разведенный отец, давно ведущий бой с холестерином и пивом. Его отличительные черты — редящие рыжеватые волосы и алкогольный румянец.

— Мы получили ордер на обыск в домах Брима и Финли. Выполнять?

— Да, обыскать все сверху донизу. Все до единой бумажки, машину, мусор, — сказала я, а потом поправилась: — Особенно мусор.

— Брим недоволен, что магазин опечатан.

Я посмотрела на него с таким видом, словно спрашивала: «Я что, должна отвечать на глупые вопросы?».

— Понятно, — кивнул Норт и по дороге к двери бросил взгляд на Гаррисона: — Милый костюмчик.

Тут зазвонил телефон. Прямая линия.

— Делилло.

— Мама, — раздался голос Лэйси на октаву выше нормы.

— Лэйси, все в порядке, детка?

— Они меня отстранили.

— Кто?

— Эти козлы из школы. Директор Паркс.

На рождественской неделе они все-таки три дня учились, чтобы сократить обучение в самое жаркое время.

— Он хочет, чтобы мы с тобой пришли к нему.

Звонок по другой линии.

— Погоди секундочку, Лэйси.

Я переключилась на вторую линию. Звонил сержант по имени Толланд.

— Лейтенант, неподалеку от оврага обнаружен труп. Думаю, вам стоит взглянуть. Возможно, убийство.

Господи, в Пасадене всего тридцать шесть тысяч жителей. Два трупа за три дня для нашего городка — это уже волна преступности.

— Где?

— Парковка рядом с искусственным прудом.

— Поняла.

Я снова переключилась на Лэйси.

— Лэйси.

— Вот ублюдки.

— Где ты находишься?

— В «Старбакс».⁶

Я сделала вдох. Голова трещала так, словно прямо над ухом прогремел еще один взрыв.

— Я позвоню домой позже, и мы все уладим.

— Они ведут себя так, словно я ребенка украла, а не конкурс красоты испортила. Что с ними такое? Они что, не отдают себе отчета, что мы творим с нашей планетой?

— По-видимому, нет.

— И это все, что ты скажешь?!

Я потеряла висок указательным пальцем, пытаюсь избавиться от головной боли. Совмещать работу и материнство, что может быть лучше? Ты же современная женщина. Господи. Мои мысли на секунду вернулись к двум взрывчатым веществам, одно из которых было спрятано внутри другого.

— Пока да.

— Супер, — буркнула Лэйси и повесила трубку.

Я тоже повесила трубку и уставилась на дверь. Гаррисон поерзал в кресле. Я взглянула на него, почти удивившись, что в кабинете есть кто-то еще. Он посмотрел на меня так, словно хотел что-то спросить, но не знал, с чего начать.

— Мне нужно сделать еще один звонок.

— Я подожду снаружи.

Он встал и двинулся к выходу.

— А ты уверен, что пластид привезен из-за границы?

— Я проверил. У них строгий учет.

— У них?

— Я связался с военными.

— Когда ты успел?

— Вчера вечером. Я не спал.

— Именно вчера или ты вообще никогда не спишь?

— Иногда мне кажется, что никогда.

У меня возникло чувство, что он говорит о чем-то, чего я недопонимаю.

— Я что-то упустила? Неужели это вещество настолько особенное?

— Ох, — выдохнул он так, словно только что понял, что забыл положить один из ингредиентов, как это нужно по рецепту. — Его нельзя обнаружить по запаху, оно не пахнет.

Я задумалась на секунду.

— Взрывчатое вещество?

— Ага.

— То есть собаки его не смогут учуять?

⁶ Популярная сеть кофеен.

— Никто его не сможет учуять, даже после взрыва оно практически не оставляет следов. Вот почему этот пластид настолько опасен, и в армии взят под строжайший контроль.

— Как же он попадает в Мексику?

— Мы его не производим, зато производит Израиль. И продает мексиканской армии.

Приблизительное представление, что это за материал, сформировалось в моей голове, словно фотография в лоточке с проявителем. И эта картинка меня испугала. Да, это вам не вещество, которое используют при показательном сносе старых казино в Вегасе специально для телекамер, и не то, чем взрывают горные склоны при добыче угля.

— Это вещество предназначено для того, чтобы убивать, да? Например, того, кто заходит в дверь? — спросила я.

Гаррисон кивнул.

— Или для изготовления автомобильных бомб, — спокойно добавил он.

Но Суини в получившуюся картину не вписывался.

— Но зачем использовать его для убийства такой мелкой сошки, как Суини?

У Гаррисона стал взгляд, как у профессора физики Калифорнийского университета.

— А вот тут и начинается самое интересное.

— Что именно? — спросила я.

— Он пытался замаскировать пластид порохом, чтобы скрыть факт его использования.

И этому есть только одно логическое объяснение.

Картинка стала совершенно четкой. И нарисовать ее мог только коп. Меня затошнило.

— Он собирается использовать его еще раз.

— Да, вполне резонное предположение.

От его слов в комнате образовалась дыра, очень быстро заполнившаяся неловким молчанием. Примерно такое же чувство возникло у меня, когда отец Лэйси сообщил о своем страшном диагнозе. Будущее, о котором вы ничего не хотели знать, лежало прямо перед вами, и просто отвернуться от ужасной новости не получится. Нам с Лэйси предстояло смотреть, как он умирает, и мы ничего не могли сделать.

— Хочешь, чтобы я позвонил в Бюро?⁷ — спросил Гаррисон.

Меньше всего мне хотелось, чтобы нас атаковали федеральные агенты и взяли расследование на себя. Они похожи на консервативного папу и считают, что дела делаются одним-единственным способом.

— Сообщи им, только очень осторожно.

— Разумеется.

Гаррисон пошел к двери.

— Если я правильно понимаю, единственное доказательство использования этого вещества — отсутствие следов других веществ.

— Ну, доказательство от противного — общепринятая методика.

— Не при расследовании убийств.

На его лице промелькнула тень улыбки.

— Звоните, — сказал Гаррисон и вышел.

Я уставилась на телефон, мысленно рисуя ту мрачную реальность, которая только что обрушилась на меня. А потом позвонила в школу Лэйси. Невеселая секретарша, у которой и так слишком много работы, чтобы отвечать еще на звонки, сняла трубку:

— Школа Маршалла.

— Это лейтенант Делилло, полиция Пасадены. Я мать Лэйси Делилло. Мне хотелось бы поговорить с директором Парксом.

Я всегда прихожу к выводу, что при любом контакте с бюрократической системой,

⁷ Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табачных изделий и оружия, в функции этого правительственного ведомства входит в том числе и осуществление контроля за соблюдением законов, касающихся взрывчатых веществ

пусть даже на самом нижнем ее уровне, сообщение, что я — коп, помогает легче достучаться до следующего уровня. Так что я провисела на телефоне, слушая гимн школы, не дольше двух первых строк.

— Миссис Делилло. Это Паркс. Я вас слушаю.

Паркс из тех директоров, кто терпеть не может детей, так что он дезертирует при первой же возможности. Те, кто не может учить детей, преподают физкультуру, а те, кто не может преподавать даже физкультуру, становятся директорами. Паркс недалекий человек, чьи интересы ограничиваются циферками в бюджете, а не умами и душами детей. Если на то пошло, то я думаю, что он считает учеников своими врагами.

— Это лейтенант Делилло, мистер Паркс, — сказала я, чтобы напомнить ему, у кого из нас пистолет. — Как я понимаю, вы отправили мою дочь домой.

— Да. Но надеюсь, мы сможем обо всем поговорить сегодня днем.

— Почему вы отстранили ее от занятий?

— Я надеялся, что мы сможем поговорить обо всем сегодня в моем кабинете.

— Сможем, но пока что мне хотелось бы получить ответ, — сказала я.

— Разумеется. Учитывая ее недавнее поведение, которое, хотел бы отметить, явилось большим разочарованием для всех учеников и преподавателей... — Фраза так и осталась висеть неоконченной, словно он пытался добиться от меня какой-то реакции.

— Я горжусь ею, — заявила я и сама себе удивилась.

— Ну... Ее присутствие отвлекало других учащихся, но мы не поэтому отправили ее домой...

Лэйси права, он просто козел, ревнитель строгой дисциплины, пытающийся скрыть собственную агрессию и наслаждающийся своей властью над детьми и родителями. Я знавала копов, похожих на него, они представляли настоящую угрозу для тех несчастных, которым не повезло прочувствовать на собственной шкуре их власть. Но фактически вся власть Паркса ограничивалась тем, что он пытался ломать детские души, но в отличие от копов ограничивался только моральным воздействием, а не физическим. Хотя в данный момент я не знала, что хуже.

— Так почему же вы отправили ее домой? — нетерпеливо спросила я.

— Потому что я больше не мог гарантировать ее безопасность, — беспечно прочирикал он, словно речь шла о новых костюмах группы поддержки.

Я буквально услышала, как заскрипела зубами, а лицо полыхало от злости. В голове эхом отдавались безликие голоса, говорившие по радио такие вещи о Лэйси, которые мать не должна слышать о своем ребенке.

— Ее безопасность?

— Да.

— Моей дочери угрожали?

— Думаю, да.

— Так вы думаете или вы знаете?

— Да, ей угрожали.

— Сами учащиеся или кто-то еще?

— Я не знаю... Вот поэтому мы подумали, что...

— Ах, вы подумали? — Мне хотелось схватить ублюдка за горло. — Моей дочери угрожают, а вы позволили ей покинуть школу, где она находится в безопасности, не поговорив сначала со мной!

— Наша политика направлена на обеспечение безопасности всего контингента учащихся...

— Да пошли вы к черту с вашей политикой!

— Но-но, минуточку.

Я услышала дрожь в его голосе. Думаю, давненько с ним никто не разговаривал таким тоном.

— Вы сообщили в школьную полицию?⁸

— Да.

— До или после того, как моя дочь покинула здание школы?

На том конце провода повисла долгая пауза. Думаю, он уже размышлял, чем бы прикрыть свою задницу.

— До или после? — потребовала я.

— После.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Но Паркс снова открыл рот и положил конец моим усилиям.

— Это школа, миссис Делилло, у нас есть пра...

Все, с меня хватит.

— У меня тоже есть правила, мистер Паркс. Например, как поступать с теми, кто умышленно подвергает опасности несовершеннолетних. Это, между прочим, уголовное преступление. И если что-то произойдет с моей дочерью, то я лично приеду к вам в школу, надену на вас наручники и проведу мимо, как вы говорите, всего контингента учащихся.

Я повесила трубку и быстро набрала номер школьной полиции, расположенной в том же здании, под нами. Трубку сняла женщина-сержант по фамилии Джеймс. У нее был такой звонкий приятный голос, я даже подумала, что она часто работала под прикрытием, выдавая себя за школьницу.

— Это лейтенант Делилло, убойный отдел.

— Чем могу помочь, лейтенант?

— Моя дочь — студентка в школе Маршалла, в ее адрес поступали угрозы. По-видимому, руководство школы сообщило вам об этом, и я была бы благодарна, если бы вы выяснили, что случилось.

— Сейчас проверю и перезвоню.

Я повесила трубку и набрала номер дочкиного мобильного, но мне сообщили, что абонент находится вне зоны действия. Я быстро перезвонила домой и оставила сообщение, велев ей не высовываться из дома и перезвонить мне сразу, как она придет.

Повесив трубку, я села за стол и стала рассматривать фотографию, на которой Лэйси стоит под секвойями. Мне множество раз угрожали как офицеру полиции, как детективу, но в основном это было сотрясение воздуха.

Но угрозы в адрес моей дочери, даже если окажется, что это все туфта, трепали нервы. Было такое чувство, будто я сунула пальцы в розетку. Нет, ничто и никто не сможет забрать у меня мою девочку. И тут я поняла, что способна на большую жестокость, чем могла себе представить.

Телефон снова зазвонил, и я схватила трубку.

— Делилло.

— Это офицер Джеймс, лейтенант.

— Выкладывайте.

— В школу поступило шесть звонков с угрозами.

— И?

— Скорее всего, это пустая болтовня.

— И все же, что конкретно говорили звонившие?

— Не думаю, что вам захочется услышать.

— Я не могу оценить серьезность угроз, пока не услышу их. Понимаете?

— Хорошо. Четверо звонивших назвали вашу дочь сукой и предложили выкинуть ее из школы, чтобы их налоги не шли на обучение таких детей. Но мы решили, что в данном случае нет повода волноваться. Школьное руководство разволновалось из-за последних двух

⁸ Специальное подразделение полиции, в компетенцию которого входит охрана правопорядка на территории учебных учреждений и обеспечение безопасности учащихся и преподавателей.

звонков.

— Продолжайте.

— Следующий звучал так: «Выкиньте эту гребаную шлюху из школы или я ее урою».

— А последний?

— Последний из звонивших сказал: «Лэйси Делилло заплатит за то, что сделала, я заставлю эту сучку заплатить». Возможно, оба раза звонил один и тот же человек.

У меня перехватило дыхание. Я попыталась сглотнуть комок, но в горле пересохло. Ублюдки назвали мою девочку по имени и сказали, что она заплатит.

— Насколько я понимаю, она сейчас не в школе.

— Да, ее попросили уйти.

— Мы поговорим об этом с директором.

— Я уже поговорила, — сказала я.

— Вы знаете, где сейчас ваша дочь, лейтенант?

— Она звонила мне из «Старбакс».

— Этих кофеен много, вы знаете, в какую она чаще всего ходит?

Я оцепенела. Возникло ощущение, что комнату затопила вода со льдом.

— Не знаю, — ответила я.

— Тогда мы проверим все. У нее есть машина?

Я продиктовала офицеру Джеймс марку и номер машины Лэйси, а потом снова посмотрела на дочкину фотографию, взяла ее в руки.

— Вам нужна фотография?

— У нас есть фотография из газеты. — Джеймс замаялась. — Думаю, все жители Пасадены знают, как выглядит ваша дочь.

— Да.

— Это хорошо. Чем она заметнее, тем лучше для нее.

— Конечно, — согласилась я.

— И последнее. Она знает об угрозах?

— Не думаю.

— Мне очень жаль, лейтенант. У меня самой детей нет, но я могу себе представить, каково...

— А я не могу себе представить, — отрезала я.

— Простите, я не хотела сказать...

— Ничего. Спасибо за беспокойство.

— Если мы не найдем ее в «Старбакс», то отправим кого-то из офицеров дежурить около вашего дома для обеспечения безопасности.

— Вы можете что-то сообщить о звонивших?

Я искала то, что моей собеседнице не показалось важным, какую-то деталь, опущенную в отчете. Мне нужна была соломинка, чтобы ухватиться за нее.

— Оба звонка, по-видимому, были сделаны взрослыми белыми мужчинами.

Она замолчала. Я практически слышала, как она мысленно подбирает слова.

— Знаю, что мне не стоит говорить вам этого, лейтенант, но, скорее всего, это лишь ложная тревога.

— А мне не нужно говорить вам, что когда тревога *не* ложная, злость переливается через край и кто-то нажимает на курок, то обычно этим кто-то и оказывается взрослый белый мужчина, — сказала я.

— Это не то, что я хотела сказать...

— Нет, это то, что я хотела сказать. Спасибо, офицер Джеймс.

Когда я вышла из кабинета, Гаррисон сидел на краешке стола Трэйвера. Судя по его взгляду, он понял, что-то не так, но не был уверен, как себя вести вообще и со мной в частности, поэтому не стал лезть с расспросами. Я пошла к двери.

— Куда мы едем?

— Рядом с оврагом обнаружен труп.

— Это как-то связано?

Мои мысли все еще были заняты Лэйси, поэтому вопрос Гаррисона на минуту выбил меня из равновесия. Я переспросила:

— Связано?

— Со Суини, — уточнил Гаррисон.

Я покачала головой.

— Как старший детектив я обязана выезжать на каждый труп, если есть причины для вмешательства убойного отдела. Но обычно они не плодятся так быстро.

— Кто не плодится?

— Трупы...

— Мне обязательно нужно...

— Да, поскольку ты мой напарник, это твоя работа.

Гаррисон с неохотой кивнул, видно было, как ходят ходуном желваки. Когда мы спускались по мраморным ступеням, я отметила, что он сильно побледнел.

— Чисто из любопытства, почему ты стал копом, Гаррисон?

Он прищурился и сдвинул брови. Порой слова могут иметь ту же силу, что оружие, и я пожалела, что задала этот вопрос. Кроме того, я только что попросила Гаррисона пойти туда, куда ему идти не хочется, по крайней мере со мной. И мне ужасно захотелось, чтобы сейчас рядом со мной шагал простой в обращении дружище Трэйвер, а не Гаррисон.

— Это меня касается, — сказала я.

— Думаю, касается, если я ваш напарник.

— Проехали. Мне не стоило спрашивать. У каждого свои причины. Большинство моих знакомых копов просто хотели стабильную зарплату и при этом нескучную работу.

Мы молча дошли до следующего пролета, словно между нами возникла стеклянная перегородка. И тут Гаррисон нарушил неловкое молчание:

— Мне хотелось поймать того, кто убил мою жену, — сказал он безжизненным голосом.

Я сделала шаг и остановилась. По многим причинам я не могла сейчас играть роль чьей-то матери, в основном из-за моей несостоятельности. Чаще всего, когда человек рассказывает тебе о собственной трагедии, он ждет чего-то взамен. Женщины хотят сочувствия, которого не смогли добиться от любимых мужчин. А мужчинам нужно, чтобы относительно чужой для них человек понял их, поскольку они не встречают понимания у близких. Я взглянула в глаза Гаррисона и увидела, что ему от меня ничего не нужно. Он просто констатировал факт. Сообщил жестокую ужасную правду.

— Но я его не поймал, — сказал он с издевкой, относящейся к нему самому, и даже слегка улыбнулся над собственной абсурдной наивностью. — Есть ряд вещей, которые мы не знаем и знать не можем.

— Да у меня самой таких вещей несколько томов.

Теперь понятно, почему ему так трудно находиться рядом с трупами и почему он вдруг заартачился и не захотел работать в убойном отделе. Он достаточно умен, чтобы понять, что я задам еще один вопрос, так что я предположила, что ответ на него уже готов.

— Если это назначение тебе в тягость...

— Нет.

Он сказал это с уверенностью человека, который обезвреживает бомбу, готовую взорваться при любом неловком движении. Наши взгляды встретились на долю секунды, но этого мне хватило, чтобы понять, что его рана уже зарубцевалась. Я повернулась и пошла дальше по лестнице, еще несколько секунд вспоминая взгляд его ярко-зеленых глаз. Как ни странно, этот взгляд лишил меня спокойствия. Господи, да что такое? Даже и не думай, сказала я про себя. Ни на одну секунду. Никогда.

В четырех милях от стадиона «Розовая чаша» мы с Гаррисоном повернули и поехали вдоль русла пересохшего ручья к старинным каменным воротам клуба любителей рыбной ловли. Ветви дубов нависали над дорогой как растопыренные пальцы. Желуди падали прямо под колеса. На зеленом склоне то тут, то там виднелись яркие островки цветущей желтой горчицы.

На дне оврага располагалось каменное здание, известное как Клуб рыболовов, отблеск тех дней, когда Пасадена вела более утонченный образ жизни и выходцы с северо-востока пытались вновь пережить то сладкое время, когда они рыбачили у знаменитых ледниковых озер гор Катскилл. Они одевались в твидовые костюмы, покуривали трубки и забрасывали удочки в мелкий искусственный пруд с бетонным дном, где никакой рыбы и в помине не было.

— Мне всегда было интересно, зачем вообще нужен этот клуб, — сказал Гаррисон, когда мы повернули и въехали на гравиевую дорожку, где уже стояли полицейские машины и фургончик судмедэкспертов.

— Чтобы мужчины могли сбежать от своих жен, — ляпнула я.

Посмотрев на Гаррисона, я пожалела о сказанном, не успели еще последние слова слететь с языка. Гаррисон отвернулся и стал рассматривать изящные линии каменного строения с таким видом, словно собирался реконструировать его камешек за камешком.

— Я никогда не понимал таких отношений, — сказал он без тени жалости к себе.

А я не могла себе представить других отношений, но помалкивала.

Тело плавало лицом вниз в южной части пруда, примерно в трех метрах от берега. Сам пруд был вытянут метров на тридцать шесть в длину и двенадцать в ширину. От того места, где плавал труп, до ступенек, ведущих в здание клуба, было около сорока пяти метров. Я окинула взглядом периметр пруда, а потом посмотрела на парковку, отделенную от него живым забором из густого кустарника около двух метров высотой.

— Освещение отсутствует, наверное, и вчера вечером здесь было очень темно, — по привычке произнесла я, забыв, что разговариваю не с Трэйвером.

Гаррисон посмотрел на меня, не понимая, нужно ли ему отвечать на это замечание.

— Мы с Дэйвом так делали, — объяснила я. — Разговаривали вслух.

— Как супруги, давно живущие в браке, — сказал Гаррисон с еле уловимой улыбкой.

— Нет, в моем браке ничего подобного не было.

Тем временем судмедэксперт в резиновых сапогах до колен двинулся вброд, чтобы посмотреть на труп. Гаррисон не сводил с него глаз, пока тело не приподняли на достаточную высоту, чтобы видно было лицо.

— Мужчина. Латиноамериканец.

Я взглянула на Гаррисона и поблагодарила Бога за то, что это не женщина. Жертва была одета в джинсы, легкие кожаные туфли и красный свитер, надетый, насколько можно судить, на белую тенниску.

— Маловероятно, чтобы человек утонул в пруду глубиной тридцать сантиметров, — заметил Гаррисон.

— Если только в момент падения он не был без сознания.

К нам подошли детектив Фоули, который принял вызов, и сержант патрульной службы Толланд. Все остальные следователи, кроме Фоули, уехали на обыски в домах Финли и Брима. Фоули небольшого роста, около ста шестидесяти пяти, с крепко сбитой фигурой борца, хотя в далеком прошлом он действительно занимался борьбой. Короткая стрижка и усики как у Кларка Гейбла, которые он отрастил, когда ему дали крошечную роль без слов в фильме Элмора Леонардо: Фоули должен был изображать детектива, сидящего за столом и попивающего кофе. Его особый талант, если можно так сказать, — особое отношение к своей работе, скорее свойственное «синим воротничкам», занятым тяжелым физическим трудом. Может, он и не блистал проницательностью, но зато всегда прочесывал место преступления как следует и отыскивал улики как лабрадор. Фоули поглядывал на

Гаррисона и кивал, пока судмедэксперт изучал труп и озвучивал осмотр для нас таким тоном, словно это был документальный фильм о живой природе.

— Бумажник и ключи отсутствуют... в карманах брюк пусто... в карманах рубашки тоже... никаких документов, удостоверяющих личность... Видимые признаки телесных повреждений отсутствуют.

Судмедэксперт подтащил тело к краю пруда и выкатил его из воды. Будто топляк. Руки жертвы были согнуты в локтях, пальцы скрючены, словно несчастный цеплялся за поверхность воды. У него были аккуратно подстриженные черные усы и чисто вымытые короткие волосы. Судмедэксперт проверил подвижность руки в запястье.

— Практически полное трупное окоченение.

Он наклонился поближе и осмотрел лицо жертвы.

— Ушиб над левой бровью, кожные покровы чистые, если не считать небольшого синяка. Других повреждений нет, следов крови ни на теле, ни в воде нет. На среднем пальце левой руки золотое кольцо, похожее на обручальное, часов нет, других украшений тоже. Возраст примерно сорок пять — пятьдесят лет.

— Да, кто-то должен его хватиться, — заметил Фоули.

— Женатый латиноамериканец старше сорока, у него, скорее всего, есть дети, — добавила я.

— Вон за той скамейкой мы нашли пустую бутылку из-под текилы, завернутую в бумажный пакет.

Фоули продемонстрировал мне бутылку в пластиковом мешке.

— А кто обнаружил тело?

— Тот парень с удочкой, около половины восьмого, — ответил Фоули, показав на пожилого седого мужчину с удочкой, стоявшего рядом с патрульной машиной.

— Есть еще что-то? Его автомобиль, например?

— Нет, — покачал головой Фоули. — Он или пришел сюда пешком, или приехал на такси, или кто-то его сюда привез. Похоже, он напился, упал в воду и при падении ударился головой.

— Если у него в легких есть вода.

— Ну да.

— Но вчера после того, как шторм затих, больше ветра не было, — сказал Гаррисон.

Мы все повернулись к нему. Я не знала, к чему он это сказал, но парень явно меня обскакал. Было любопытно посмотреть, сможет ли Гаррисон нарисовать предполагаемую картину преступления так же, как он обезвреживает бомбу. Фоули выглядел как разозленный учитель старших классов.

— Ну и что? — спросил он.

— А то. Посмотрите на его ноги. Они погрузились в воду до бедер и волочились по дну. Но это возможно только при условии, что дул сильный ветер.

Гаррисон взглянул на меня, словно пытаясь понять, не вышел ли он за рамки дозволенного. Я глазами показала ему, что все в порядке.

— Но он же мог зайти на такую глубину сам, а потом упасть и удариться башкой, — возразил Фоули.

Гаррисон некоторое время изучал тело, а потом покачал головой.

— Судя по всему, он весит около семидесяти килограммов? — обратился он к судмедэксперту.

Тот склонил голову набок и кивнул, словно что-то прикинул в голове:

— Плюс-минус.

— Он мог удариться лбом о дно, только если прыгнул в воду с того берега, — сказал Гаррисон.

— Как ты это рассчитал?

— Веса в семьдесят килограммов недостаточно, чтобы удариться о дно. Сила удара не та. Если только он не ныряет. А так вода смягчит удар, он максимум может просто коснуться

дна.

Фоули посмотрел на Гаррисона так, словно тот только что говорил по-китайски.

— Кто ты такой, черт побери, Мистер Волшебник?

Я посмотрела на Фоули и кивнула:

— Именно, он — волшебник.

— Ё-моё, — буркнул Фоули.

Гаррисон подошел к скамейке, где нашли бутылку из-под текилы. Он присел на корточки, несколько секунд изучал землю, а потом повернулся и посмотрел на пруд.

— Только не говори мне, что ты еще и Дэниел Бун,⁹ — усмехнулся Фоули.

— Нет, я скаут-орел,¹⁰ — ответил Гаррисон.

— Охренеть.

— Возможно, он свалился отсюда, ударился головой о бетон, потом зашел в воду и отключился... — начал Гаррисон.

— Но? — спросил Фоули, почувствовав, что это еще не все.

— Но что случилось с бумажником и ключами от машины? — озвучила я вопрос.

— Значит, он напился, потом его стукнули по башке, он упал в воду, и преступник или преступники забрали его машину.

— Но почему с него не сняли кольцо? Вор бы не стал его оставлять.

— Может, не смогли снять с пальца, или кто-то их спугнул.

— Возможно, они просто не хотели, чтобы мы установили его личность, — сказал Гаррисон.

Фоули нетерпеливо посмотрел на него:

— Но зачем вору, выгребаящему из карманов жертвы бумажник и угоняющим его машину, заморачиваться из-за такой ерунды?

— Например, чтобы обставить все как несчастный случай, — сказала я.

— А на самом деле это... — спросил Фоули.

— Не знаю, — пожала плечами я.

— Возможно, это преступление по страсти, — насмешливо произнес Фоули, употребив заезженный юридический термин, столь любимый в Штатах.

— Боюсь, у нас с тобой разные понятия о страсти, Фоули, — пошутила я.

Судмедэксперт наклонился к телу и отогнул воротничок тенниски, чтобы осмотреть шею.

— У него на шее золотая цепочка.

Фоули достал пачку сигарет, вытащил сигарету, постучал ею по тыльной стороне ладони и сунул в рот, но не закурил.

— А вот и удостоверение личности, — объявил судмедэксперт.

Он подцепил цепочку пальцами.

— Ее не видно под одеждой.

— И что там? — спросил Фоули.

— Солдатский жетон.

— Значит, солдат, — скривился Фоули.

Судмедэксперт посмотрел на жетон и удивленно покачал головой:

— Майор мексиканской армии. Фернандес. Но что здесь, черт побери, делает майор мексиканской армии?

Мы с Гаррисоном тут же переглянулись. Нам одновременно пришла в голову одна и та же мысль.

⁹ Фольклорный герой, меткий стрелок, бесстрашный охотник и следопыт.

¹⁰ Бойскаут первой ступени, набравший по всем видам зачетов не менее двадцати одного очка и получивший высшую степень отличия — значок скаута-орла.

— Он не заметил жетон, — сказал Гаррисон.

— Жетон золотой, должно быть, он решил, что это просто украшение.

— А сколько времени заняло бы установление личности иностранца? — спросил Гаррисон.

— Несколько недель, если вообще мы смогли бы это сделать, — ответила я. — Но к тому моменту то, что задумал преступник, было бы уже кончено.

— Вот почему он не хотел, чтобы мы установили его личность, — кивнул Гаррисон.

Я несколько секунд рассматривала тело и размышляла, какого кусочка не хватает в этой головоломке. И вдруг меня осенило.

— Ты говорил, что террористы не любят напрямую применять насилие, — сказала я. — Поэтому наш террорист не мог бы убить Финли. А этого человека он мог бы убить?

— Ну, утопить человека — это не так сложно.

— Ага, удар по голове, и он отправляется в вечное плавание.

Гаррисон кивнул.

— Но есть и другая возможность.

— Какая?

— Он не подходит под шаблоны, а значит, более опасен.

— Что еще, черт побери, за «он»? — спросил Фоули.

Линия, соединявшая точки от Финли до Суини и до взрыва, в котором пострадал Дэйв, только что подошла к этому искусственному пруду. Нет такой вещи, как совпадение, когда результат — убийство. Брим получал цветы из Мексики. Взрывчатка тоже приехала из Мексики. И немолодой отец семейства, закончивший жизнь, плавая лицом вниз в пруду, оказался майором мексиканской армии. От одной точки ко второй, от второй к третьей, и вот где мы очутились. Я повернулась к Фоули.

— Это убийство.

Фоули переводил взгляд с меня на Гаррисона и обратно, словно гость за столом, который не понял шутку.

— Вы не хотите сказать мне, что, черт возьми, происходит? — возмутился он.

— Ага. — Я посмотрела на труп. Смерть и вода смягчили черты лица и морщины. У убитого были усы и брови насыщенно-черного цвета. Я попыталась на минутку представить себе, как звучал голос этого человека при жизни. Низкий? Резонирующий? Он строчил как пулемет или медленно растягивал слова? Нравилось ли ему смеяться? Как зовут его жену? Есть ли у него дочка? Понял ли он, что с ним случилось, упав лицом в мелкую воду пруда?

— Этого человека убил тот же преступник, который установил бомбу, чуть было не отправившую на тот свет Трэйвера.

Причастность убийцы к покушению на Трэйвера подстегнула Фоули, хотя он и не понимал, что к чему.

— Скажите, что я должен делать, лейтенант, — сказал Фоули.

— Я хочу, чтобы ты разузнал все, что делал этот человек до и после пересечения границы.

Фоули кивнул.

— Но если мы обнаружим воду в легких и при вскрытии не найдем ничего, кроме удара по голове, то трудно будет доказать, что это убийство.

— Не это меня беспокоит, — вздохнула я.

— Вы не хотите мне сказать, что же вас беспокоит, лейтенант? — спросил Фоули.

— Кто будет следующим.

— Следующим? — переспросил Фоули.

Я подошла к кромке воды и посмотрела на красный свитер мексиканского майора. Все так очевидно, я даже остолбенела — как же я раньше не додумалась? Я повернулась и взглянула на Гаррисона.

— Что ты говорил о террористических актах?

Гаррисон задумался, мысленно воспроизводя наш разговор.

— Обычно бомбы закладывают в общественных местах: на вокзалах, в ресторанах и т. д.

— А что, если взрыв у Суини это всего лишь попытка замаскировать нечто другое?

— Что?

— То, что еще не произошло.

— Еще одно убийство?

— Нет, террористический акт.

— Не уверен, что я вас понимаю.

— Хотя тут мы похожи, — усмехнулся Фоули.

— Мы имеем два убийства без видимых причин и редкое взрывчатое вещество, которое используется только с одной целью — заложить бомбу в местах, где ее невозможно обнаружить.

— Каких местах? — спросил Фоули.

— Общественных. А какое сегодня число?

— Тридцатое.

— Новый год через два дня.

Я увидела, как в глазах Гаррисона мелькнула искорка понимания.

— Господи, — простонал он. — Парад роз.

Я кивнула:

— Именно.

— Что значит «именно»? — взвыл Фоули.

— Взрыв бунгало и даже убийство Финли — это всего лишь попытка замести следы? — спросил Гаррисон.

— Ну, вполне логичный вывод.

— Но доказать мы ничего не можем, — заметил Гаррисон. — Не было ни угроз, ни предупреждений. Иначе наш отдел бы знал о предстоящем взрыве, мы постоянно получаем подобные предупреждения.

— А когда террористы действуют без предупреждения?

Гаррисону даже не пришлось раздумывать над ответом. Он был настолько очевиден, несмотря на то что теория ничем не подтверждалась, кроме наших догадок.

— Когда взрывное устройство предназначено, чтобы убивать.

— Взрывное устройство? — переспросил Фоули. — Ты хочешь сказать, что парень, съездивший по башке этому мексиканцу, собирается подложить бомбу во время Парада роз.

Я повернулась к Фоули. Мне не хотелось, чтобы эта новость разлетелась по городу и ситуация вышла из-под контроля, пока в моем распоряжении не окажется нечто большее, чем просто догадки. У нас есть еще четыре дня. Когда наступит время «Ч», мы в критический момент сможем послать сигнал об опасности, но пока что надо все делать тихо.

— Я всего лишь размышляю вслух. Больше никто не должен об этом знать. Пока что.

— Ясен пень, — проворчал Фоули, расстроившись из-за того, что мы не хотим делиться с ним секретами.

— Выясните все о передвижениях убитого, и тогда, возможно, нам будет о чем поговорить, — велела я. — Не хочу трезвонить по углам, что какой-то маньяк собирается взорвать Парад роз, если окажется, что этот парень пересек границу только для того, чтобы свозить детишек в Диснейленд.

Фоули кивнул, всем своим видом говоря, что он очень недоволен, но в точности выполнит мои инструкции. Налицо еще один «плюс» того, что я женщина и руковожу мужчинами, они часто ведут себя так, словно оказывают мне одолжение.

— Как вам известно, мексиканцы крайне неохотно сотрудничают. Было бы легче, если бы я хотя бы знал, что, черт побери, искать, уж не говоря обо всем остальном, — сказал Фоули.

— Если он ввез взрывчатку в страну, то ему заплатили кучу бабок. И если мы это выясним, то, возможно, нападём на след преступника.

— И?
— Еще необходимо узнать, был ли у убитого доступ к взрывчатым веществам.
— Но он же военный, какой еще доступ вам нужен?
— Нет, речь идет об особом веществе.
— Насколько особом?
— Официально его не существует, и это ваш самый ужасный ночной кошмар, — сказала я, поглядывая на Гаррисона, чтобы понять, уверен ли он в этой информации.
— Вы уверены?
— Это взрывчатка из Израиля, — без колебаний ответил Гаррисон.
— В Мексике? — удивленно спросил Фоули. Он несколько секунд переваривал информацию, а потом кивнул: — Понял, лейтенант.

Когда мы поехали вверх по склону, Гаррисон молча посмотрел вниз, на пруд. Его теория только что раздвинула рамки расследования, включив в дело еще и убийство майора мексиканской армии, и если он прав, то, возможно, нас ждет террористический акт во время одного из самых любимых новогодних зрелищ, которое вживую покажут по всему миру. Умозаключения Гаррисона только что рухнули всей тяжестью на его плечи и уже начали заползать в морщинки вокруг глаз по мере того, как взгляд становился все более напряженным.

Мы притормозили на вершине оврага, и я посмотрела вниз и увидела ярко-красный свитер майора-мексиканца, тело которого вытаскивали на берег. Он так выделялся на фоне окружающей растительности, что казался одиноким кленовым листиком посреди бесконечно-зеленого леса.

— Господи, — вздохнул Гаррисон. — Надеюсь, мы ошибаемся.
Я заглушила мотор и откинулась на сиденье.
— А почему взрыв должен прогреметь именно на параде? Можно было бы и во время игры.
— Игры? — переспросил Гаррисон, не понимая о чем я.
— Ну, матч Розовой Чаши.¹¹ На одном стадионе соберется сто тысяч зрителей.
— Ах, вы об этой игре.
— Ты не особо интересуешься футболом.
Он покачал головой.
— По большей части я никудышный мужик, — сказал он с каменным лицом без тени улыбки.

— А по какой части ты хоть куда? — поинтересовалась я.
— Не думаю, что я достаточно хорошо вас знаю, чтобы говорить об этом.
Гаррисон повернулся и посмотрел в окно, в уголках его идеальных губ мелькнула загадочная улыбка, понятная только ему самому, словно он вспомнил что-то приятное.
Мои мысли тем временем были заняты бомбой. Я схватилась за руль обеими руками и сжала его так, словно это был поручень в кабине американских горок.
— На стадионе легче обеспечить безопасность, чем по всему пути следования парада. Но если я ошибаюсь, то мы не сможем гарантировать соответствующую защиту обоих объектов.

Улыбка стерлась с лица Гаррисона. Он посмотрел на свои руки, лежащие на коленях, словно задавал себе вопрос: смогут ли они? Я не могла отделаться от мысли, держали ли эти руки его умирающую жену. Считал ли он и их никудышными из-за того, что они не смогли спасти любимую? Не потому ли пошел работать в отдел по обезвреживанию бомб, что хотел снова и снова проверять свои руки, которые одним неловким движением могли лишить его жизни?

Гаррисон оторвал взгляд от рук и уставился прямо перед собой.

¹¹ Ежегодный матч двух лучших спортивных команд студенческого футбола, приурочен к Параду роз.

— Все даже сложнее, — пробормотал он.

Я повернулась и подождала, когда он закончит мысль.

— Невозможно обеспечить безопасность ни парада, ни матча, когда речь идет о бомбе. В этом вся загвоздка.

Мы несколько минут сидели молча, пока реальность, с которой пришлось столкнуться, обволакивала нас покрывалом ужаса.

— Тогда нужно подойти с другой стороны.

— Какой?

— Спроси лучше «почему», — тихо поправила его я. — Это ключ. Мы поймем почему, в противном случае наши шансы равны нулю.

Гаррисон тут же подхватил мою мысль:

— Какую битву он ведет?

— Или чью? Личную или политическую?

— Если мы узнаем, сколько взрывчатки он получил из Мексики, это многое прояснит, — сказал Гаррисон.

— Ты хочешь сказать, если он купил небольшое количество, то его целью будет какой-то отдельный человек, а если большое, то, значит, он задумал что-то посерьезнее.

— Ага. И с чего начнем?

Я задумалась на некоторое время, пытаюсь справиться с потоком мыслей и чувств, накатывавших на меня словно волны.

— Пройдемся по списку участников парада и начнем с более очевидных целей: политики, звезды, выдающиеся бизнесмены и т. д.

— Еще что?

— Пока что преступник только и делал, что заметал следы. Это значит, что тот мексиканец в пруду, Финли и Суини знают нечто опасное для него, поэтому он и убил их. Правда, со Суини вышла осечка, и вместо него пострадал Трэйвер, так что надо найти Суини.

— А что насчет партнера Финли, Брима?

— Ты имеешь в виду, почему преступник не тронул его той ночью?

Гаррисон кивнул.

Брим? Я снова задумалась. Этот вопрос беспокоил меня с той минуты, как я посмотрела пленку, на которой Финли получил пулю в затылок. Бриму просто повезло? Или здесь что-то еще?

— Или он ничего не знал, или он соучастник.

Гаррисон кивнул в знак согласия.

— Давай поговорим с женой Финли, а потом с Бримом, — предложила я.

Тут в кармане куртки зазвонил мобильный.

— Делилло.

— Лейтенант, это офицер Джеймс.

Внезапно я позабыла и о Брима, и о Финли, и о ярко-алом свитере в темных водах пруда. Даже террорист стерся из памяти.

— Вы нашли ее?

— Мы проверили все кофейни «Старбакс» в Пасадене, но увы. Я объявила ее машину в розыск и отправила патрульных к вам домой. Я дам знать, когда она найдется.

«Найдется», — повторила я про себя. «Найдется» подразумевает, что она пропала. Я почувствовала, как по предплечью побежали мурашки. Хотелось еще и еще задавать вопросы, чтобы найти способ стереть эти слова.

— Она, скорее всего, у...

Но я не договорила, поскольку не знала, как закончить предложение. Я не знала, где она может быть. Еще один дополнительный пункт к списку вещей, которых я не знала о собственной дочери.

— Спасибо, — сказала я и повесила трубку.

Несколько минут я сидела, прислушиваясь, как глухо колотится сердце в груди. Я неспособна была сейчас справиться ни с одним заданием. Все так быстро. Я никчемный детектив и никчемная мать.

— Ваша дочь? — спросил Гаррисон.

Моя дочь? Я теряла дар речи от одних только этих слов.

— Да, — удалось мне выдать из себя. Затем я сделала глубокий вдох, задержала дыхание и потом резко выдохнула: — После конкурса красоты в школу поступили звонки с угрозами. Мы пытаемся установить ее местоположение.

— Она пропала?

Я смотрела прямо перед собой, но ничего не видела.

— Директор школы отправил ее домой, не поговорив со мной.

— Да, это он зря.

Я покачала головой.

— Если я могу вам чем-то помочь...

— Я подумываю, а не поехать ли мне в школу и не приставить ли ствол к его башке, чтобы он понял, что я сейчас чувствую.

— Я мог бы поддержать его, — сказал Гаррисон.

Я посмотрела на него и попыталась улыбнуться, но улыбка получилась какая-то кривая. Отвернувшись, я посмотрела в окно. Мимо нас медленно прошел мужчина в желтом спортивном костюме с золотистым ретривером на поводке. Я обратила внимание, что он подволакивает левую ногу, словно не может контролировать ее движения. Детектив во мне тут же начал реконструировать, что же с ним произошло, но мать все-таки пересилила, и я увидела маленькую двухгодовалую Лэйси, делающую первые нетвердые шаги.

— Почему нам никогда не хватает времени, чтобы правильно сделать действительно важные вещи, зато всегда хватает на то, чтобы оттачивать до совершенства всякую ерунду? — спросила я, глядя на Гаррисона.

Но, судя по его виду, он не знал, что мне ответить.

— Я не прошу отвечать, детектив. Просто мысли вслух. С детьми всегда столько проблем.

Я представила, как Трэйвер широко улыбнулся бы в ответ и пробасил: «Разве тебе это не нравится?»

Взгляд Гаррисона скользнул куда-то далеко, вне поля нашего зрения. Я заметила, как большой палец его левой руки движется туда-сюда по основанию безымянного, словно крутит невидимое обручальное кольцо.

— Вы задали вопрос не тому человеку, лейтенант.

6

Если вообще возможно, чтобы дом страдал, то у бунгало Дэниела Финли, по-видимому, было разбито сердце. Жалюзи на всех окнах опущены, цветы в ящиках на крыльце, которые не поливались, похоже, несколько недель, безжизненно повесили головки, а траву не стригли лет сто, она вымахала чуть ли не по щиколотку. Казалось, крыша пытается защитить обитателей от внешнего мира.

Я остановилась на дорожке, ведущей к дому, и осмотрелась.

— Что-то тут не так.

Гаррисон тоже окинул дом и двор взглядом.

— А вы ожидали чего-то другого?

— Финли умер два дня назад, а траву не подстригали больше недели. Неужели человек, продающий цветы, позволит своей лужайке так зарости?

Гаррисон намек понял.

— Он думал о чем-то другом.

— И это «что-то» беспокоило его намного больше, чем нестриженная лужайка.

Мы подошли к дубовой двери. На уровне глаз в ней было прорублено небольшое скошенное окошко, с другой стороны загороженное зеленой занавеской с узором «пейсли».¹² На коврике красовалась надпись: «Добро пожаловать. Думай по-зеленому». Как только я потянулась к звонку, то заметила на двери рядом с ручкой крошечную, еле заметную трещину.

— Дверь взломали, — сказала я.

После чего подергала ручку. Незаперто.

— Не открывайте, — напряженным голосом велел Гаррисон.

Возникло такое чувство, будто я держу в руке динамитную шашку.

— Не отпуская ручку, отойдите в сторону, — сказал он, сел на корточки и начал осматривать косяк на месте взлома. — Возможно, вы только что замкнули цепь. И если отпустите, она взорвется.

— Она? — переспросила я, а потом мне стало ясно. — Ты имеешь в виду бомбу.

— Ну, преступник уже использовал двери, — сказал Гаррисон.

— А может, у нас паранойя?

— Я один раз обнаружил бомбу в коробке из-под печенья. В моем мире нет такой вещи, как паранойя.

Казалось, дверная ручка горит в моей руке.

— Какие будут предложения? — поинтересовалась я, отодвигаясь от двери на расстояние максимально вытянутой руки.

— Я мог бы обогнуть дом и войти в заднюю дверь, но это лишь отсрочка неизбежного.

— Неизбежного чего?

— Если там действительно бомба, то я сомневаюсь, что смог бы обезвредить ее, не размыкая цепи.

— Я не сильна в электричестве, переведи на человеческий язык.

Гаррисон поднялся и подошел к дверной коробке с другой стороны.

— Думаю, вам нужно рискнуть.

— Рискнуть?

— Да, так мы обычно делаем в нашем отделе, когда нет другого выхода.

— Подозрительно похоже на то, с чем постоянно сталкиваются родители, — проворчала я.

— Когда будете готовы, отпустите ручку как можно быстрее.

— А ты уверен?

Он спокойно посмотрел на меня своими зеленющими глазами. На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Доверьтесь мне. Делайте, как я говорю.

Я еще на пару сантиметров отошла от двери и попробовала разжать пальцы, но они не слушались. Я стиснула зубы, костяшки пальцев побелели. Было ощущение, что в моей руке горячие угли.

— Отпускать? — спросила я. — Такой гениальный парень, как ты, мог бы придумать решение и получше.

— Отпускать, — кивнул Гаррисон.

Я отвела глаза и начала осторожно ослаблять хватку, а потом как можно быстрее отдернула руку. Мысленно я все еще слышала тот взрыв, в котором пострадал Дэйв, все еще ощущала горячую взрывную волну и поток битого стекла, хлынувший на меня и сбивший с ног. И теперь окружающая тишина казалась чем-то неестественным и даже некоторым образом нервировала. Я посмотрела на Гаррисона и увидела, что он вздохнул с облегчением, а потом улыбнулся.

— В нашем отделе подобное на каждом шагу случается.

¹² Популярный восточный узор, т. н. турецкий огурец.

— А в нашем никогда, — буркнула я и перевела дыхание. Казалось, это заняло у меня несколько минут.

Моя рука снова потянулась к ручке, но замерла на полпути.

— Почему бы нам не позвонить в звонок.

Я нажала на кнопку и услышала, как после трели звонка раздались торопливые шаги и что-то упало на пол.

— Задняя дверь! — скомандовала я Гаррисону, а сама тем временем распахнула входную. Гаррисон уже соскочил с крыльца и побежал огибать дом, а я в это время вошла, держа пистолет наизготовку.

Внутри было темно. После яркого солнечного света мои глаза приспособлялись к полумраку около минуты. А затем я увидела, что на полу в гостиной валяются документы и всякая всячина, вытащенная из ящиков стола.

— Полиция! — крикнула я.

Слева от меня находилась лестница, ведущая на второй этаж. Я прислушалась, но ничего не услышала. Я прошла дальше по коридору, увешанному фотографиями в рамках. Деревянный пол заскрипел под тяжестью моего веса. По обе стороны коридора располагались двери. Закрытые. Я снова остановилась и прислушалась, не раздастся ли какого шороха. И опять ничего. Было слышно только, как Гаррисон пытается выбить заднюю дверь. Я посмотрела на двери, затем подняла пистолет и подергала ручку двери справа. Ручка не двигалась. Заперто. Я через плечо посмотрела на вторую и протянула руку...

И тут тяжелая дубовая дверь слева от меня с размаху открылась и отбросила меня в сторону. Ручка противоположной двери попала мне по ребрам, словно бейсбольная бита. Я почувствовала, как от места ушиба по всему телу разбегается острая боль, словно у меня сердечный приступ. Колени подогнулись. Пистолет выскользнул из моей руки и с глухим стуком шлепнулся на пол. Я пыталась позвать на помощь Гаррисона, но могла лишь хватать воздух ртом. Из кладовки вышел какой-то человек, мелькнув в полоске света от открытой входной двери. И снова ударил меня дверью. Я пыталась защититься от удара руками, но дверь уже попала мне по лицу.

На этот раз меня отбросило к стене, и я сползла вниз, опустившись на четвереньки. Щека онемела от удара. Такое ощущение бывает, когда отсидишь ногу. Я поранилась. Скорее всего, разошлись швы, наложенные после взрыва. Я чувствовала на языке кровь, стекающую дальше по подбородку. Во рту противный привкус мебельного лака, словно я откусила кусок двери. Посмотрев вниз, я увидела в пределах досягаемости пистолет, но не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Картина перед глазами становилась все более туманной, стягиваясь в точку по мере того, как я проваливалась в колодец забытья.

И тут я ощутила, что нападавший стоит рядом. Я увидела боковым зрением его темные ботинки и подумала: «Вот и смерть моя пришла». Так я и умру, на карачках. Блин. Я не была напугана или зла. И не жалела ни о чем, что совершила в этой жизни. Мне было ужасно стыдно.

— Мне очень жаль, — раздался тихий голос.

Я вздрогнула, ожидая еще одного удара, но ничего не происходило. Господи, чего он тянет? Я подождала еще несколько секунд, а потом крышка колодца закрылась надо мной сполохом разных цветов, как в детском калейдоскопе.

К жизни меня вернул чей-то голос. Сначала он раздавался издали, словно кто-то шептал из другого конца длинного коридора. Я не могла разобрать слов, но мне достаточно было просто слушать. Он звал меня снова и снова, и наконец я поняла, что он говорит.

— Мамочка, — говорила Лэйси. — Мамулечка.

Крышка колодца открылась, и на меня хлынул поток света.

— Лэйси. — Мне показалось, что я сказала именно это.

Свет стал ярче, и прямо передо мной возникли очертания какого-то лица. Сначала смазанные.

— Лэйси, — повторила я.

Я несколько раз моргнула, и очертания лица начали обретать четкость. Я видела, как двигаются губы, словно говорят мне что-то, но я ничего не слышала. Я еще несколько раз моргнула и попыталась сфокусировать взгляд.

— Лейтенант, — сказал Гаррисон.

Я выбралась из колодца и обнаружила, что полулежу на полу в коридоре, привалившись к стене. Гаррисон придерживает меня за плечо, чтобы я не *съехала на бок*.

— Вы слышите меня, лейтенант?

Я посмотрела на него, а потом по сторонам, пытаюсь сориентироваться. И тут мой взгляд остановился на тяжелой дубовой двери, ведущей в кладовку.

— Ах, да, — прошептала я, наконец поняв, где я. И вспомнила звук, с которым дверь ударила меня по лицу.

— Вы в порядке?

Несколько секунд мне казалось, что пол колыхается перед моими глазами словно волны, но потом это ощущение пропало.

— Да, в те времена делали крепкие двери. — Я посмотрела на Гаррисона. — Я слышала голос дочери... она...

Гаррисон покачал головой.

— Это был я. Простите, что я не смог войти через заднюю дверь, пришлось залезать через окно.

Я посмотрела на пол. Пистолет все еще лежал рядом со мной.

— Он не взял оружие, — удивленно пробормотала я.

— Вы видели нападавшего?

Я попыталась мысленно воспроизвести события, но процесс застопорился. Все равно что засовывать кассету в видеомэгнитофон, который все время ее выплевывает. Я помнила дверь, дверную ручку, вошедшую под ребра.

— Когда я ударилась об ручку, то уронила пистолет. И тут он ударил меня второй дверью.

Щека болела. Перед глазами туман. Я вспомнила запах лака во рту, затем дотронулась до губы, и на пальцах осталась кровь.

— Он сказал, что ему жаль, — сказала я со злостью. Меньше всего вам нужны извинения от типа, чуть было не выколотившего вам мозги. — А сколько я тут просидела?

— Вы несколько минут приходили в себя. Я проверил входную дверь, но злоумышленник уже был таков. Если он и уехал на чем-то, то я не видел машины.

Тут в моей голове прояснилось, словно я вышла из полосы густого тумана.

— Я его видела, — твердо сказала я. — Он стоял в полоске света.

— Можете его опознать?

Я протянула руку, взяла с пола свой «глок» и сунула его обратно в кобуру. Затем оперлась на плечо Гаррисона и поднялась на ноги.

— Это был Суини.

Гаррисон посмотрел на меня с таким видом, словно пытался понять, не вызвано ли мое заявление ударом по башке.

— Из того бунгало? Вы уверены?

Я кивнула.

— Думаю, он что-то искал. Он перерыл весь стол.

— Я вызову наших.

— Черт, — раздался чей-то голос из дверей.

Мы повернулись и увидели женщину, держащую в руках документы из похоронного бюро.

— Я видела вашу машину с рацией. Полагаю, вы из полиции.

— Миссис Финли? — спросила я.

Женщина кивнула. У нее были короткие темные волосы, бледная кожа. Одета в черные

джинсы и черный свитер, которые в любом месте, кроме Южной Калифорнии, можно было бы принять за траур. Вдова Дэниела Финли оказалась моложе своего покойного мужа, на вид я дала ей около тридцати пяти. Не считая усталого взгляда женщины, два дня назад потерявшей мужа, у нее было свежее, миловидное лицо, молодость сквозила в каждом ее движении.

Она заглянула в гостиную и увидела развал на полу.

— Что произошло?

— Кто-то вломился в ваш дом.

Ее плечи чуть заметно опустились, и она сделала глубокий вдох.

— Чудненько.

— Ничего необычного, такое часто случается в домах, где произошла трагедия. Воры отслеживают некрологи в газетах, — сказала я, не желая акцентировать внимание на ограблении.

Миссис Финли посмотрела на документы из похоронного бюро.

— Думаю, преступники знали, что меня не будет дома, — зло сказала она.

— Я лейтенант Делилло. Расследую убийство вашего мужа. А это детектив Гаррисон. Я хотела побеседовать с вами вчера, но не получилось.

Миссис Финли прошла в столовую и кинула папку из похоронного бюро на стол вместе с рекламными рассылками, затем села и посмотрела на меня. Я взяла стул и устроилась напротив.

— У вас кровь, — сказала миссис Финли, покраснев.

Я вытерла подбородок.

— Я застала преступника врасплох.

— Кажется, скорее он застал вас врасплох, лейтенант.

Она несколько секунд рассматривала меня. Взгляд человека, растратившего все свои эмоции. Чем вообще можно удивить женщину, мужа которой только что убили выстрелом в затылок?

— Простите. Я могу вам чем-то помочь? — спросила она.

— Я в порядке.

— А по виду не скажешь. Поверьте, я эксперт в этом вопросе.

Миссис Финли встала, сходила на кухню и через минуту вернулась с влажным полотенцем, в которое завернула лед.

Я поблагодарила и осторожно приложила холодный сверток к щеке.

— Вы нашли убийцу моего мужа?

Я отняла полотенце от лица.

— Нет.

— А найдете?

Мне хотелось окунуться в прохладу льда у моей щеки, найти свою дочку, уснуть. Быть где угодно, но только не здесь. Впервые за всю мою карьеру мне пришла в голову мысль, что мать, возможно, была права, мне не стоило становиться копом. Я посмотрела на Гаррисона, и тот прочел в моем взгляде, что я прошу его взять огонь на себя.

— Происходило ли с вашим мужем что-то необычное за последние пару недель? — спросил Гаррисон.

— Я не понимаю, — ответила миссис Финли.

— Может, он был расстроен или говорил о чем-то необычном, что произошло в магазине?

Она покачала головой.

— Нет, не думаю.

Резкая боль обожгла щеку огнем. Все, что я сейчас могла делать, — сидеть прямо на стуле.

— А почему вы спрашиваете? Я думала, что мужа убили во время ограбления.

— Мы изучаем все возможности, — сказал Гаррисон.

— А какие еще есть возможности?

— Миссис Финли, мы всегда при расследовании рассматриваем несколько версий. Это часть процесса. Принимаем во внимание все детали, пусть и незначительные.

— Простите, я не подумала.

— У вашего мужа работает некто Суини, вы знакомы? — спросила я.

— Не думаю... — Миссис Финли задумалась, а потом покачала головой. — Нет, я никогда не встречалась с ним. Должно быть, это кто-то из временных работников.

Я встала и кивнула в сторону двери.

— Сообщите нам, если что-то пропало, или если заметите что-то необычное, — попросила я, протягивая ей визитку.

Миссис Финли кивнула без особого интереса.

— Оставьте полотенце себе, лейтенант.

Я поблагодарила и направилась к двери, но остановилась, посмотрев на двор.

— А почему двор такой запущенный? — поинтересовалась я, повернувшись к миссис Финли.

Она непонимающе посмотрела на меня, но потом до нее дошло.

— Ах, вы про это... Просто у Дэниела изменилась философия.

Гаррисон бросил на меня озадаченный взгляд и пожал плечами.

— Я вас не понимаю, — сказала я.

— Он решил избавиться от лужайки... перейти к естественности...

Я взглянула на дверной коврик.

— Думай по-зеленому.

Глаза миссис Финли увлажнились, и она кивнула. Я повернулась и вышла во двор. После пребывания в полумраке дневной свет казался необычно ярким. Когда я надела солнечные очки, то дужка коснулась того места, куда пришелся удар дверью, и на меня накатила новая волна боли. Я снова приложила лед, и боль стала утихать.

— А вам не показалось странным, что у ее мужа всего-навсего трое работников, а она не знакома с Суини?

— Нет, если она не врет.

— А вы считаете, что она врет?

— Кроме Суини, у Финли работают две женщины. Откуда она узнала, что Суини — мужчина?

Я еще раз оглядела двор и поняла, что меня кое-что беспокоит. У Дэниела изменилась философия, он начал думать по-зеленому, и о том же твердила моя дочь с баллончиком в руке. Я порылась в памяти, пытаюсь найти что-то, что отогнало бы нехорошую мысль, порожденную нездоровой фантазией матери, только что пережившей контузию. Но вместо этого перед глазами возникла табличка с надписью «Наш цвет зеленый» на дверях цветочного магазина.

— Черт бы меня подрал, — прошептала я.

— Что такое? — спросил Гаррисон.

— Ничего. Слишком много думаю.

Сердце екнуло. Когда речь идет об убийстве, нет такой вещи, как совпадение. Я не хотела и не могла поверить в это. Любая догма в конце концов сталкивается с реальностью, упрямо доказывающей, что правил без исключений не бывает. Так и есть. Должно быть. Линия, прочерченная между точками, не затронет мою дочь. Кинь в Калифорнии палку и, скорее всего, попадешь в какого-нибудь «зеленого».

— Плохо выглядите, лейтенант.

— В голове шумит.

Я подошла к машине со стороны пассажирского сиденья.

— Лучше ты садись за руль.

— Думаю, вам стоит сходить к врачу.

Конечно, подумала я. Мне хотелось утонуть в мягкой больничной постели, уплыть в

дурмане обезболивающего. Я убрала сверток со льдом со щеки и посмотрела на Гаррисона.

— Чтобы он сказал, что я должна проваляться в кровати двое суток. Я не думаю, что у нас есть столько времени.

Я швырнула ему ключи.

— Если только ты не хочешь вести расследование в одиночку?

Глаза Гаррисона нервно забегали, а потом он покачал головой.

— Не думаю.

Я посмотрела на часы. Половина первого. Не прошло и половины рабочего дня, а мы уже нашли еще один труп, жизни моей дочери угрожали, мне пришло в голову, что она как-то связана с моим расследованием; кроме того, меня приложили по башке тяжелой дубовой дверью в стиле движения «Искусства и ремесла».¹³

Я забралась в машину и откинулась на сиденье. Гаррисон сел за руль. Звук захлопывающейся двери эхом отозвался в моей голове, словно еще один удар.

— Простите, — смутился Гаррисон, заметив, как я скривилась от боли.

— Позвони Фрейзеру и распорядись обыскать дом вдовы. Если Суини не нашел то, что искал, то это хочу найти я.

— А куда мы едем?

— В школу моей дочери. Я должна встретиться с ней в кабинете у этого... — Я сдержалась, чтобы не выругаться. — Короче, она подъедет туда к часу.

7

Директору Парксу было под пятьдесят. Он, в отличие от большинства учителей, предпочитал консервативные рубашки с пристегивающимися воротничками, а не свободный стиль. Стоило мне зайти в кабинет, весь его напыщенный вид испарился — он увидел синяки на моем лице и кровь на воротнике. Ничто не может испортить вечеринку лучше, чем кровь.

Несколько секунд он ошарашенно взирал на мой живописный вид.

— Вы попали в ДТП? — спросил он.

— О да, столкнулась с дверью.

Казалось, до Паркса с трудом доходит смысл сказанного. Полагаю, это первый случай за всю историю его встреч с родителями учеников.

— С тяжелой такой дверью в ремесленном стиле, — пояснила я более доходчиво.

Он некоторое время сидел молча, а потом, по-видимому, произошел прорыв:

— А мне больше нравится игорный дом Грина & Грина, — заметил он, словно мы участвовали в пешеходной экскурсии по Пасадене с целью познакомиться с самыми выдающимися зданиями «Искусств и ремесел», и он пытался убить меня наповал своими знаниями о двух *выдающихся* архитекторах. Но через секунду до Паркса дошла абсурдность его замечания, и он поспешил добавить: — Если вы предпочитаете встретиться в другой раз...

— Другого раза не будет, — отрезала я.

Его взгляд умолял меня покинуть кабинет, пока не стало ясно, что я никуда не уйду.

— Вы привели с собой Лэйси?

— С тех пор, как вы отправили мою дочь домой, ее никто не видел, — сухо сказала я.

— Я не понимаю вас.

— Какую часть фразы «ее никто не видел» вы не понимаете?

Он нервно поерзал в кресле.

— Я уверен, тут какая-то ошибка.

Больше всего на свете мне хотелось с ним согласиться.

¹³ Художественный стиль, получивший широкое распространение во второй половине девятнадцатого века по обе стороны Атлантики.

— А я не уверена, — ответила я.

Паркс уставился на меня как человек, который изучал карту, не имея при этом ни малейшего представления, куда направляется. Пока мы ждали Лэйси, он сидел как мышка, перебирая какие-то бумажки на своем столе и время от времени косясь на мой пистолет.

Через десять минут Паркс наконец подал голос.

— Она часто опаздывает? — нервно спросил он.

Честно говоря, она хронически опаздывала, но только не в этот раз, несмотря на все мои надежды.

— Нет.

Мое воображение начало рисовать ужасные картины, обгоняя реальность и ведя меня теми тропками, на которых любая мать побывала в своих кошмарах, но, к счастью, лишь немногие в действительности.

Почему я слышала ее голос в тот момент, когда металась между сознанием и забытьем в доме Финли? Она действительно в тот момент обращалась ко мне? Пыталась позвать меня на помощь? Я иступленно искала смысл там, где его не было. Я воспроизвела наш телефонный разговор, изучая, что стоит за каждым словом. Я пыталась представить, сколько бензина в ее баке, в чем она сегодня одета, какой кофе заказала себе в «Старбакс», словно ответы на эти вопросы могли по мановению волшебной палочки заставить ее войти сейчас в кабинет директора.

Прошло еще пять минут. Паркс начал посматривать на часы. Еще через две минуты он откашлялся и неуверенно предложил:

— Может, мы начнем без нее, а она подойдет позже.

Лэйси опаздывала почти на двадцать минут. Впервые.

— Она не придет. — Слова сорвались с моего языка практически самостоятельно. И напугали меня, словно их произнес кто-то другой. Теперь в мозгу бился только вопрос «почему?». Почему она не приехала. Коп тут же предположил самое плохое. Но я сейчас в большей мере была матерью и цеплялась за любое возможное объяснение. Нет, это невероятно. Я достала мобильник и набрала дом. После каждого гудка я повторяла словно мантру: «Сними трубку, детка, сними трубку, детка, сними трубку».

Включился автоответчик.

— Доченька, если ты дома, подойди к телефону. Лэйси, сними трубку, это я...

Я подождала, пока в автоответчике не кончилась кассета, затем проверила входящие сообщения на случай, если она звонила. Еще три звонка от репортеров. Но потом раздался голос, от которого у меня побежали мурашки.

— Твоя дочь сука.

Судя по голосу, звонил белый, средних лет, но определить национальность не удалось. Остатки тумана, окутывавшие мое сознание с тех пор, как меня стукнули дверью, сию секунду развеялись. Я повесила трубку. Надо отдать должное Парксу, он сразу почувствовал, что мне не сказали ничего хорошего.

— Может, вам стоит поговорить с ее друзьями, возможно, перед уходом она что-то кому-то говорила.

Я посмотрела на него и поняла, что не слышала ни слова.

— Простите...

— Ее друзья... Почему бы нам не пообщаться с ними?

Я кивнула. Да, хорошая идея. Лэйси наверняка что-нибудь им говорила. Она всегда отличалась болтливостью.

— Вы знаете, кому из друзей она могла бы открыться?

Хорошая идея с треском провалилась.

Я посмотрела на Паркса и покачала головой. Только что я снова подвела свою девочку.

— Я вообще не знаю никого из ее друзей... Должна, но не знаю...

Тут за дело взялся Паркс.

— Может быть, только имя? Остальное мы вычислим.

Я взглянула на него и поняла, что ему не впервой вести разговор с родителями, которые только что обнаружили, что совершенно не знают собственного ребенка. Я почувствовала себя жалкой. Нет мне оправдания.

Я иступленно рылась во всех уголках памяти и наконец случайно нашла имя.

— Кэрри, — сказала я. — У нее есть знакомая по имени Кэрри.

Паркс соединился с приемной, и через секунду в кабинет вошла секретарша.

— Карен, нужно найти среди наших учащихся девочку по имени Кэрри. Выпускной класс, ну, или на год младше.

— У нас учатся три девочки с таким именем. Но в выпускном классе только одна — Кэрри Якобсон.

— Ты не могла бы посмотреть, на каком она сейчас уроке, и пригласить ее ко мне?

Когда секретарша ушла, я позвонила офицеру Джеймс и сообщила, что Лэйси не пришла на встречу с директором.

— Я разошлю в другие отделения ориентировку на ее машину, — отозвалась она.

Затем она попыталась как-то ободрить меня:

— Вы же знаете этих деток, лейтенант. Скорее всего, Лэйси сейчас в кино.

— На моем автоответчике сообщение с угрозой.

Короткая пауза, Джеймс не могла придумать, чем еще меня утешить.

— Ну, если что, запись нам пригодится, но пока...

— Офицер, не забывайте, я сама полицейский.

— Но... вы еще и мать.

Я повесила трубку, и в этот момент в кабинет директора ввели Кэрри Якобсон. Я думала, что одного взгляда на девочку будет достаточно, чтобы понять, дружила ли с ней моя дочь, но быстро поняла, что снова не знаю ответа. Никакой косметики, два колечка в левом ухе, белокурые волосы, в которые затесалась одна желто-зеленая прядь цвета лайма. Ботинки на десятисантиметровой платформе.

Паркс хотел было представить нас друг другу, но я его перебила.

— Ты дружишь с Лэйси?

Кэрри переводила взгляд с меня на директора и обратно. Представляю, что Лэйси рассказывала ей обо мне. Мапочка-коп. Самый ужасный кошмар подростков. Затем ее взгляд замер на кровавом пятне на рубашке, а потом с неохотой скользнул по синякам, украшавшим мое лицо, словно ей не хотелось видеть, откуда, собственно, взялась кровь.

— Господи, что-то случилось? — спросила она дрожащим голосом.

Паркс вопросительно посмотрел на меня, не зная, что ответить. Я пододвинулась поближе к Кэрри, пытаясь вести себя как мама, а не как коп. Что крайне трудно, когда у тебя вся морда в крови. Кроме того, я давно не практиковалась.

— Да, у меня были неприятности, но они никак не связаны с Лэйси. — Пока что это правда, по крайней мере я надеялась и молила Бога. — Ты ведь ее подруга, я слышала твое имя.

Кэрри взволнованно закивала.

— Ты разговаривала с Лэйси сегодня перед ее уходом?

Она покачала головой.

— Лэйси попала в беду?

— Возможно, ей угрожает опасность, и мне нужно ее найти. Она говорила тебе или кому-то из ребят, куда поедет?

— О какой опасности вы говорите?

— Кто-то может попытаться... обидеть ее.

Я увидела замешательство в ее глазах, словно первым делом она подумала о предательстве.

— Кто-то ей угрожает, возможно, кто-то очень опасный.

Плечи Кэрри обмякли, и она побледнела, как стена.

— Лэйси сказала только... — она метнула взгляд в сторону Паркса, — «вот ведь козлы

гребаные»... и все... С ней все будет в порядке?

Я посмотрела на Паркса. Моя злость вновь забурилась и начала подниматься на поверхность. Я стиснула зубы, изо всех сил пытаюсь сдержаться и не ляпнуть лишнего, о чем впоследствии, скорее всего, пожалею, и повернулась к девочке.

— Она говорила о директоре Парксе?

— Ага, — ответила Кэрри таким тоном, словно ее взбесило, что я не понимаю очевидных вещей. — Она вернулась из его кабинета ужасно злющая. Я хочу сказать, Лэйси всего лишь сделала политическое заявление, а администрация школы выкидывает ее на улицу, словно в угоду недовольным ее поступком.

— Хватит, юная леди, — рассердился Паркс.

Я посмотрела на него.

— У мистера Паркса еще будет время объясниться, пока что меня беспокоит только безопасность Лэйси.

Кэрри кивнула.

— Она упоминала кого-то еще?

Кэрри отрывисто вздохнула и снова кивнула.

— Кого?

Кэрри посмотрела мне прямо в глаза:

— Вас.

— И что она сказала?

Кэрри даже не поморщилась:

— Она сказала: «Ага, как будто мать может как-то на меня повлиять».

И тут я поняла, что мне странным образом нравится это поколение. Если моя дочь и эта девочка — примеры силы их характера, то беспокоиться не о чем. Они пережили пирсинг, тату и волосы немыслимых оттенков. С другой стороны, их родители, поколение людей, занятых исключительно своими мыслями, кажутся мне совершенно беспомощными. Уж кто-кто, а в этом вопросе я эксперт.

— А Лэйси никого не упоминала в связи с тем, что устроила на конкурсе? Ну, кого-то, о ком ты раньше не слышала?

Кэрри покачала головой.

— Вообще-то я даже не знала, что она задумала.

При этих словах она улыбнулась. Кэрри не обманывала. Она гордилась тем, что подруга смогла сохранить свой план в секрете. И вдруг я поняла, что тоже чувствую гордость.

Кэрри с вызовом посмотрела на Паркса.

— И я считаю, Лэйси — молодец.

— Я тоже так считаю, — заверила я девочку.

Но способность моей дочери вдохновить подругу лишь усилила мое отчаяние. Я почувствовала, как в голове часы начали отсчет секунд. Ситуация выходила из-под контроля, а я, черт побери, ничегошеньки не могла поделать.

— Куда могла поехать Лэйси? Есть такое место?

Кэрри задумалась, все еще не понимая до конца, можно ли мне доверять.

— Прошу тебя, Кэрри, мне нужна твоя помощь.

Она кивнула. Через мое тело прокатилась волна облегчения.

— «Старбакс».

У меня упало сердце. Одно слово перечеркнуло все мои надежды.

— Черт, — вырвалось у меня.

Кэрри ужасно удивила моя реакция, но зато она поняла, что Лэйси действительно в опасности.

— Простите, — прошептала она.

— Если вспомнишь что-то еще или она тебе позвонит, набери меня. — Я протянула ей визитку.

Пальцы Кэрри попытались ускользнуть от моей ладони, как колибри от цветка, но я опередила ее и осторожно взяла за руку. Посмотрела на нежную, безупречную кожу. Никакой морщинки или трещинки. Время еще не коснулось ее. Я держала Кэрри за руку, как будто это была рука моей дочери.

— Больше никаких секретов, хорошо?

Кэрри какое-то время смотрела на мою руку, а потом заглянула мне в глаза:

— Лэйси умная девочка. С ней все будет в порядке.

Я хотела было ответить, но слова застряли в горле, и мне удалось лишь слабо кивнуть.

— Можешь возвращаться на урок, — велел Паркс.

Кэрри вопросительно посмотрела на меня, и я кивнула.

Почти незаметно ее пальчики выскользнули из моей руки, и девочка вышла из кабинета. Несколько секунд я сидела не шевелясь и не могла сконцентрироваться ни на чем. Такое же ощущение я испытала, когда похоронила своего бывшего мужа. Неверие, ужасное чувство, что мне никто не поможет. Я увидела, как Гаррисон подошел к стеклянной двери с другой стороны и постучал. Его присутствие напомнило мне, что я не только мать, но и коп, а где-то в Пасадене скрывается сумасшедший с бомбой.

— Вам звонят, — сказал Гаррисон, протягивая мне телефон.

Я посмотрела на телефон, как на какой-то совершенно незнакомый мне предмет. Гаррисон увидел мое замешательство.

— Думаю, вам лучше ответить, — сказал он, и, судя по его тону, дело не терпело отлагательств.

Я посмотрела на Паркса, хотела сказать, но поняла, что ни одно из известных мне слов не способно передать мои чувства.

— Миссис Делилло... — начал Паркс.

При звуках его голоса я вспомнила, что хотела сказать. Подойдя к двери, я повернулась:

— Если с моей девочкой что-то случится, — сообщила я Парксу, глядя прямо в глаза, — я вас по судам затаскаю.

Я видела, как все краски схлынули с его лица. Казалось, он сморщился внутри своей рубашки, словно она была на пару размеров велика ему. Я несколько секунд смотрела на него, а потом вышла в коридор и встала рядом с полкой, где были разложены кубки и призы, завоеванные учениками школы.

— Это детектив Фрейзер, — сказал Гаррисон, снова протянув мне телефон.

Я взяла трубку.

— Делилло.

— Вам это не понравится, лейтенант. По крайней мере, мне не понравилось.

У меня не было настроения отгадывать загадки.

— Просто скажите, что вы там нашли, Фрейзер, черт побери.

— Мы проверили звонки, сделанные с телефона Брима. Так вот, он трижды звонил вам домой.

Я услышала, что он сказал, но смысл сказанного все еще казался мне невероятным.

— Мне домой? — переспросила я только, чтобы убедиться, что я правильно расслышала.

— Да, причем последний звонок сделан в тот вечер, когда застрелили Финли.

Слова стукнули меня сильнее, чем дверь, от удара которой я потеряла сознание пару часов назад. Телефонные звонки только что связали мою девочку с партнером Дэниела Финли, которому выпустили пулю в затылок. Не знаю как, но линия подошла к очередной точке. Я быстро попробовала придумать, зачем моей девочке говорить с Бримом. Ей должны были позвонить из цветочного магазина по поводу букетика, который все конкурсантки прикалывали к корсажу. Может, больше ничего и не было, если забыть о том, что в нашем деле совпадений не бывает. Но даже если я куплюсь на это, хотя я, разумеется, *не* куплюсь, данная версия не объясняет зачем Брим звонил ей в день убийства. Как же зеленая

революция и баллончик с гербицидом оказались связанными с несколькими убийствами?

В моем мозгу закопошились разные версии, причем одна прилипла больше других. Если действительно связь между моей девочкой и убийством Финли существует, пусть даже почти эфемерная, тогда угрозы в адрес Лэйси никак не связаны с тем, что она сорвала конкурс. Нет никакого немолодого белого мужчины, пышущего яростью, по крайней мере представляющего реальную угрозу. Если Лэйси и грозит опасность, то она исходит от человека, уже убившего двоих и, скорее всего, готового пойти на убийство еще раз.

— А где Брим? — спросила я.

Фрейзер не ответил.

— Вы задержали Брима? — нетерпеливо повторила я.

— Нет, — вздохнул Фрейзер.

— Почему?

Фрейзер что-то пробормотал себе под нос, и мне показалось, это слово «черт».

— Его жена сказала, что он ушел из дома рано утром. Но мы не знаем, где он сейчас. — Он замешкался. — А вы не хотите сказать мне, почему подозреваемый в убийстве трижды звонил вам домой?

Мне Фрейзер никогда не нравился. В полиции он занимал такое же место, как готовый ужин с гамбургером¹⁴ в пищевой пирамиде. Из тех, к чьей помощи прибегаешь, когда иссякла фантазия. Я проигнорировала его вопрос, хотя задавала точно такой же себе самой.

— Проверьте, звонил ли он другим участницам конкурса красоты, — распорядилась я.

Я практически слышала, как прокручиваются шестеренки у него в мозгу, перемалывая мои слова.

— Ваша дочь? Ваша дочь участвовала...

— Моя дочь пропала.

Я повесила трубку и повернулась к Гаррисону, стоявшему перед витриной с призами. И только тут заметила фотографию 8x10 рядом с небольшим золотым кубком, выполненным в отличие от других не в форме ракетки или мяча, а в форме книги. Приз за победу в городских дебатах школьников. Лэйси вторая справа, криво улыбается в камеру, словно ей известен какой-то секрет. Она вступила в команду примерно в то же время, когда решила принять участие в конкурсе. Я пропустила финал, потому что расследовала смерть какого-то бродяги, наступившую от побоев.

Гаррисон заметил, что я смотрю на этот кубок, но не понял почему.

— Это моя дочь, вторая справа, — объяснила я.

Он несколько секунд рассматривал фотографию, его глаза изучали каждый сантиметр, словно устройство бомбы.

— Вы похожи, — сказал Гаррисон.

— Нет, она красивая.

И тут зазвонил мобильник.

— Делилло.

— Это Джеймс, лейтенант.

Пауза.

— Мы нашли ее машину.

Я ждала, что за этим последует что-то еще, но тщетно.

— Только машину? — уточнила я.

— Да.

— Что еще? — Я ощутила первый укол паники.

— Двери заблокированы, ключи все еще в замке зажигания... окно выбито.

Я попыталась вести себя как коп, хотя моя рука задрожала.

¹⁴ Полуфабрикат, гамбургер с гарниром — лапшой, томатами и острым перцем или с острым перцем и бобами.

— С какой стороны?

— Со стороны водителя, — без особого выражения сказала Джеймс.

— Где?

Джеймс начала рассказывать, но тут моя рука обвисла как плеть, телефон выскользнул и упал на пол. Я зажала рот ладонью, чтобы подавить рвотный позыв. Колени подгибались. Для меня не было сейчас ни верха, ни низа, единственное, что корректировало мое положение на планете, только что вырвали из моих рук. Ни одна дверь не могла ударить меня с такой силой, как только что произнесенные слова. Я уже практически осела на пол, но тут Гаррисон схватил меня за руку и не дал упасть.

— Ох, Лэйси, — прошептала я.

— Что случилось? — спросил Гаррисон, но слова проплыли мимо, я не понимала, о чем он спрашивает.

Ухватившись за его руку, я удержала равновесие.

— Что случилось? — повторил Гаррисон.

— Нашли ее машину.

8

Желтая «хонда» Лэйси была припаркована на тихой улочке с аккуратно подстриженными лужайками, населенной в основном представителями среднего класса, примерно в двух милях от кофейни «Старбакс», откуда она мне звонила. Ничего необычного в том, что машина примостилась на обочине, никаких следов того, что Лэйси силой заставили съехать с проезжей части. Но от этой нормальности чувство ужаса, которое я испытывала, лишь усилилось.

Гаррисон остановил автомобиль позади полицейской машины, припарковавшейся прямо за «хондой» моей девочки, и вышел.

— Мне нужно посидеть минутку, — сказала я. Слова слетали с моих губ какими-то обрывками, словно я задыхалась. — Мне нужно...

Я посмотрела на ярко-желтую машину. Лэйси называла ее подсолнухом.

— Я все осматрю, а вы не торопитесь, — сказал Гаррисон.

Он закрыл и пошел к «хонде».

— Убедись, что криминалисты не пропустят никаких отпечатков пальцев, — сказала я ему вслед, пытаясь уцепиться за остатки инстинктов копа.

Машинка моей девочки, выбитое окно, ее... Я отчаянно пыталась не дать своему воображению дорисовать картину. Стоп, не надо, не думай о плохом, это не поможет. Но это все равно что пытаться остановить дождь голыми руками.

Я вылезла из машины и тоже подошла к «хонде». Тут же вспомнился тот день, когда Лэйси впервые приехала на ней домой. Я сфотографировала дочку перед автомобилем, с документами о регистрации в руках. Думаю, такую же радость испытывают птицы, когда впервые взлетают. Но как радость могла кончиться на этой улочке? Как это случилось? Если бы я не... Если бы я только...

Я начала думать как жертва.

Много лет я слышала отчаянный шепот жертв, пытавшихся объяснить несчастье, случившееся с близкими, перебросив мостик во времени и находя какую-то определенную причину. Но я-то знала лучше. Причин всегда больше. Но даже если вы и виновны косвенно в горе, какая разница? Время вспять не повернешь, ошибки не исправишь. Это свободное падение в темноте, когда вы понятия не имеете, когда приземлитесь.

Я обошла дочкину машину и подошла к осколкам стекла, усеявшим тротуар.

— Двери все еще заблокированы, — сказал Гаррисон.

Я попыталась наклониться и заглянуть в салон через выбитое окно, но мое тело сопротивлялось, как оно сопротивляется, когда вы подходите к краю обрыва. Я отвернулась.

— Сделайте несколько вдохов, — посоветовал Гаррисон. — Медленных и глубоких.

На противоположной стороне улицы банановое дерево шелестело под легким бризом. На тротуаре собралась толпа зевак. Я прикрыла глаза, и шорох листьев сменился звоном выбиваемого стекла.

— Ее вытащили через окно, — сказала я.

Гаррисон кивнул.

— Господи, — прошептала я, желудок сжался, я отвернулась, подошла к краю розмаринового куста, и меня стошнило.

— Господи, — повторила я.

Я попыталась отогнать от себя видение, но оно было слишком ярким. Вот чьи-то руки хватают Лэйси за волосы и за блузку, а она отбивается. Я видела, как дочкины пальцы судорожно сжимают руль, когда преступник вытаскивает ее наружу.

Я услышала хруст гравия. Сзади ко мне подошел Гаррисон, несколько секунд постоял молча, а потом спросил:

— Вы в порядке?

Я кивнула. Тысячу раз я бывала на месте преступления. Я смотрела в бесчисленные лица близких жертвы, чьи сердца были разбиты вдребезги. Мы твердили им, что понимаем их горе, держали их за руку, но никогда не позволяли себе по-настоящему пережить их чувства, взглянуть на мир их глазами. А теперь я одна из них. Я читаю это во взглядах других полицейских. Осторожно, не подходи к чужому горю близко. Я переступила через желтую ленточку и теперь стояла по ту сторону — как жертва.

К месту преступления подъехали еще две полицейские машины. Молодая женщина-сержант пошла напрямик ко мне.

— Вы офицер Джеймс? — спросила я.

Она кивнула.

— Мне очень жаль, лейтенант.

Потом жестом показала на уголок губы. Я вытерла остатки рвоты.

— Нужны еще полицейские, чтобы по горячим следам выявить свидетелей.

— Уже едут. Значит, здесь все и случилось.

— А еще установите прослушку на мой телефон, а то вдруг... — Я не смогла закончить мысль.

— Мы все сделаем, — успокоил меня Гаррисон.

Я посмотрела на офицера Джеймс. Ей, наверное, около тридцати, но по виду не дашь больше, чем моей Лэйси. Белокурые волосы аккуратно заправлены за уши. Никакого многослойного пирсинга, в каждом ухе по одному простенькому серебряному колечку. Ярко-голубые глаза. Два колечка на правой руке и не одного на левой.

Господи, у меня в ее годы уже родилась Лэйси, а Джеймс даже не замужем.

— Мы сделаем все возможное, — заверила меня она.

Копы всегда произносят эти слова, когда пострадал кто-то из своих. Наверное, я говорила их в больничной палате Трэйверу, но они неприменимы к моей девочке. Джеймс сжала мою руку. Вот оно, полицейское братство, хотя в нашем случае термин «братство» не подходит. Думаю, для нее и ей подобных я — образец для подражания. Первая женщина, ставшая во главе убийного отдела, первая в пятом, первая в десятом. Но при всем этом я не смогла защитить своего ребенка.

— Вы ранены, — заметила Джеймс. — Вызвать «скорую»?

Я слабо покачала головой, и она отошла в сторону поговорить с другими полицейскими, оцепившими по периметру «хонду» моей дочери.

Я чувствовала себя потерянной, неуместной. И не знала, какой шаг предпринять дальше. Куда, в каком направлении? Теперь мне самой нужен был образец для подражания. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Было такое чувство, что щека, по которой мне съездили дверью, светится как неоновая вывеска. Мне казалось, что земля подо мной разверзлась и поглотила меня. Я не могла задержать воздух в легких, а сердце билось как бешеное.

— Давай работай, — прошептала я. Осмотри место преступления, опроси свидетелей, работай, работай.

Я с трудом сделала вдох.

— Нужно отыскать свидетелей, — промямлила я, причем воздух кончился раньше, чем я завершила предложение. — Кто-нибудь должен был что-то видеть или слышать. Все, что угодно.

Гаррисон снова бросил взгляд на машину. Я прочла в его взгляде, что он что-то просчитывает в уме.

— Что?

— Да так, думаю... — сказал он, засомневавшись, стоит ли договаривать.

— Думай вслух, хоть хорошее, хоть плохое.

Он еще раз посмотрел на машину.

— Ни в машине, ни на тротуаре нет следов того, что ваша дочь ранена.

Я сглотнула, все еще задыхаясь.

— То есть отсутствуют следы крови.

— Да.

— И мне должно стать лучше от этого?

Он покачал головой.

— Я имею в виду, что, возможно, ее исчезновение не связано с делом Финли.

Он указывал на что-то, невидимое моему глазу, чем ужасно меня разозлил. Мне не нужны вопросы без ответа, мне нужно вернуть свою девочку.

— О чем ты, черт бы тебя подрал?

— О том, что все остальные, с кем имел дело этот парень, мертвы. И если бы это был он, то, я думаю, Лэйси все еще была бы в машине.

Слишком быстро. Я не готова была осматривать место преступления. Пока не готова. Я не могла привыкнуть к мысли, что моя девочка пропала. И кто-то вытащил ее из окна машины. Я чувствовала себя беспомощной. Пистолет и полицейский значок казались мне бутафорией, просто красивыми игрушками, за которые мы крепко держимся, чтобы убедить испуганных зрителей, что знаем свое дело. Мои глаза заполнились слезами, и я отвернулась.

Улица быстро наполнилась полицейскими машинами. Полицейские в форме сновали туда-сюда, как бесполезная армия оккупантов. Я вытерла слезу и заметила, что у меня дрожит рука. Я сцепила руки в замок и сжала кулак, пытаюсь выдавить страх.

— Телефонные угрозы? — Я снова обратилась к Гаррисону. — Белый мужчина средних лет?

— Возможно.

— Если это так, то только что мы от множества улик пришли к одной-единственной. Только голос на автоответчике. Это ничто.

— Но мы узнаем, откуда сделан звонок.

— Ага, если повезет, и это окажется телефон-автомат, на котором будут присутствовать любые отпечатки кроме нужных.

— Пока что определенно можно сказать только одно — нам еще ничего не известно, зачем же сразу думать о самом плохом.

— Самое плохое уже случилось.

Гаррисон покачал головой. На мгновение он вспомнил о прошлом, но потом снова посмотрел на меня:

— Еще нет.

Да, самое плохое еще не случилось. Кто-кто, а он точно знает.

Щека начала пульсировать, словно через нее шел ток. Я пошла к своей машине, села, закрыла двери и окна.

— Думай, — прошипела я себе. — Делай свою работу.

Я умоляла себя, пыталась выкарабкаться из беспомощности. Ответ должен быть где-то прямо передо мной, мне просто нужно его увидеть. Все должно быть просто. Я всегда

решала такие задачи как орешки, всегда срабатывало. Я попыталась сделать несколько медленных глубоких вдохов. Закрыла глаза, но мысли продолжали бесконтрольно мчаться вперед. На меня обрушилось все случившееся с того момента, как Лэйси крикнула «вы убийцы» на конкурсе красоты. Телефонные звонки Брима. Оранжевые носки Финли и ручеек его крови. Дверь, летящая на меня. Неподстриженная лужайка рядом с домом Финли. Красный свитер в темных водах пруда. Суини, шепчущий: «Мне жаль». Ослепительная вспышка перед взрывом. Дэйв, исчезающий в облаке пыли. Машина по имени Подсолнух. Птенчик, познавший радости полета.

Кто-то постучал в окно, вернув меня к реальности. Около машины стояли Гаррисон и Джеймс. Я открыла дверцу.

— Женщина видела машину, которая проехала вскоре после того, как раздался звон стекла.

Гаррисон жестом показал на противоположную сторону улицы:

— Вон она.

Я быстро вылезла и перешла на ту сторону. Женщина стояла за желтой лентой. Около шестидесяти, седые волосы, свободные брюки и свитер с аппликацией в виде пушистых белых облачков. Какая жалость, что не мужчина. Когда речь заходит об опознании марок и моделей машин, от мужиков больше пользы Эти знания передаются им на генном уровне. Женщины обычно могут описать только цвет, если только это не та модель, на которой они ездят сами.

Свидетельница смотрела шоу Опри Уинфри, когда все случилось. Сейчас она нервно улыбалась, как это делает любой человек, сталкиваясь с такой толпой полицейских.

— У Опри в гостях была женщина, которая чуть было не утомила себя голодом, пока не нашла силы... Мне нравятся шоу Опри...

— И что вы увидели на улице?

Ее удивило, что расстройства аппетита не входят в сферу наших интересов.

— Ой, простите...

— Ничего. Так что вы увидели?

— Я решила, что кто-то украл магнитолу, вышла и увидела разбитое стекло. Подумала, что это всего лишь разбитая бутылка, и не стала вызывать полицию. А нужно было. Неужели весь сыр-бор из-за магнитолы?

— А как выглядела та машина? — спросила я.

Она посмотрела на всех полицейских, снующих по улице.

— Мне опасно здесь оставаться?

— Нет, никакой опасности нет, мэм, — успокоила ее Джеймс.

— Расскажите мне о машине, — повторила я. — Что вы видели?

Женщина сделала глубокий вдох и положила руку на сердце, словно клялась говорить правду и только правду.

— Машина поехала в ту сторону, — сказала она, показав на север. — Белая.

Я подождала продолжения, но его не последовало.

— И все?

Свидетельница не поняла вопроса.

— Это была большая машина?

— Ох... маленькая.... Да, маленькая.

— Две двери или четыре?

— Я не... Две.

— Седан или «хэтчбэк»?

Она задумалась.

— Квадратная сзади, «хэтчбэк».

— Марка?

Она озадаченно посмотрела на меня, а потом поняла, что я от нее хочу.

— Думаю, какая-то иностранная. Но ведь сейчас большинство машин импортные. Но я

не знаю марку. Она казалась дешевой.

— Новая или старая?

— Не новая. Неблестящая. Может быть, просто грязная.

— А сколько людей внутри?

— Я видела только водителя. У него были темные волосы.

— А цвет кожи?

— Не могу сказать.

— Мужчина или женщина?

— Кажется, мужчина.

— А вы уверены, что у водителя были темные волосы.

— Ну, мне так кажется.

Отлично. Единственная свидетельница похищения моей дочери видела маленький белый «хэтчбэк», возможно не новый, может быть импортный, за рулем которого сидел вроде бы мужчина, у которого, кажется, были темные волосы.

Я снова подошла к дочкиной машине и заставила себя заглянуть внутрь. Может, я увижу что-то понятное только мне, ведь я ее мать. Может, ответ выскочит на меня, выброшенный силой всепоглощающей материнской любви. Я знала, что ничего такого не произойдет, но решила попробовать.

Встав на корточки рядом с открытой дверцей, я заглянула внутрь и изучила каждый сантиметр салона. Я все еще чувствовала дочкин запах, как тогда, когда ложилась на ее кровать, а подушка все еще хранила аромат ее волос. Она была так близко. С зеркала заднего вида свисал пластиковый подсолнух на косичке, сплетенной из желтого и оранжевого шнурков. Пустой стаканчик из «Старбакс» валялся на полу под пассажирским сиденьем. Двойной мокко-латте. Он был смят, а коврик промок от разлившегося кофе. Лэйси все еще пила его, когда... Я не закончила мысль.

Школьный рюкзак валялся на заднем сиденье. Я открыла бардачок. На внутренней стороне крышки была прикреплена фотография — Лэйси стоит рядом с отцом, обняв его за плечо, оба улыбаются. На нем все еще обручальное кольцо. Но снимала не я. Я представила себе, как любовница бывшего мужа щелкает фотоаппаратом, а это значило, что Лэйси узнала про папину интрижку раньше меня и ничего мне не сказала, ни слова. Это был их секрет.

— Нашли что-нибудь? — спросил Гаррисон. Он стоял возле моего плеча.

Я захлопнула бардачок.

— Нет.

Затем я достала рюкзак.

— Хочу проверить ее записную книжку.

— Но если ее похитил человек, звонивший с угрозами, то вы ничего не найдете в записной книжке...

Я метнула в него недобрый взгляд.

— Мне нужно думать, что я хоть как-то смогу вернуть мою дочку.

В этот момент мне хотелось стать матерью гризли, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я смогу отвоевать своего детеныша.

Гаррисон кивнул:

— Мы ее вернем.

Эти слова мог бы сказать мне выбывший из строя Трэйвер, но отличие в том, что Дэйв верил бы в них каждой клеточкой своего тела. Гаррисон прекрасно понимал всю серьезность ситуации, хоть и делал все возможное, чтобы убедить меня в обратном.

— Мы разослали описание машины во все полицейские участки.

— Если ее похитил звонивший, то он выйдет на контакт. Выдвинет требования или просто похвастается. Но если похищение связано с убийством Финли, то мы ничего не услышим.

Гаррисон кивнул в знак согласия.

— Тогда будем молиться, чтобы оно не было связано.

Я вышла за ограждение и остановилась рядом с машиной. Я снова думала как коп. Если я останусь только матерью, то не смогу помочь Лэйси. Но это значит, что мне нужно перестать думать о ней хотя бы на некоторое время, позволить ей выскользнуть из моих рук и попасть в разряд безликих жертв полицейских отчетов. Я сжала дочкин рюкзак и оглянулась на ее машину.

— Я что-то упускаю, — сказала я.

— Хотите еще раз осмотреть машину?

Я покачала головой.

— Нет, я упускаю что-то не здесь.

— Вы меня запутали.

Я задумалась. Было ощущение, что я пытаюсь найти дорогу в темной комнате. Я снова включила перемотку назад. Я не могла отыскать что-то, лежавшее на виду.

— Машина, — сказала я почти автоматически.

— Что с машиной? — спросил Гаррисон.

— Белая машина, «хэтчбэк».

— Ну да.

— «Хундай».

— Свидетельница же не узнала марку.

— Зато я узнала.

— Я не понимаю.

— В то утро, после убийства Финли, я приехала домой рано-рано утром. Вдруг вылетел белый «хундай», чуть было не столкнулся со мной, а потом водитель начал выкидывать из окна «Стар ньюз». Когда я открыла гараж и вышла из машины, «хундай» остановился напротив. Водитель увидел, что я на него смотрю, дал газу и умчался прочь.

— Может, он просто видел фотографии Лэйси в газете?

— Но на нашей улице он выкинул газету всего один раз, возле нашего дома. Почему он поспешно уехал, не закончив работу?

— Думаете, он может быть замешан в похищении?

— Это мы выясним.

— А вы его видели?

Я еще раз посмотрела на машину Лэйси и постаралась не думать о том ужасе, который сейчас испытывает моя девочка. Это было невыносимо.

— Да, видела.

К нам подошла офицер Джеймс с мобильником в руке. Она замялась, не желая прерывать наш разговор.

— Наш диспетчер зафиксировал звонок для вас от человека, представившегося разносчиком газет. Сказал, что вы его знаете, и он хочет поговорить с вами о конце света. Наши ребята думали, что это какой-то псих, пока вашу дочку не похитили.

— А он сказал, в какой газете работает?

— В «Стар ньюз».

9

Если верить менеджеру отдела распространения газеты «Стар ньюз», разносчиком, который останавливался напротив моего дома и звонил мне, был некто Филипп Жэне. Вероятно, француз, но не точно. Когда платишь из-под полы, то и лишних вопросов не задаешь. Он проработал в редакции меньше двух месяцев. Молчаливый. Нелюдимый. Короче, точно было известно только одно — он готов работать за шесть долларов в час.

В то утро, когда я его встретила, он, как обычно, забрал газеты, но доставил только восемь, все в нашем квартале, причем мне последней. Восемь из четырехсот. С тех пор Филипп не давал о себе знать. В редакции не было его телефона, только адрес в Голливуде.

Когда мы с Гаррисоном поехали по сто тридцать четвертой автостраде по направлению

к Голливуду, солнце уже садилось. Позади нас верхушки Сан-Габриел пылали в его лучах оранжевыми и желтыми сполохами. А далеко-далеко впереди, вдоль линии горизонта, тянулась серая полоска океана, вырастали небоскребы фешенебельного Сенчури-сити, и, насколько хватало глаз, раскинулся Большой Лос-Анджелес. А прямо перед нами погружался в полумрак район Голливуда, на который свысока взирали обсерватория Гриффит-парка и Голливудские холмы.

Я попыталась сосредоточиться на фактах, на кусочках мозаики, которую необходимо сложить, чтобы вернуть Лэйси, но они никак не хотели вставать на место. Брима все еще не могли найти. Баллистическая экспертиза пули из черепа Финли не дала никаких зацепок. Пропавший Суини тоже не нашелся. А мексиканская армия в который раз оказалась безнадежным лабиринтом из телефонных звонков и бюрократических препон.

Я позвонила домой, лелея слабую надежду и моля Бога, чтобы все оказалось ошибкой и Лэйси, живая и здоровая, сидела перед телевизором. И хотя я знала наверняка, что трубку никто не снимет, но когда включился автоответчик, сердце все равно упало.

Звонил кто-то из ее друзей, сказал, что директор Паркс просто придурок. Еще один журналист хотел взять интервью у «Зеленой королевы», как он ее называл. А затем раздался голос, который я хотела услышать сейчас меньше всего, если не считать преступника, вытащившего мою девочку через разбитое окно.

— Алекс, это мама. Я только что видела внучку в новостях.

Пауза. Я слышала размеренное дыхание, словно мать подбирала подходящие слова.

— Было бы мило узнать об этом инциденте не от Тома Брокау,¹⁵ но думаю, у тебя были свои причины не сообщать мне. Позвони, если будет время.

Я повесила трубку. Супер. Я посмотрела на телефон, пытаюсь понять, как сказать матери, что ее единственная внучка похищена. Я набрала ее номер на клавиатуре мобильного, но не стала нажимать кнопку «позвонить». Ее слезы Лэйси не помогут. И мне тоже не станет лучше, если я выслушаю от матери, что это исключительно моя вина.

— Что-то случилось?

— Моя... Нет ничего. — Я сделала глубокий вдох. — Моя мать.

— Забудьте, что я спросил.

Я сунула телефон обратно в карман и открыла дочкин рюкзак. Ага, вот и ее телефонная книжка в черной кожаной обложке с выгравированными буквами «Телефоны». Я начала листать ее в поисках какого-нибудь номера, который показался бы мне неуместным, или имени, при звуках которого раздавался бы тревожный звонок. Я узнала несколько имен, но большинство были мне незнакомы. Чем больше я старалась, тем хуже удавалось сконцентрироваться. Мне хотелось прижать к себе свою девочку. Хотелось снова стать никудышной матерью. Ляпнуть что-нибудь, а потом остаток жизни исправлять свою ошибку.

Я открыла окошко и прикрыла глаза, позволив бризу омыwać мое лицо. Но вместо чувства умиротворенности ветер обрушил на меня слова матери, доносившиеся из прошлого: «Если ты пойдешь работать в полицию, то разрушишь свою жизнь. Я ожидаю от тебя чего-то большего».

Гаррисон повернул на Сансет и поехал на восток. Аллея Славы находилась всего в паре миль отсюда, но здесь никаких следов звезд не было, никто не щелкал фотоаппаратами. Кругом только уличные церкви и ночлежки. Тротуары усеяны разбившимися мечтами эмигрантов, которые проводили дни, убегая от работников иммиграционной службы и время от времени промышляя разбоем на улицах.

Филипп, разносчик из редакции «Стар ньюз», жил в затрапезном райончике всего в нескольких кварталах от бульвара Сансет. Мы нашли нужный нам дом и сделали кружок, высматривая «хундай», но его нигде не было видно.

— Если Филипп сейчас дома, то, значит, он приехал на чем-то другом, — заметила я.

¹⁵ Ведущий популярной новостной программы американского телеканала Эн-би-си.

Гаррисон припарковался на Уилкокс-стрит рядом с домом Филиппа, трехэтажным горчично-желтым зданием, на окнах которого висели жалюзи. Переполненные мусорные бочки выстроились в шеренгу вдоль тротуара. Обуглившиеся остатки новогодней елки лежали рядом с умирающей пальмой, разрисованной граффити.

Я несколько секунд сидела, не двигаясь, а потом вылезла из машины. Молодая мексиканка с ребенком на руках шла по другой стороне улицы. Я несколько минут смотрела на нее, потом закрыла глаза и представила себе, как я возвращаюсь с малышкой Лэйси из роддома.

— Вы в порядке? — спросил Гаррисон.

Я снова вернулась в настоящее.

— Ага.

Не думаю, что мне удалось провести Гаррисона. В его глазах застыло выражение попутчика, также привязанного к путешествиям в прошлое. Среди моих знакомых мало кто из мужчин страдает физической зависимостью от прошлого, это скорее прерогатива женщин, как мне кажется. Побочный эффект материнства.

— Все нормально, — сказала я.

Затем огляделась, чтобы получше рассмотреть все вокруг. Стоявшая на углу шлюшка, смутно напоминающая кого-то из знакомых, с подозрением посматривала на нашу машину. Господи, меня тошнит от людей, которые по доброй воле разрушают собственную жизнь. Жизнь и так слишком коротка. Они что, не знают об этом или просто не могут остановиться?

— Она мне кого-то напоминает, — заметил Гаррисон.

Я повнимательнее изучила ее лицо, а потом кивнула.

— Джейми Ли Кертис.

— Проститутка-двойник? — изумленно спросил Гаррисон.

— Более того, это парень.

Гаррисон посмотрел на меня, словно пытаюсь понять, шучу я или нет. Причем его удивило не то, что шлюха — переодетый парень, а что она изображает именно Джейми Ли, все-таки внешность у актрисы на любителя.

— Мы говорим об одной и той же женщине? «Рыбка по имени Ванда»?

Я кивнула.

— Я месяц работала в полиции нравов, и три из четырех недель провела загримированной под Джейми Ли. У нее навалом поклонников.

Мы начали разглядывать здание, в котором жил Филипп.

— Вам не кажется, что нам просто повезло? — спросил Гаррисон.

— Нет, мне кажется, что это ловушка.

Не думаю, что он хотел от меня услышать именно такой ответ, поскольку прошлые два раза, когда я входила в дом, один из них взорвался, а второй раз мне вмазали дверь по башке.

— Что собираетесь сделать?

Я пошла через дорогу.

— Давай для начала войдем.

Зайти в этот дом было все равно что попасть в страну третьего мира, чудом оказавшуюся всего в двух кварталах от звезды Рональда Рейгана на аллее Славы.

В коридоре не было света. Стены покрыты подтеками бог знает чего. Из одной из квартир раздавались завывания ближневосточной музыки. А в другой орал младенец и играла сальса. Пахло куркумой, топленным свиным жиром и мочой. Я пыталась не думать о том, что моя девочка находится в подобном месте, отчаянно цепляясь за другую картинку — Лэйси лежит на своей кровати с плеером в ушах и игнорирует все мои попытки поговорить.

— Третий этаж, в конце коридора, — с тревогой сказал Гаррисон. В таких зданиях ребятам из отдела по обезвреживанию бомб приходится бывать нечасто. Взрыв — это преступление высокого класса, продукт образования. Зачем утруждать себя изготовлением взрывного устройства, если достаточно одной-единственной спички?

Площадка второго этажа была усеяна пакетами из «фаст-фуда» и крысиными экскрементами. Мы поднялись на третий этаж, где находились шесть квартир, по три с каждой стороны коридора.

— Его последняя справа, — шепнул мне Гаррисон.

Мы медленно двинулись по коридору. Из нескольких квартир доносились телевизионные голоса на персидском и испанском. Одна из дверей со скрипом открылась, а потом быстро закрылась, когда жилец узнал в нас копов. Дойдя до последней квартиры справа, я вытащила «глок» из кобуры. Гаррисон взглянул на оружие со смесью удивления и дурных предчувствий.

— Мне нужно...

Я кивнула.

Он протянул руку и аккуратно извлек из кобуры пистолет таким жестом, как люди выбирают в магазине артишоки.

— Встань там, — сказала я, указав жестом на другую сторону двери.

Гаррисон занял позицию и кивнул, что готов. Я потянулась к дверной ручке и тут вспомнила Дэйва, исчезнувшего в облаке пыли. Моя рука замерла на полпути, я взглянула на Гаррисона и сделала шаг назад.

— Если предположить самое плохое, что нужно делать, чтобы эта конура не взлетела на воздух?

Гаррисон задумался на секунду.

— Если бы у нас были специальные оптические приборы, то мы могли бы заглянуть под дверь.

Я посмотрела на часы. Начало шестого, самый час пик.

— Как скоро их смогут привезти?

— В это время суток это займет минимум час. Пробки.

— А если вызвать полицию Лос-Анджелеса?

— Немногим меньше. Отдел по обезвреживанию бомб располагается рядом с Полицейской академией. Другой конец города.

Я посмотрела на часы. С каждой секундой моя дочь ускользала все дальше и дальше.

— Нет, у Лэйси нет этого часа.

Гаррисон снова пораскинул мозгами, посматривая на стены.

— Если там такая же бомба, как в бунгало, то стены смогут нас защитить. Не трогайте ручку. Мы выйдем дверь ногой, а потом прислонимся к стене.

— А что, если моя дочка внутри?

Я увидела по глазам, что он не хочет отвечать на этот вопрос. Я только что возложила на него ответственность за жизнь Лэйси, если он все-таки решит войти в дверь.

— О чем хотел поговорить тог парень? О конце света?

— Что-то типа того.

— Тогда я беру всю ответственность на себя, что бы ни произошло.

— Думаете, ваша девочка внутри? — спросил он.

Я посмотрела на него, потом на дверь. Одна из цифр номера отвалилась. По краям дверная коробка была испещрена грязными отпечатками пальцев, словно рисунок, сделанный по трафарету.

— Нет.

Моей девочке просто незачем быть внутри. Это было бы слишком просто. По какой бы причине преступник ни похитил Лэйси, но он явно не собирался облегчать нам жизнь.

— Я тоже так думаю, — кивнул Гаррисон.

Мы снова подошли к двери и приготовились выбить ее. На лестнице отдавались эхом крики и ругань на испанском. Двое ссорились. Судя по голосу, мужчина был пьян, а женщина пребывала на грани истерики. На улице завывала автомобильная сигнализация, но очень быстро заткнулась, и снова воцарилась тишина. Я кивнула Гаррисону и начала считать: «Раз, два...» На счет три мы выбили дверь.

Во все стороны полетели щепки, и дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Мы на секунду прижались к стене, ожидая, что сейчас нас контузят и накроет удушливой волной горячего воздуха.

Ничего не произошло.

Я выглянула из-за угла и посмотрела внутрь, подняв пистолет. Тусклый свет едва освещал простую скромную комнату. В одном углу раковина и кухонный стол, который, собственно, заменял собой всю кухню. Напротив дверь, которая, должно быть, вела в ванную. В центре комнаты перед двумя окнами какой-то человек совершенно неподвижно сидел на стуле. Я отпрянула назад и взглянула на Гаррисона. Мне не пришлось ничего говорить. Он понял по моему лицу, что что-то не так. Из-за двери раздался сдавленный стон. Гаррисон тоже поднял пистолет и заглянул в комнату. Я увидела, как его лицо вытянулось от удивления. Я наблюдала, как его глаза привыкают к полумраку в центре комнаты. Затем он снова прислонился к стене.

— Это тот парень, которого вы видели около вашего дома?

Я не знала точно.

— Возможно. Мне нужно подойти поближе.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

— Думаю, у него бомба.

Гаррисон перевел дух и снова бросил взгляд через дверной проем.

— У нас проблема, — тихо сказал Гаррисон.

— Бомба.

— Хуже. Думаю, мы открыли дверь и тем самым запустили таймер.

— Что?

— У него на груди часы. Отсчитывают время в обратном порядке.

Его взгляд еще на несколько секунд задержался на мне, хотя мысленно он был уже внутри и обезвреживал взрывное устройство.

— Мне кажется, что этот парень никак не мог позвонить мне, — сказала я. — Значит, кто-то хотел заманить нас в эту комнату с бомбой, и его послание начинает обретать смысл.

Гаррисон кивнул.

— Вам необязательно входить.

Не успела я и рта открыть, как он быстро прошел внутрь. Я двинулась за ним, не опуская пистолета и озираясь по сторонам. Больше никого. Затем толкнула дверь в ванную. Чисто. Гаррисон тем временем подошел прямо к человеку, сидевшему на стуле, на груди которого было прикреплено взрывное устройство.

В комнатке на полу расположились два матраса, дешевенький телевизор, молитвенный коврик и несколько картонных коробок с одеждой. У одной из стен недорогой комод и зеркало. Весь пол усеян номерами «Стар ньюз».

Я подошла к Гаррисону и посмотрела на перепуганное лицо человека на стуле. Рот у него был заклеен липкой лентой, но больше свобода движений ничем не сдерживалась. Он спокойно мог бы встать и уйти, если бы не одно «но» — детектор движений величиной с батарейку у него на коленях, чем-то напоминавший строительный уровень. От детектора два проводка вели к маленькому пластиковому контейнеру, служившему детонатором. К грудной клетке парня липкой лентой были прикреплены шесть динамитных шашек, а в центре конструкции расположился маленький электронный таймер, каким обычно хозяйки пользуются на кухне. Бедняга понимал, что если попытается убежать, его просто размажет по стенам. Темные глаза, обезумевшие от ужаса, молили о помощи, а футболка насквозь промокла от пота.

Таймер дошел до одной минуты и теперь отсчитывал назад последние шестьдесят секунд.

— Вас зовут Филипп? — спросила я.

Он сделал мне знак глазами — «да».

— Вы узнаете меня?

Снова «да».

Гаррисон вытащил из кармана швейцарский армейский нож и аккуратно открыл ножницы, потом посмотрел в глаза Филиппу и сказал:

— Думаю, вы и без меня это знаете, но прошу вас не двигаться, иначе нам обоим крышка.

Филипп еле уловимо кивнул. Его пот покрылся испариной.

— А мне что делать? — спросила я.

— Включите свет.

Я подошла к выключателю.

— Убедитесь, что краска на винтах, которыми закреплена крышка переключателя, не тронута.

У меня екнуло сердце. До этого момента я не представляла себе, насколько иначе Гаррисон и ему подобные видят мир. Все, что угодно, может быть оружием. Тебя может убить тостер, обычная лампочка способна разорвать на кусочки, а автомобиль — разнести целый квартал. Нет ничего безопасного. Любая мелочь, любой неодушевленный предмет может представлять смертельную угрозу.

Я тщательно изучила крышку переключателя. Краска толстым слоем забила в резьбу винтов.

— С краской все в порядке.

— Тогда включайте свет.

Что я и сделала. Комната осветилась светом одинокой голой лампочки.

Гаррисон наклонился к взрывному устройству и стал водить по проводам пальцами, не касаясь их.

— Что еще?

— Думаю, вам стоит уйти.

Я увидела во взгляде Филиппа панику, он умолял не бросать его одного.

— Мы уйдем отсюда только все вместе.

Я не была уверена, что верю в это, но на Филиппа мои слова возымели должное действие, хотя его взгляд все равно оставался безумным, как у перепуганной лошади.

Таймер уже отсчитал сорок пять секунд и продолжил свой смертельный отсчет.

Гаррисон сел на пятки и стал изучать бомбу, легонько водя в воздухе пальцами по воображаемому пути детонации.

Осталось тридцать восемь секунд.

По улице с грохотом проехал тяжелый грузовик, и сигнализация вновь отозвалась воем. Гаррисон резко посмотрел на окно, поскольку грохот грузовика мог вызвать колебания стен и вибрация волной прокатилась по полу. Детектор движений на коленях Филиппа едва заметно задрожал. Казалось, воздух улетучился из комнаты. Паника во взгляде Филиппа усилилась в два раза. Из-под липкой ленты, закрывавшей ему рот, доносились едва слышные стоны.

— Черт, черт, черт, — выругался Гаррисон. Его рука метнулась к детектору и остановилась в паре миллиметров от него. Пол прекратил вибрировать, как только грузовик уехал. Детектор движений еще раз качнулся и замер.

Воздух начал снова заполнять пространство комнаты.

Оставалось тридцать секунд.

Гаррисон протянул руку, аккуратно взял пальцами желтые провода, идущие от детектора, поднес ножницы и перерезал провода одним движением.

— Господи, — облегченно вздохнула я.

Таймер показывал двадцать секунд.

— Еще не все, — пробормотал Гаррисон.

Завывания сигнализации за окном напоминали ночной безумный хохот койота.

Пятнадцать секунд.

Гаррисон осторожно пощупал провода, тянувшиеся от таймера.

— А вот это уже интересно, — сказал он себе под нос.

Десять секунд.

Он взялся за два провода от детонатора. Один черный, другой красный. Сигнализация заткнулась. Я слышала биение своего сердца. Гаррисон помялся секунду, покачал головой, а потом перерезал черный провод пополам.

Цифры на дисплее вспыхнули, и отсчет прекратился. Оставалось три секунды. Гаррисон посмотрел на меня и улыбнулся едва уловимой улыбкой, как школьник, только что получивший пятерку по химии. Если у него и повысилось артериальное давление, то вида он не показывал.

— А мне это интересным совсем не кажется, — проворчала я, как только мои легкие снова наполнились воздухом.

Гаррисон посмотрел прямо в глаза Филиппу и сказал:

— Все позади.

Он быстрым движением срезал липкую ленту, крепившую динамит к груди несчастного, и снял его как доктор, освобождающий пациента от повязки. Филипп начал с силой срывать липкую ленту со рта, словно задыхался, и в итоге размотал ее как тюрбан, держась за один конец. Последний кусок ленты с треском отклеился от шеи, наверное причинив боль, но Филипп не заметил. Он вскочил со стула и отпрыгнул в дальний конец комнаты, подальше от динамита, лежавшего на полу. Он словно оцепенел от шока на какое-то время, а потом закрыл рот руками и зарыдал.

На вид Филиппу было чуть больше тридцати. Тощий, глаза впали как у ребенка, который вечно недоедает. Руки с тонкими длинными пальцами. Как только он сорвал липкую ленту, я узнала его — именно он сидел за рулем «хундая» в то утро.

— Спасибо, спасибо, — твердил он между всхлипываниями с еле заметным французским акцентом.

Гаррисон все еще сидел на корточках и изучал взрывное устройство. Я подошла и тоже села на корточки рядом. В глазах Гаррисона зарождался немой вопрос.

— Что такое?

— Я мог бы перерезать любой из проводов и все равно обезвредил бы бомбу.

Он посмотрел на меня со странной смесью то ли страха, то ли восхищения, я сама не поняла точно.

— Это что-то значит? — уточнила я.

Гаррисон кивнул с серьезным видом.

— С нами играют. Мы примчались сюда по телефонному звонку, чтобы обнаружить бомбу, которая не взорвется. Но зачем заманивать нас сюда, если не собираешься убивать?

— Не знаю.

Я повернулась и осмотрела комнату. И тут в глаза мне бросились детали, которые я не успела воспринять до этого. На обоих матрасах спали. И в коробках одежды больше, чем гардероб одного человека. Рядом с одним из матрасов лежали штук пять порножурналов. Мисс Август украшала стену над подушками. Я подошла к Филиппу, забившемуся в угол, словно испуганное животное.

— Вы можете опознать того, кто это сделал?

В его глазах мелькнул страх. Он посмотрел на дверь, потом на окно в поисках выхода.

— Нет, нет, — сказал он, иступленно качая головой, хотя обманщик из него был никудышный.

— А для кого тогда второй матрас?

Его темные миндалевидные глаза прекратили бегать по комнате и замерли на мне.

— Он ночевал здесь, да? Вы знакомы.

Правда была написана на его лице. Филипп потупился.

— Я хотел быть американцем, — еле слышно прошептал он.

— Это он похитил мою дочь? — спросила я.

По мере того как до Филиппа доходил смысл сказанного, на его лице появилось выражение шока. Он слегка приоткрыл рот, словно ахнул. Ему не пришлось отвечать. И так было видно, что он ничего не знает.

Глаза Филиппа наполнились слезами. Если бы он был стеклянным, то разбился бы вдребезги об пол.

— Я просидел на этом стуле всю ночь и весь день... Весь день.

Пока мы ехали в Пасадену, Филипп сидел сзади, курил сигареты одну за другой и без умолку говорил, словно мы высвободили поток слов. Он живет в Америке уже два года по студенческой визе, учится в училище и хочет стать диджеем. Пока он ждал, когда же его возьмут на популярную радиостанцию, то разносил газеты, мыл тарелки и по субботам играл в футбол. Филипп был красивым, хотя внешность у него была довольно заурядная и не выдерживала конкуренции в Голливуде.

Он сказал, что человек, положивший ему бомбу на колени, отнял у него все, что имело хоть какое-то значение. Он потерял все свои документы, включая паспорт, разрешение на работу, письма из дома и автомобиль — тот самый белый «хундай», который, возможно, был связан с исчезновением моей дочери. Но одного взгляда в его испуганные глаза было достаточно, чтобы понять, что он потерял нечто большее, что не включишь в опись имущества.

Через несколько минут после нашего возвращения в Пасадену, офицеры полиции Лос-Анджелеса взяли за жилище Филиппа. Но вскоре их сменяют ребята из ФБР. Тайное стало явным. Под моим присмотром Филипп будет находиться недолго. Все силы уголовной полиции наступали на Пасадену как армия захватчиков. Террор развязан.

Филипп докурил очередную сигарету и затушил ее в практически полной пепельнице в комнате для допросов. Я протянула ему пачку, и он вытащил еще одну сигарету, попытался закурить, но руки дрожали так сильно, что ему не удавалось зажечь спичку и мне пришлось ему помочь. Он сделал глубокую затяжку, на несколько минут задержал дым в легких и закрыл глаза от удовольствия. Бедняга просидел в своей комнате с бомбой на коленях и детектором движений, трясущимся при каждом проезжающем грузовике, больше десяти часов.

— Мы принесем вам поесть, — сказала я.

Он улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Мама хотела, чтобы я выучился на доктора, но я любил рок-музыку.

— Расскажите мне об этом человеке.

Он еще раз затянулся.

— Если я расскажу вам, то я труп.

— Нет, вы будете под защитой.

Он улыбнулся и покачал головой, словно все вокруг него было лишь спектаклем театра абсурда.

— Вы так всем говорите, кто прошел через то же, что и я?

— Я никогда не встречала человека, который прошел бы через то, через что пришлось пройти вам.

Филипп откинул голову и сделал вдох. А потом заговорил, шепотом, словно его мучитель слышал каждое слово.

— Я познакомился с ним в баре. Он сказал, что его зовут Габриель. Мы разговорились. Он сказал, что несколько лет прожил в Европе и только что вернулся.

— Он американец?

— Да. Еще сказал, что он актер.

— И вы предложили ему пожить у вас.

Филипп кивнул.

— Я не гей... просто мне одиноко. А он казался таким... Как я ошибался!

— Опишите его.

— Высокий, выше ста восьмидесяти пяти, темные волосы, крепкое телосложение. А еще у него такие глаза, светлые глаза... возникает ощущение, что он смотрит сквозь вас, как будто вы пустое место.

— А когда он приехал из Европы?

— Пять дней назад.

— Вы знаете, из какой страны он вернулся или где пересекал границу?

— Нет.

Филипп снова поднес сигарету ко рту, но рука так сильно дрожала, что он положил сигарету на стол.

— Вы должны его найти.

— А он звонил куда-нибудь?

Филипп покачал головой.

— А вы знаете, с кем он виделся, куда ходил?

— До вчерашнего дня он ночевал у меня только однажды, в тот первый вечер. Просто хранил у меня свои вещи. Сказал, что съедет, как только найдет то, что ищет.

— А что произошло вчера?

— Он попросился поехать со мной развозить газеты.

Филипп снова сделал нервную затяжку, потом повесил голову и выпустил колечко дыма на свои колени.

— Вот тут-то все и началось. Он вытащил револьвер и...

Он покачал головой, из уголка глаза выкатилась слеза и капнула на пол.

— И что потом?

— Приставил к моей голове и нажал курок.

Во взгляде Филиппа теперь светился стыд.

Он зашептал:

— Он смеялся надо мной, сказал, что барабан пуст. А потом зарядил один патрон и снова приставил к моей голове... и снова нажал курок, и еще раз, и еще...

Филипп вздрогнул, словно все еще вспоминал щелчок от удара курка. Он спрятал лицо в ладонях.

— Я чувствовал себя как животное, умоляющее не отнимать жизнь. Я бы сделал все, что угодно.

Он поднял глаза и устало выдохнул.

— А когда вы доставляли газеты, то почему выскочили перед моей машиной, а потом притормозили напротив моего дома?

— Он велел мне ждать, пока я не увижу вашу машину, а потом я должен был выехать так, чтобы вы увидели меня в лицо. Я сам не знаю зачем. Я просто сделал то, что он велел.

— А он знал, где я живу?

— Думаю, да.

— Но он не объяснил, зачем я ему, не говорил ли о моей дочери?

— Нет, он ничего мне не объяснил.

— А что случилось после того, как вы уехали от моего дома?

— Он завязал мне глаза, заклеил рот и связал руки. А потом поднес что-то к моему носу и заставил вдохнуть.

— И вы отключились?

Филипп кивнул.

— Думаю, я пролежал в машине долгое время, а потом он затащил меня обратно в квартиру.

— А он не упоминал имена Брим, Суини или Финли?

— Нет.

— А имя Лэйси?

Филипп покачал головой. Я достала из бумажника дочкину фотографию и протянула ему.

— Вы когда-нибудь ее видели?

Он долго-долго рассматривал снимок и уже начал передавать его мне обратно...

— Подождите.

Мое сердце замерло, пока он снова пристально всматривался в снимок.

— По телевизору, на конкурсе красоты. Это она?

Я взяла фотографию и сунула ее обратно в бумажник. Здесь больше ловить нечего.

— Сейчас придет художник, чтобы составить портрет Габриеля. Скажите ему все, что можете, и как можно более подробно, насколько вспомните.

Я встала со стула и пошла к двери.

— Это ваша дочь? — спросил Филипп мне вслед.

Я остановилась и обернулась. Его присутствие практически не чувствовалось в комнате. Да, неправильно, когда человек рождается, чтобы в итоге сидеть обвешанным динамитом, как елка игрушками. После этого жизнь кардинально меняется. И все его грезы о рок-н-ролле, которые он привез с собой через половину земного шара, превратились теперь в слабые воспоминания. У этого человека отняли все, кроме его собственной тени, хотя даже она едва различима. У него были ввалившиеся уставшие глаза, как у привидения.

— Да, — ответила я.

— Он похитил ее?

— Может, и не он, но кто-то похитил.

— Она у вас очень хорошенькая. Мне жаль.

— Если вы вспомните еще что-то, о чем я не спрашивала, куда он ходил, что говорил, все, что угодно, даже мелочи.

Филипп кивнул:

— Он сказал, что скоро все о нем узнают и... будут его бояться.

Я вышла из комнаты для допросов, прислонилась к двери и закрыла глаза на несколько секунд. Когда я их открыла, передо мной стоял Гаррисон.

— Ты все слышал?

Он кивнул.

— Габриель.

— Или он думает, то архангел Божий, выполняющий работу Господа, или же выбрал себе псевдоним по названию гор Сан-Габриел.

— Возможно, тут что-то еще.

— Что?

— На иврите Гавриил значит «крепость Божья», — сказал Гаррисон.

Он несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом отвел взгляд, словно извиняясь за свои слова. Я оглядела участок. За каждым столом сидел детектив или офицер полиции и разговаривал по телефону. Гул отдельных голосов перемешивался, казалось, что этот гомон высасывает весь кислород из помещения.

— Пришли художника, — попросила я.

— Он скоро будет.

— А что у нас еще есть?

— Мы проверили одежду, оставленную в квартире, она принадлежит человеку выше ста восьмидесяти пяти сантиметров. На пять или даже семь сантиметров выше Филиппа. Никаких документов нет, как он и сказал, все унесено. Мы объявили в розыск его автомобиль.

— Отпечатки?

— Только частичные, на коробках с одеждой. Но это пока что, осмотр места преступления все еще продолжается. Бомба тоже никаких зацепок не дает. Взрывчатое вещество промышленное, ничего экзотического, отследить практически невозможно. Всю электронику можно купить в обычном хозяйственном магазине. Преступник очень осторожен.

— То есть опять ничего.

— Ну, имя и описание — это уже что-то.

Я покачала головой.

Неважно. Данных на него нигде не будет. Ни фотографий, ни отпечатков пальцев, ни документов из школы, где он учился. И какие бы безумные планы ни вынашивал Габриель, по каким бы то ни было причинам, будь то извращенная вера или политический фанатизм, они покрыты завесой тайны так же, как и его личность.

Я направилась к себе в кабинет, но Гаррисон за мной не пошел, и я встала как вкопанная. Случилось что-то еще. Я почувствовала это так же, как чувствуешь приближение шторма, и похолодела.

— Что?!

Он поморщился.

— Поступил звонок на ваш домашний номер, — сказал Гаррисон.

Внезапно я снова очутилась в коридоре дома Финли, и на меня стремительно летела дверь.

— И? — спросила я одними губами.

— Похитители выдвинули свои требования в обмен на освобождение Лэйси.

Мои колени подкосились. Тяжеленная дверь снова ударила меня по лицу.

10

Голос на пленке был лишен эмоций. Таким тоном можно было бы зачитывать список покупок — не забудьте купить молоко, хлеб, овсяные хлопья, кока-колу, салат латук, — а не требовать выкуп в обмен на мою дочь.

— У нас Лэйси Делилло. У нее маленькая родинка сзади на шее и еще одна на лодыжке. Мы хотим получить два миллиона долларов, или вы никогда ее больше не увидите.

Вот так. Я прослушала запись раз десять, и с каждым разом моя девочка ускользала все дальше и дальше.

— Два миллиона долларов, — шептала я, не веря собственным ушам.

Теперь жизнь моей девочки привязана к знаку доллара. Могло бы быть четыре миллиона, десять, сто, это неважно. Какую бы сумму ни потребовали похитители, нет никаких гарантий, что я увижу ее снова.

Прослушав запись, я в шоке обвела взглядом конференц-зал. Гаррисон стоял возле двери. Шеф полиции Пасадены Эд Чавес сидел во главе стола. Он был единственным мужчиной в нашем управлении, который верил в меня, когда верить в женщин-полицейских еще не было модно. Это он вручил мне значок. Он распределил меня в убийный отдел и в итоге назначил начальницей. Он знал Лэйси с рождения и даже считал себя ее крестным отцом. Бывший морской пехотинец, он и командовал нами соответственно. Вы считаетесь с его мнением, потому что по-другому и быть не может. Эду остался год до пенсии, так что он одной ногой уже стоял на своей яхте в бухте острова Каталина.

Кроме того, присутствовал и представитель ФБР, специальный агент Хикс, руководитель антитеррористической опергруппы. Этаким типичный агент ФБР. Элегантный и на все сто уверенный в себе. Я даже ему завидую. Как бы мне хотелось ни в чем не сомневаться, но я не могу вспомнить ни одного дня в жизни, когда меня не мучили бы сомнения. Неужели отсутствие сомнений — это дар, дающийся всем мужчинам при рождении, или же некий генетический код, не позволяющий им почувствовать наличие каких бы то ни было сомнений. Короче, агент Хикс — живой пример самоуверенности. Такое впечатление, что каждый волосок на его голове подстрижен бритвой и помещен на свое определенное место, с которого он не имеет права сдвинуться. Сорокалетний карьерист, получивший в свое время диплом магистра. Хикс так же органично смотрелся бы и в совете директоров какой-нибудь корпорации, а не только на совещании в полиции. На другом конце стола сидели детективы Норт и Фоули.

Мы еще раз прослушали запись, затем сели и попытались сложить воедино кусочки

мозаики.

— Думаю, тот же голос звонил мне домой и угрожал Лэйси, — сказала я.

Чавес посмотрел на меня, а потом поспешно отвернулся, потому что его глаза заполнились слезами.

— Мы можем провести сравнительный анализ, — сказал Хикс.

— А откуда звонили? — спросил шеф.

— Из автомата на Колорадо в Олд-Таун. Мы сейчас проверяем, не засекли ли чего-нибудь камеры слежения. Кроме того, установлено наблюдение на случай, если они снова воспользуются этим телефоном.

— Я бы не стал на это рассчитывать.

— Я тоже, — вздохнула я.

Чавес сел на стул, сжав свои квадратные челюсти:

— Какой у нас план действий?

— Мы ищем двух подозреваемых, чтобы допросить их по делу Финли — его партнера Брима и работника Суини.

— Насколько я понял, вы видели Суини, — сказал агент Хикс.

Провокационный вопрос.

— Да, он ударил меня дверью.

Хикс пробежал глазами отчет, лежавший перед ним.

— И сказал, что ему жаль? Как вы считаете, за что?

Я была не в настроении играть в психотерапевта с парнями из ФБР. Хикс здесь не для того, чтобы помогать в расследовании, а для того, чтобы контролировать.

— Насколько я поняла, ему не особенно понравилось то, что он сделал.

— А что насчет Брима? — спросил Чавес.

— Он ушел из дома рано утром, и с тех пор его не видели.

— А тело мексиканского майора в пруду?

Я повернулась к Норту, который сидел в кресле так, словно линейку проглотил, и откашливался.

— Мы получили предварительные данные вскрытия. Уровень алкоголя в крови жертвы в шесть раз выше нормы. Его отпечатки имеются на бутылке текилы, найденной на месте преступления. В легких достаточное количество воды, чтобы стать причиной смерти. Этот парень нажрался, ударился башкой, потом зашел в воду и утонул. Конец загадкам.

— Мы все еще пытаемся определить, провозил ли он взрывчатку через границу, но мексиканская армия не желает сотрудничать.

— Возможно, у нас получится ускорить процесс, — сказал Хикс, постукивая указательным пальцем по отчету. — Скажите, лейтенант, ваша дочь входит в ряды радикальной экологической организации?

— Нет, насколько я знаю.

— Но она нарушила ход конкурса, выступив с политическим протестом.

— А мне кажется, она просто вела себя как семнадцатилетняя девочка. В этом возрасте дети максималисты.

— Но вы понимаете, что я должен задать вам эти вопросы.

— Понимаю.

— Есть ли причины полагать, что ваша дочь могла вместе с членами радикальной группы инсценировать собственное похищение с целью получения денег?

— Нет.

— Но она ведь не посвятила вас в свои планы?

— Но баллончик с гербицидом и инсценировка похищения — это, простите, две большие разницы.

— Но эта версия сама напрашивается, лейтенант.

— Но вы ведь отслеживаете подобные организации. Есть ли у вас какие-то причины думать, что одна из них действует в Пасадене? — парировала я.

— В настоящий момент проводится проверка.

Я посмотрела на Чавеса. В его глазах читалась мольба не лезть в бутылку, но я уже не могла остановиться.

— И если причины полагать, что ФБР напортачило, не включив Габриеля в свои сигнальные списки?

По крайней мере, у Хикса хватило ума улыбнуться.

— Если он был-таки в списке, то у кого-то бо-о-льшие неприятности.

— Расскажите мне о Габриеле.

— Белый, скорее всего, американец, возможно, несколько последних лет провел в Европе. Отлично разбирается во взрывчатых веществах и взрывных устройствах, что, возможно, указывает на его армейское прошлое. Но если он самоучка, то это означает, что у парня незаурядные мозги и, вероятно, он получил высшее образование.

— Но возможно также, что он обучался за границей. Мы проверим, — сказал Хикс.

— Тот факт, что он избрал для себя имя Габриель, показывает, что он считает себя очень могущественным. Он сказал Филиппу Жэне, что вскоре все услышат о нем и будут его бояться.

— Есть ли какая-то непосредственная связь между похищением Лэйси и взрывом в бунгало Суини, а также попыткой взрыва в квартире того француза? — спросил Чавес.

Шеф пытался успокоить меня тем, что ФБР будет охотиться за Габриелем, а значит, помогут мне в поисках девочки, если это как-то взаимосвязано.

— Партнер Финли Брим по крайней мере трижды звонил Лэйси.

— Насколько я понимаю, он звонил всем конкурсанткам, — встрял Хикс.

— Но только Лэйси он звонил несколько раз, причем последний звонок был сделан непосредственно в день конкурса.

— Три телефонных звонка флориста участнице конкурса красоты еще не указывают на связь с террористическим актом.

— Такая же машина, как у Филиппа, отъезжала от того места, где была похищена Лэйси...

— Просто какая-то белая машина, ни марки, ни модели, остальное — ваши домыслы.

— Габриель заставил Филиппа остановиться напротив моего дома, где, собственно, и проживает жертва похищения. На мой взгляд, чем не связь?

— Если Габриель причастен к покушению на вас и вашего напарника, то разве это не объясняет его появление возле вашего дома? Вы уже один раз были мишенью. Думаю, он следил за вами, а не за вашей дочерью.

— Я не считаю, что он пытался убить нас с Трэйвером. Полагаю, бомба предназначалась для Суини.

— Почему?

— Он убивает всех, кто может его опознать.

— Так вы думаете, что ваша дочка могла быть похищена потому, что видела его?

— Это возможно.

Хикс покачал головой.

— Не сходится. Он мог бы убить и Филиппа, но почему не сделал это?

— Или нам повезло, или преступник играет с нами в какую-то игру.

— А как же требование выкупа? Зачем привлекать к себе дополнительное внимание полиции? Если Габриель тот, кем кажется, то он здесь ради одной цели — заложить бомбу. Похищение не вписывается в эту схему.

— Думаю, единственное, что мы можем с точностью сказать о Габриеле, — то, что все его действия станут для нас полной неожиданностью.

Хикс посмотрел на Чавеса, который несколько секунд нервно ерзал в кресле, а потом повернулся ко мне и сказал:

— Нам нужно найти Лэйси, Алекс... — Чавес помолчал и печально опустил глаза. — Нужно найти ее. А все остальное неважно.

— Наша работа — терроризм, — отрезал Хикс. — К вечеру у меня будет сто агентов, а к завтрашнему дню — двести. Если два дела действительно пересекаются, то мы сможем помочь друг другу и обмениваться информацией. Но в противном случае это даже не обсуждается. Моя работа — найти Габриеля. А вы должны отыскать свою дочь.

В дверь постучали, и вошла Джеймс:

— Вот портрет, лейтенант.

— Это для меня, — сказал Хикс.

Джеймс вопросительно взглянула на него, а потом подошла прямо ко мне и отдала мне рисунок.

— У меня будут копии через секунду, — сказала Джеймс, обращаясь ко всем собравшимся.

У Габриеля оказались гладковыбритое лицо и короткая стрижка. Лицо шире, чем я ожидала, с полными губами и крупным носом. Тонкий шрам в виде полумесяца тянулся вниз от уголка правой брови. Как и описывал Филипп, у него были светлые пронизательные глаза, даже на портрете в них читался вызов. Я несколько минут всматривалась в этот взгляд, пытаюсь представить холодное сердце, скрытое за ним. Но не смогла, даже в воображении. Я арестовывала бесчисленное множество людей, совершивших все мыслимые преступления, но за редким исключением у этих злоумышленников не было зловещих тайн, и ими не руководили темные силы. Это были просто мужья, братья, жены, родители или дети, сбившиеся с пути и потерявшие контроль над собой. Над ними возобладали ситуации и эмоции — ненависть, любовь и страх. А когда все было кончено и эти люди смотрели на то, что натворили, то они напоминали зрителей телешоу, которые растеряны и не могут взять в толк, как такое могло произойти.

Но Габриель не выглядел растерянным. Если и имелся какой-то способ достучаться до его сердца, то пока что ничто из содеянного на это не указывало. Я передала портрет Хиксу и наблюдала, как глаза агента скользят по рисунку, изучая каждый сантиметр. Если его что-то и удивило, то на его лице удивление никак не отразилось.

— Его лицо вам знакомо? — спросила я.

Он еще минуту рассматривал портрет, а потом снова сел прямо и покачал головой.

— Нет, я бы запомнил.

С этими словами Хикс поднялся с места, вышел за дверь и начал названивать по мобильному. В комнате на некоторое время воцарилась тишина, словно все мы только что сошли с трапа самолета в чужой стране и не знали, где паспортный контроль.

— Ты не согласна с Хиксом, что Лэйси как-то замешана в этом? — спросил Чавес.

Его слова проплыли мимо моего сознания, словно их прокричали из несущейся на бешеной скорости машины. Я пыталась удержать нежную руку Лэйси в своей, сказать ей, что мама рядом и все будет в порядке, плакать и бояться не надо. И себя я пыталась убедить в том же.

— Алекс. — Кто-то взял меня за руку. Это Чавес обогнул стол и сидел теперь рядом со мной. — Ты сможешь заниматься этим делом?

Я кивнула. Я должна, другого выбора нет. Ничто меня не остановит, и я найду свою девочку.

— Помнишь, как ты мне сказал, что самое важное в нашем деле?

Он улыбнулся.

— Всегда поддерживать людей, которые умнее тебя.

Уголки его губ опустились. Он крепился изо всех сил.

— Нет такой вещи, как совпадение, — сказала я.

Мускулы на его лице расслабились. Он хотел спросить что-то еще, но не знал как. Как нормальный человек вообще может произнести это?

— А как же...

— Я заплачу. Даже если мне придется пахать потом всю мою жизнь, я сделаю все, чтобы вернуть дочь.

— Хорошо, — сказал Чавес. — Но позволь мне и полиции Пасадены беспокоиться из-за денег. С чего ты начнешь?

Можно было сделать много шагов, но какая дорога ведет к моей девочке? Что, если я выберу не ту?

— Я хочу, чтобы на телефоны Брима и Финли поставили прослушку.

— Я лично получу ордер, — заверил меня Чавес.

— Плюс наблюдение за их женами.

Норт и Фоули кивнули.

— Пока что ни о чем не сообщать прессе. Чтобы никаких слухов, ничего.

— Ни слова, — сказал Чавес.

Я посмотрела на Гаррисона.

— А мы начнем с комнаты Лэйси.

Мне нужно знать все ее секреты, и для этого придется разорвать ту тонкую ниточку доверия, которая еще осталась между нами. Все стали расходиться, а я поднялась из-за стола и посмотрела на Гаррисона.

— Подожди меня несколько минут.

Гаррисон кивнул и, когда мы покинули конференц-зал, пошел за мной следом на некотором расстоянии. Проходя по участку, я увидела, как Филипп в сопровождении Хикса и двух других агентов идет к дверям. Он взглянул на меня, а потом на секунду посмотрел в глаза Гаррисону, шедшему сзади. Филипп должен был погибнуть, но избежал этой участи, тут Хикс прав. И если это не просто удача, то, значит, Габриель хочет, чтобы у нас был его портрет. Но зачем? С какой целью? Филипп улыбнулся мне, словно благодаря, а потом его вывели за дверь.

— Как ты думаешь, нам просто повезло, — обратилась я к Гаррисону, — или Габриель хочет, чтобы мы увидели его лицо?

Гаррисон взглянул на дверь, за которой скрылся Филипп.

— Я об этом размышлял... Но самое большее, до чего додумался, — Габриель не мог знать, что я буду одним из тех, кто войдет в квартиру Филиппа. Если бы с вами не было меня или другого специалиста по взрывным устройствам, тот угол здания разнесло бы на кусочки. И вы бы погибли.

— Но зачем он оставил нам минуту на то, чтобы обезвредить бомбу?

Гаррисон повернулся ко мне.

— Бомба с хронометром — это ужас, умноженный в несколько раз.

Слова повисли в воздухе, требуя к себе внимания.

— Умноженный ужас? — Я задумалась. — Ты говоришь о невыносимости ожидания?

— Да, как в фильмах Хичкока.

— То есть дело не только в жертве, но и в страхе, который ты сеешь?

— Да, скорее это, чем желание показать свое лицо.

Я вошла в свой офис.

— Лейтенант, — позвал Гаррисон, и я обернулась. — Это первый террорист, которого я сам боюсь.

Я несколько секунд смотрела в его глаза. Они казались старше, и в них появилась усталость, которой я не замечала раньше. Это были глаза человека, похоронившего молодую жену и знавшего, какие плоды приносит террор. Я быстро скрылась за дверью кабинета. Интересно, он признался бы мне в своем страхе, если бы я была мужчиной. Но тогда бы в нашем общении скорее преобладала бы напускная храбрость, которой мужчины щеголяют друг перед другом в раздевалках, а не эмоции.

Я закрыла за собой дверь, заперла ее, подошла к столу и посмотрела на телефон. Мама уже выяснила о внучкином фиаско на конкурсе красоты. А через какие-нибудь несколько часов журналисты пронюхают про исчезновение Лэйси. Я не могу позволить, чтобы мама узнала об этом из новостей.

Я посмотрела на стены кабинета. Всюду благодарственные письма, награды, медали за

службу, фотографии — все свидетельства успешной карьеры. А теперь мне придется сказать правду единственному человеку, который всегда был способен посеять в моей душе сомнения. Я не смогла защитить свою девочку и чувствовала себя полнейшей неудачницей.

Я потянулась к трубке. Как только пальцы коснулись ее, мне снова стало шестнадцать. Дурнушка, всегда в чем-то виноватая, несовершенная, недостаточно хорошая для собственной матери. У меня отняли всю уверенность, которую я заработала, шагая по карьерной лестнице. Все доказательства моего успеха, развешанные по стенам кабинета, принадлежали кому-то другому.

Три гудка. На четвертом я начала потихоньку отодвигать трубку от уха, словно рефлексывелели мне повесить ее прежде, чем мать ответит. Но тут раздался щелчок, и произошло соединение.

— Алло.

— Мама, это Алекс.

— Алекс, я тебе звонила. Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Я совсем забыла о времени. А ведь уже глухая ночь, начало первого.

— Да, уже поздно, мама.

— Почему ты не перезвонила мне? Что такое...

— Мама.

— Я не понимаю, почему тебе сложно...

— Мама, кое-что случилось. Помолчи и выслушай меня.

— Я всегда готова тебя выслушать, ты же знаешь. Только ты не звонишь... О, господи, она беременна?

— Остановись! Прошу тебя, замолчи.

На другом конце повисла тишина. Я слышала, как она обиженно вздохнула: «Отлично».

Я начала говорить, но не успели слова сорваться с языка, как глаза наполнились слезами.

— Алекс?

Мама всегда умела почувствовать мое эмоциональное состояние. Правда, обычно она использовала свое умение как акула, учуявшая кровь, чтобы добить меня. Но не сейчас. Ее голос изменился, стал мягче и нежнее. Он коснулся того уголка памяти, где хранились воспоминания о некогда существовавшей между нами любви. Шестилетняя девочка и гордая мама. Родственные души. Куда все это делось? Может, причина в том, что, когда мне было семь, от нас ушел отец? А мама просто хотела убедиться, что я никогда не стану такой ранимой, как она в те дни, когда жила с человеком, увлеченным пустыми мечтами и постоянно отталкивающим ее, пока они не стали чужими?

Слезы градом катились по моему лицу и падали на отчет, лежавший на столе. Я вытерла их и закрыла глаза.

— Лэйси похитили.

Резкий вздох, словно из ее легких выкачали весь воздух.

— Я... я не понимаю. Что ты имеешь...

— Она похищена. Именно это я и имею в виду.

— Это... не шутка.

— Нет.

— Но ты же небогата. Обычно похищают детей обеспеченных родителей. Бессмыслица какая-то. Должно быть, ты ошиблась. Я не верю.

— Послушай, — проорала я в трубку, пока ее эмоции не вышли из-под контроля.

— Не кричи на меня!

— Просто послушай.

Я услышала, как она сделала глубокий вдох, и продолжила:

— Дело не в этом. Я сама еще не разобралась, но не думаю, что дело в деньгах.

— А в чем же тогда? Почему ее похитили?! — Мама перешла на крик, когда ею

овладел шок. — Господи!!!

— Мама, тебе надо позвонить кому-то из друзей, чтобы они приехали, только не оставайся одна.

— Я приеду к тебе.

Она жила в поселке для престарелых в Аризоне.

— Нет, нечего тебе тут делать. У меня слишком много дел, ты все время будешь одна.

— Ты не...

— Мама, сейчас я должна думать только о Лэйси и ни о чем другом. Даже если ты приедешь, это мне не поможет. Но я найду ее, обещаю. С ней все будет в порядке.

— Этого не может быть...

Долгая пауза, а затем еле слышный шепот:

— Ох, Алекс... — Она умолкла, не в силах продолжать, а потом прошептала: — Мне так жаль.

Этот нежный, как колыбельная, голос я помнила с детства. Когда мама вешала трубку, я слышала, что она сдерживает рыдания.

Город обдувал тихоокеанский бриз, очищая ночное небо. Температура упала градусов до семи. Гаррисон вел машину вниз по пологому склону. Я опустила окно. Даже здесь, вдали от океана, ощущался его солоноватый привкус. Вдыхая свежий воздух, я смотрела в ночное небо — звезды поблескивали в темноте, напоминая свечение планктона в заводи. И где-то под этими звездами была моя девочка.

— Они сегодня будут ночевать под открытым небом, — задумчиво сказала я.

Гаррисон недоуменно посмотрел на меня.

— Я про парад. Сегодня целые семьи заночуют вдоль Колорадо, завернувшись в одеяла или спальные мешки. Среди моих знакомых есть и такие, кто каждую ночь перед парадом проводит на свежем воздухе с тех пор, как я была еще маленькой. Это такая же семейная традиция, как фейерверки в День независимости. И это только те, кто будет смотреть парад вживую.

Меня охватил озноб. Я все еще ощущала волну воздуха и оглушительный взрыв в бунгало.

— По приблизительным оценкам, трансляцию парада по телевизору будут смотреть около двухсот миллионов человек по всему миру.

Судя по лицу Гаррисона, такая цифра была для него новостью.

— Двести миллионов, — удивленно повторил он. — Я и понятия не имел.

— Это второе по популярности событие в Америке после финала чемпионата по бейсболу.

Я какое-то время всматривалась в темную дорогу впереди.

— Что именно, по словам Филиппа, Габриель сказал ему? — спросила я.

Гаррисон задумался.

— Скоро все узнают, кто я такой, и будут меня бояться, — прошептал он.

Вот оно. Все будут меня бояться. Мечта воплотится.

— Там сейчас ребяташки ждут начала парада. Габриель собирается взорвать их, а двести миллионов людей будут за этим наблюдать.

Лицо Гаррисона напряглось.

— Чем невиннее жертва, тем эффективнее террор, в этом весь смысл, да? — спросила я.

Гаррисон бросил на меня взгляд украдкой и снова уставился прямо перед собой.

— Мы знаем его в лицо, ему не подобраться близко.

— А ему нужно? Разве какие-то из его действий навели тебя на мысль, что он собирается убить и себя заодно?

Гаррисон снова задумался, а потом с тревогой покачал головой:

— Нет.

— И это делает его еще более опасным, да?

Гаррисону не пришлось отвечать. Правда застыла на его лице словно маска. Ситуация становилась все хуже и хуже.

Мы повернули по Марипоса-стрит и поехали по моему кварталу мимо домов, которые я проезжаю вот уже двадцать лет. Увитые плющом холмы, спускавшиеся к идеальным лужайкам. Пластиковые олени на крышах и белые рождественские гирлянды, имитирующие сосульки. Здесь живут Келли, а вон в том доме Жозе. Лэйси сделала свои первые шаги в этом квартале. А в этом доме впервые поцеловалась с мальчиком. А вон в том муж изменил мне с женой дантиста. Все вокруг знакомо, правда, теперь квартал казался мне натурной съемочной площадкой, где нет ничего настоящего, только выдуманное. Дома — это и не дома вовсе, а только фасады, а защищенность — не более чем сценарий. И если знойный ветер Сайта-Ана подует из пустыни, уверена, от нашего района останется пустое место.

Я заметила, что рядом с моим домом припаркована машина, наверное, патрульные дежурят, как и сказала Джеймс. Гаррисон проехал по подъездной дорожке и затормозил. Он начал вылезать из автомобиля, но тут заметил, что я сижу неподвижно.

Мне не хотелось заходить в свой дом, зная, что Лэйси там нет. Не хотелось рыться в ее вещах так, словно она всего лишь очередная жертва, чьи секреты теперь являются достоянием общественности.

Гаррисон снова скользнул на водительское кресло и уставился прямо перед собой, его взгляд был устремлен куда-то за дверь гаража, загораживающую обзор, в далекое прошлое.

— Мою жену нашли только через шесть дней.

Он повернулся ко мне, словно отвел взгляд от своего прошлого.

— Вы должны представить, что у ваших сомнений есть лицо, и драться с ними.

Несколько секунд Гаррисон смотрел мне в глаза, а потом снова отвернулся и сделал глубокий вдох.

— И какое же лицо представлял ты?

Уголки его губ чуть дрогнули в улыбке, а потом он взглянул на свои пальцы, словно что-то только что утекло сквозь них.

— Мне так и не удалось этого сделать.

Гаррисон неуверенно потоптался возле двери в комнату Лэйси, когда я вошла внутрь. Инстинктивно я подняла с полу футболку, сложила ее и положила на кровать. Нельзя, чтобы гость видел, какой беспорядок царит в дочкиной комнате.

— А у нее есть дневник? — спросил Гаррисон, все еще стоя в дверях.

— Личный журнал — сказала я, вспомнив, как Лэйси поправила меня, когда я несколько лет назад задала тот же вопрос. — Дневник вели дамы в девятнадцатом веке, чтобы не забыть, с кем они пили чай. А журнал предназначен для записей, чтобы задокументировать собственную жизнь.

Я посмотрела на озадаченного Гаррисона.

— Подростки в том, что касается некоторых вещей, любят точность.

Я огляделась. Хотелось дотронуться до каждого предмета, словно это может приблизить ко мне мою девочку. Хотелось обнять ее потрепанного плюшевого мишку, вдруг он прошепчет мне, где его хозяйка.

— Раз журнала не было в рюкзаке, он должен быть здесь, — сказала я.

Гаррисон все еще стоял в дверях, не желая нарушать границы личного пространства моей дочери и превращать ее спальню в поиск улики.

— Хотите сделать это в одиночку?

Я обвела комнату взглядом. Воспоминания хлынули на меня с бледно-желтых стен, будто встречный поток автомобилей. Вот семилетняя Лэйси с выпавшим молочным зубом. Пятилетняя с температурой. Вечеринка. Смех. Громкая музыка какой-то мальчуковой группы. Еле уловимый запах сигарет просачивается под дверь.

Я схватилась за кованую спинку ее кровати, пытаюсь втащить себя обратно в

настоящее, а потом посмотрела на Гаррисона.

— Нет, меньше всего я хочу сейчас оставаться одна.

— Хорошо.

Он переступил порог и огляделся. Я почувствовала, как комната чуть-чуть изменилась. Лэйси только что ускользнула от меня еще дальше.

— Может, в ее столе? — спросил Гаррисон.

Я кивнула и подошла к столу, но не могла себя заставить дотронуться до ящиков. Просто стояла и тупо смотрела, не в состоянии поднять руку.

— Думаю, лучше ты.

— Конечно, — кивнул Гаррисон, подошел ко мне и выдвинул ящики.

Я отвернулась. Мне не хотелось участвовать в обыске. Я думала, что смогу, но не смогла. Мне нельзя отпускать свою девочку. Сейчас больше чем когда-либо я хотела, чтобы ее секреты остались лишь секретами.

— Изымай все, что тебя насторожит, — велела я.

Я отошла к окну, прислушиваясь к звукам выдвигаемых ящиков и шуршанию бумаг. Окно выходило на задний дворик, представлявший собой квадратный лоскут травы, по периметру обнесенный заборчиком, около которого росла бугенвиллия. Лэйси всегда говорила, что это отличное место для собаки, золотистого ретривера. Но мы так и не завели собаку. Я всегда находила причину, по которой этого делать не стоило.

— А у тебя была когда-нибудь собака? — обратилась я к Гаррисону.

Шуршание прекратилось.

— Конечно, мы разводили собак, так что собаки были всегда... Думаю, вот он.

Я повернулась и увидела, что в руках у Гаррисона дневник-журнал моей девочки. Толстая тетрадь в голубой кожаной обложке с нарисованным подсолнухом.

— Да, это он, я видела его у Лэйси.

Гаррисон протянул тетрадь мне.

— Вы хотите...

— Нет, лучше ты. Листай назад с последней даты. Телефонный номер, имя... Ты знаешь, что искать.

Гаррисон вернулся к столу, сел и открыл дочкин журнал.

— Последняя запись сделана вчера.

Он принялся читать, быстро перелистывая страницы. Когда он просмотрел несколько записей, то на его губах заиграла улыбка.

— Что?

— Тут про конкурс. — Он посмотрел на меня. — Жаль, что меня там не было.

— А мне жаль, что я там была.

Я услышала свои слова и была готова поклясться, что за меня их сказала моя мать. Зачем я это лягнула? Неужели я ничему не научилась?

— Неправда, это было потрясающее зрелище. Сделать такое перед всеми, зная, какие тебя ждут неприятности и что про тебя подумают люди. У меня никогда не хватит смелости.

Гаррисон снова уставился в тетрадь и кивнул.

— Да, у вас классная дочка, лейтенант.

Он посмотрел на меня, но я не могла выдержать его взгляд. Сердце билось где-то в горле. Я попыталась что-то ответить, но голос не слушался, и мне удалось выдать только слабое «да».

Гаррисон вернулся к записям, тщательно анализируя каждое слово в поисках скрытого смысла или несоответствия. В комнате воцарилась неестественная тишина. Мне отчаянно захотелось услышать какую-нибудь ужасную музыку или телефонный звонок — все, что угодно, лишь бы замаскировать пустоту. Мое дыхание участилось, словно мне перестало хватать воздуха. Где же моя девочка, где?

— Пожалуй, я выйду, — промямлила я, открывая дверь.

— Вам что-то говорит буква Д?

Я остановилась. Гаррисон поднес ко мне тетрадь.

— Здесь еще телефон.

Я взяла у него журнал. Несколько секунд я просто смотрела на дочкины записи. Изящные завитушки и изгибы казались продолжением ее длинных тонких пальцев. Меня это всегда удивляло. Откуда в ней столько естественной грации? Уж точно не от меня. Возможно ли, чтобы грация передавалась через пару поколений, как рыжие волосы или некоторые наследственные болезни?

Буква Д и телефон располагались в широком промежутке между двумя соседними абзацами.

— Эта запись никак не связана ни с предыдущим абзацем, ни с последующим.

— И как ты думаешь, что значит Д?

— Ну, первым делом напрашивается имя Дэниел.

— Финли.

— Ага. Но это не его номер, я помню его телефон из протокола.

Я сняла трубку с телефона в дочкиной комнате и набрала номер. Каждый гудок отдавался в моей ладони электрическим зарядом. После десятого я повесила трубку.

— Давай пробьём адрес.

Гаррисон записал номер, а потом оставил меня в одиночестве.

Я боролась с желанием заглянуть в дочкины записи, но постепенно поддалась соблазну. Разве могло быть иначе? Мне хотелось обнять эту тетрадку с дочкиными мыслями, словно я обнимаю ее саму. Мой взгляд скользил по страницам в поисках еще одного упоминания загадочного Д, но увы. Я старалась не читать целыми абзацами, но это все равно что пытаться не любить того, кому вы дали жизнь. В каждом абзаце вопрос. *Почему я... Почему я чувствую... Что я сделала.... Почему все так хреново...* Да, быть семнадцатилетней — все равно что кататься на каком-то безумном аттракционе, когда не знаешь, куда едешь, и конца в обозримом будущем не видно. Господи, я и забыла.

И тут мой взгляд зацепился за одну запись и отказался отрываться от нее. Я попыталась не читать, но было уже поздно. Черт. И я тихонько прочла вслух.

«Что мне нужно сделать, чтобы мама гордилась мной? Что, черт побери, мне нужно сделать?».

Вот оно.

Тетрадь упала мне на колени. Я уставилась на бледно-желтые стены и про себя повторяла эти слова.

«Что, черт побери, мне нужно сделать?»

Где-то над холмами зашумел полицейский вертолет, нарушая тишину. Из окна мне был виден свет прожекторов, разрезающий ночное небо и скользящий по земле. Вертолет повернул на запад и улетел, глухой стук его винтов становился все тише и тише, тая вдали, но его место заняли ритмичные удары моего сердца в пустой комнате. Я так крепко сжимала тетрадь, что костяшки пальцев побелели. Мои глаза заполнились слезами. Что я наделала?

Гаррисон постучал и вошел. Я закрыла журнал и аккуратно положила его на место. Мне не хотелось, чтобы Лэйси узнала, что кто-то вторгся в ее мир. Это будет последняя ложь в наших с ней отношениях.

— Ну, скажи же мне что-нибудь хорошее, — взмолилась я, утирая слезы.

— Телефонный номер зарегистрирован на адрес в Азусе. Судя по адресу, это жилой дом.

Я пошла к двери, но Гаррисон остался на месте. Он смотрел куда-то за пределы комнаты, на его лице читались тревога и неверие. Тут у меня на поясе ожил пейджер. По-видимому, Гаррисон ждал этого.

— Что случилось?

— Нашли машину Филиппа.

— Где?

Я увидела, как напряглись мышцы на его шее.

— Через дорогу от управления. Думаю, ее видно из окна вашего кабинета.

Холодок пробежал по моей спине.

— Габриель снова решил поиграть с нами. Что он пытается...

Но мне не пришлось заканчивать мысль. Ответ и так ясен. Он хочет посеять ужас, устроить террористический акт. А это значит, что это не просто угнанная машина, припаркованная напротив моего окна.

— Есть еще что-то, да? — спросила я. Гаррисон кивнул.

— Внутри Брим, пропавший партнер покойного Финли.

11

Движение по Гарфилд-авеню было перекрыто с помощью тех же стоек, которые будут сдерживать натиск зрителей на параде чуть больше, чем через двадцать четыре часа. Улица была неподвижна, лишь ветер носил по тротуару листья магнолии. Центральная площадь перед зданием мэрии была заполнена не туристами, рассматривающими мириады новогодних гирлянд, развешанных на деревьях, а машинами «скорой помощи». Единственный звук — пересмешник, передразнивающий звук сирен, на одном из деревьев.

Прямо в центре Пасадены все до единого жители и служащие из двух кварталов, включая все полицейское управление, были эвакуированы за пределы потенциальной зоны поражения. Габриель попал нам не в бровь, а в глаз, припарковав белый «хундай» прямо перед окружным судом и полицейским управлением. Он заявил свои права, дав нам понять, что может пойти куда угодно и сделать все, что угодно. И что самое ужасное — я в это верила.

Робот по обезвреживанию бомб находился метрах в трех от автомобиля, его крошечная камера была нацелена на лицо Брима. Брим сидел на пассажирском кресле, рот заклеен липкой лентой, обезумевший от ужаса взгляд. Он смотрел в камеру с мольбой о помощи. Мы в одном квартале к югу стояли на площади, обсаженной по периметру деревьями. Крестный отец Лэйси, Эд Чавес, разглядывал картинку на экране маленького телемонитора, а потом покачал головой.

— Господи, я в жизни ничего подобного не видел.

Я смотрела на экран с той же самой мыслью. Я думала, что поняла что-то про Габриеля, но теперь все это казалось несущественным.

— Сколько взрывчатки в автомобиле? — спросила я.

Чавес покачал головой.

— Офицер, обнаруживший автомобиль, убрался оттуда, как только понял, что, черт возьми, происходит.

— Посмотрите на задние колеса, — сказал Гаррисон. — Корпус машины накренен, крыло почти касается. Должно быть, в багажнике килограммов сорок пять взрывчатки или даже больше.

— И что произойдет, если эта штуковина рванет? — спросил Чавес.

— Ну, скажем так, мы даже взрыв толком не успеем услышать, — вздохнул Гаррисон.

— А мы знаем, как подключены провода? — поинтересовалась я.

Гаррисон жестом показал на техника, контролирующего движения робота.

Я посмотрела на маленький монитор, получавший картинку с камеры робота. Она переместилась с лица Брима на дверцу. С другой стороны на ней были прикреплены два каких-то небольших предмета.

— Похоже на сигнализационные датчики.

— Это они и есть. Нам не видно противоположную дверцу, но можно с уверенностью сказать, что и она тоже подключена к бомбе. Если мы откроем дверь или разобьем окно, то машина взорвется.

Гаррисон замолчал и посмотрел на меня.

— И это только, что мы видим. А ведь могут быть еще и дистанционные датчики или

датчики движения. Не думаю, что мы можем исключить такую возможность.

— Я могу поговорить с Бримом с помощью робота?

Гаррисон кивнул:

— Да, внутри встроена телефонная линия.

Камера дрогнула и снова повернулась к Бриму, увеличивая изображение, пока лицо не стало во весь экран. Брим тяжело дышал, пот длинными полосами стекал по щекам.

— Не знаю, сможет ли он слышать вас в таком состоянии, — пробормотал Гаррисон.

— Агент Хикс и его люди уже в пути. Это их дело, — сказал Чавес.

— Но они не будут спрашивать его о моей дочери.

Чавес несколько секунд смотрел на монитор, а потом кивнул:

— Хорошо, не торопись.

Гаррисон показал мне микрофон на пульте управления.

— Просто говори нормальным голосом. Он услышит.

Я кивнула, и Гаррисон включил микрофон.

— Мистер Брим, это лейтенант Алекс Делилло. Вы меня помните, я приходила к вам в магазин? Если вы меня понимаете, то кивните, насколько это возможно.

Капля пота скатилась по его лбу.

— Он вас не слышит, — сказал Гаррисон.

— Мистер Брим, кивните, если слышите меня. В роботе встроена камера. Посмотрите на него и кивните.

Брим покачал головой.

— Посмотрите в камеру и кивните. Мне нужно знать, что вы меня слышите.

Брим медленно повернул голову, как будто его движения сдерживала шина-воротник.

— Я не думаю, что он понимает, где находится, — прошептал Гаррисон.

— У нас здесь самые высококлассные специалисты. Все будет хорошо.

Брим покачал головой, словно знал, что ничего хорошего не будет. Его глаза широко распахнулись, но взгляд не сфокусирован, как у слепого.

— Вы видели мою дочь? Она участвовала в конкурсе красоты. Вы говорили с ней по телефону. Лэйси Делилло. Вы знаете, где она сейчас?

Брим смотрел прямо перед собой. Взгляд снова стал осмысленным, словно Брим рылся в памяти, а потом он снова повернулся к камере.

— Лэйси Делилло — вы знаете, где она?

Морщины в уголках его глаз стали глубже, а потом глаза наполнились слезами.

Чавес положил мне руку на плечо. Нет, я не могу сдаться. Брим что-то знал, он просто обязан знать, иначе не сидел бы в этом автомобиле.

— Мистер Брим, вы видели мою дочь?

Если он и слышал меня, то вида не подал. Он смотрел прямо перед собой, снова вернувшись в кошмар.

— Все, мы его потеряли. Думаю, теперь он даже тебя не слышит, — сказал Чавес.

— Ему нужно видеть чье-то лицо. Он один и напуган.

— Алекс, даже и не думай...

— Он погружен в свои мысли, но если он увидит мое лицо, если решит, что не умрет...

— Ты туда не пойдешь, — рявкнул Чавес.

— Если он что-то знает про Лэйси и мы его потеряем...

Из легких испарился весь воздух, забирая с собой и мой голос. Я пыталась сделать вдох, но ощущения скорее напоминали дыхание сквозь пластиковый мешок. Наконец голос вернулся ко мне в виде шепота.

— Как я буду с этим жить?

Чавес посмотрел на меня как суровый отец.

— У него связаны руки, рот заклеен. Если даже ты до него достучишься, что сможешь узнать?

— Мне от него нужен всего-навсего кивок. Если он скажет, что как-то связан с Лэйси,

то мы узнаем нечто, чего не знали раньше.

Чавес покачал головой и посмотрел на Гаррисона.

— Вы эксперт по взрывным устройствам. Скажите ей, что это плохая идея.

Гаррисон бросил взгляд в сторону заминированного автомобиля, потом на меня и повернулся к Чавесу:

— У меня нет дочери, я здесь не советчик.

Чавес снова покачал головой и тоже посмотрел на автомобиль.

— А у меня есть дочь, — прошептал он и обратился ко мне: — И крестница.

Гаррисон перечислил мне длинный список того, на что нужно посмотреть в машине. Форма заряда, один он или несколько, сколько цепей, есть ли заземление, где источник загорания, сколько запалов и каких. Видны ли провода? Нарушена ли их целостность? Если нет, то все в порядке. В противном случае нужно убежать или плюхнуться на землю в зависимости от направления взрывной волны. Звучало как урок для старшеклассников по теме «Лексика террора».

Я ходила по этой улице вот уже двадцать лет, но сейчас она казалась незнакомой. Когда я пересекла ограждение, то возникло ощущение, что я высадились на поверхности Луны. Квартал напоминал разрушенный район в Сараево, где матери выбегали из домов под прицелом снайперов, только чтобы купить хлеба своим детям. С каждым метром обстановка становилась все более и более подозрительной. Каждый шаг уводил меня дальше в новый мир, где все наши представления о добре, зле и справедливости превращались в пыль.

Я остановилась неподалеку от робота, как мне велел Гаррисон, и тщательно рассмотрела днище автомобиля на предмет лучей красного света, которые указывают на наличие лазерного детектора движений.

— Я ничего не вижу, — сказала я, а встроенный микрофон передал мои слова. Гаррисон решил, что лучше не давать мне рацию, поскольку бомба может среагировать на радиосигнал.

— Хорошо, — ответил Гаррисон. Его голос звучал так, словно доносился с другой стороны планеты, а не за двести метров отсюда.

Брим сидел, вытянувшись в струнку, и смотрел прямо перед собой, глаза закрыты, а дыхание прерывистое, как у роженицы.

— Мистер Брим, — позвала я его, как можно более спокойным голосом.

Брим резко открыл глаза, словно очнулся от кошмара, затем повернул голову, хотя тело не сдвинулось ни на миллиметр. Под глазами темные круги, кожа бледная, словно жизнь потихоньку утекает из него.

— Я здесь немного постою, чтобы вы не чувствовали себя брошенным. Вы меня помните, я лейтенант Делилло?

Он несколько секунд пристально смотрел на меня, словно пытался ухватить ниточку воспоминания, а потом кивнул. Я подошла к машине и заглянула внутрь. Как Гаррисон и предполагал, к дверям и окошкам были подключены датчики.

— С вами все будет в порядке. Мы вас вытащим.

Брим сверлил меня взглядом, словно спрашивал что-то, а потом посмотрел на свои колени. Мое сердце колотилось где-то в горле.

Страх уступил место ужасу. Я видела именно то, о чем говорил Гаррисон. Причем я не была активным участником, а лишь пассивным наблюдателем, и все равно растерялась. Узы, которые связывали нас всех в единое целое, в человечество, только что были разорваны. Я сделала шаг назад, сдерживая рвотный позыв, а потом отвернулась и заговорила в микрофон, чтобы Брим меня не слышал:

— Руки у него лежат на коленях, и они не просто связаны, а замотаны липкой лентой так, что получился шар, и от него в обе стороны расходятся провода.

Я посмотрела и увидела, как Гаррисон повернулся к Чавесу и покачал головой.

— Ты видишь, к чему они подсоединены? — спросил он.

— Нет, они идут под сиденье.

На другом конце возникла долгая пауза, и я посмотрела на Гаррисона. Он потупился и о чем-то думал. Внезапно волосы на моих руках встали дыбом. Я поняла, что пытается сделать Гаррисон. Он пытается залезть в голову Габриеля. Представляет себе его портрет. Резкие черты лица и темные волосы. Тонкий шрам в форме полумесяца. Светлые глаза, которые, даже будучи нарисованными, смотрят сквозь вас. «Крепость Божья». Идеальный портрет зла. Разберись, какой конец для этого ужасного спектакля задумал Габриель, и ты поймешь, к чему он подключил взрывчатку, привязанную к рукам Брима.

Я видела, как Гаррисон покачал головой, а потом оторвал взгляд от асфальта и повернулся ко мне.

— Думаю, вам нужно убираться оттуда немедленно. Уходите, — велел он.

— Ты думаешь...

— Просто уходите, без разговоров.

— Я должна спросить его о Лэйси.

— Делай, что он говорит, Алекс, — скомандовал Чавес.

Я посмотрела на них еще раз и снова обратилась к Бриму:

— Мистер Брим, наши специалисты думают, как вас вытащить из этой переделки.

Брим взглянул на меня, а потом снова на свои руки.

— Вы знаете, где моя дочь?

Он поднял глаза и покачал головой, попытался что-то сказать, но липкая лента сводила все попытки на нет, и Брим расплакался. Если у него и оставалась какая-то надежда, то она растаяла.

Сзади раздался голос Гаррисона:

— Лейтенант, уходите оттуда. Немедленно.

Брим громко завыл и начал бешено трясти головой.

— Уходи оттуда, Алекс! — заорал Чавес.

Взгляд Брима задержался на мне достаточно долго, чтобы я поняла, что он принял какое-то решение.

— Нет, мы сможем спасти вас, — взмолилась я.

Но Брим покачал головой и застонал. Чавес орал:

— Алекс, убирайся оттуда!

Я сделала шаг назад, потом другой, третий. Вой Брима стал непрерывным. Я повернулась и побежала, но боковым зрением увидела, как Брим поднял шар, примотанный к его рукам. Ударная волна свалила меня на четвереньки, словно шлепок огромной руки. На секунду стало тихо, а потом осколки стекла посыпались на асфальт как снежная пыль. Эхо взрыва громким хлопком нарушило тишину и, отразившись от здания управления, прокатилось по улицам. От ударной волны включились автомобильные сигнализации. Послышался шум вертолета. Едкий запах взрывчатки смешался со сладким ароматом жасмина.

— Почему? — спросила я, не уверенная до конца, произнесла ли я это вслух или про себя. Я начала трясти головой. Нет, это бессмысленно. Зачем Брим так поступил? Я села и попыталась определить, не ранена ли я. Ноги целы, руки целы, голова тоже. Кровь идет изо рта — падая, я прикусила язык.

Ко мне рванули несколько офицеров. Я обернулась и, к своему изумлению, обнаружила, что машина не пострадала. Окна выбиты, с потолка свисает какой-то лоскут, но в остальном все в порядке. Брим по-прежнему сидел на пассажирском кресле, свесив голову на грудь. Кровь обильно вытекала из его носа. Липкая лента отклеилась ото рта и висела как обрывок кожи. Если он и жив, то без сознания.

Я, пошатываясь, поднялась на ноги, подошла к машине и заглянула внутрь. Боже, у Брима не было кистей. Остались только обломки кости, разорванные мускулы и поблескивающие сухожилия.

Я отшатнулась, чьи-то руки поймали меня и, приобняв за плечи, отвели прочь от

машины. Голоса задавали вопросы, но я не понимала ни слова. Я точно знала, что по моему лицу бегут слезы, но ничего не чувствовала. Все те же руки проводили меня по улице, вывели за желтую ленту и усадили на обочину.

— Алекс, ты ранена?

Я подняла голову и увидела лицо Чавеса, который присел на корточки рядом со мной.

— Он сам себя взорвал. Я не понимаю, взял и взорвал.

Я покачала головой, отказываясь верить, и провела рукой по волосам. Крошечные осколки стекла напоминали рисинки, которыми осыпают невесту на выходе из церкви.

Я снова посмотрела на машину. Два офицера в специальном обмундировании извлекли обмякшее тело Брима через окно и неуклюже понесли его к медикам.

— Вот он, террор, — прошептала я.

— Алекс?

— Глаза Брима. Он понял, что это террор. — Я посмотрела на Чавеса. — Он не знал, где Лэйси, но знал, что она похищена. Знал.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь, черт побери, происходит? — раздался сердитый голос.

Это приехал агент Хикс с командой спецов из ФБР и теперь стоял за спиной у Чавеса. В ярком свете фонарей было видно, как у него шея пошла красными пятнами от злости.

— Я же сказал вам подождать, не лезть туда и дать нашим экспертам все разрулить! А вы что сделали? Позволили этой пойти...

— «Эта», между прочим, возглавляет убойный. — Чавес тут же занял оборону.

— Да, и только что взорвала свидетеля, блестящая работа. Да вы хоть понимаете, с кем имеете дело?!

— Он сам себя взорвал, Хикс, — сказал Чавес.

— И какого же, простите за выражение, хрена? Вы можете мне ответить, лейтенант?

Мимо провезли каталку с Бримом, над спасением которого трудились, не покладая рук, двое врачей «скорой помощи». Они вставили ему трубку в горло, чтобы помочь дышать. Обрубки рук были покрыты пропитавшимися кровью повязками. Я почувствовала, как от него пахнет взрывчаткой. Этот запах вьелся в его одежду, словно гниль.

Я мысленно воспроизвела события. Вот он что-то кричит и воет под кляпом. Качает головой. Он что-то знает. Террор. И внезапно я поняла. Наверное, Гаррисон тоже догадался, вот почему он велел мне уносить ноги.

— О господи, — прошептала я.

Чавес взял меня за руку.

— Что такое?

— Думаю, Брим взорвал себя, чтобы спасти других.

— Еще раз и попонятнее, — огрызнулся Хикс.

— Думаю, багажник тоже набит взрывчаткой. И Бриму дали возможность выбора. Габриель дал.

— Какого выбора?

— Потерять руки или угробить других людей, которые попытаются его спасти. Думаю, поэтому он и взорвал себя.

Хикс покачал головой.

— Все, что вам известно, — парень запаниковал, и вам просто повезло, что вы еще живы.

— Нет, в его взгляде я увидела не панику, Хикс. Он принял решение... невообразимое решение.

Гаррисон подошел к Чавесу и сел на корточки.

— Вы в порядке?

Я кивнула.

— Машина набита взрывчаткой под завязку. Заряд в руках Брима вывел из строя все остальные детонаторы. Если бы взорвалось все, то улица бы напоминала разрушенные

районы Багдада.

— Господи, — выдохнул Чавес.

— Так, машина наша, — рывкнул Хикс, доставая мобильник. — Велите своим людям покинуть территорию.

Чавес кивнул, а Хикс ушел, раздавая поручения другим агентам все тем же рывкающим тоном.

Я посмотрела на Гаррисона. Он знал правду о причинах поступка Брима так же хорошо, как если бы стоял возле меня у машины. Весь ужас, который испытал Брим, принимая решение, стоившее ему рук. Он сидел в машине и мысленно рассматривал разные возможности, снова и снова. И когда он проиграл в голове все «а если» и «может быть», то пришел к тому решению, которое с самого начала навязал ему Габриель. Шок накрыл нас и всех, кто понял эту страшную правду, словно взрывная волна, оставляя нас слабыми и сжавшимися в комочек.

— Скажи мне, что ты сможешь его перехитрить, — взмолилась я, глядя на Гаррисона.

«Скорая помощь» с мигалками и сиренами увозила Брима, завывая в ночи, как раненый зверь. Гаррисон посмотрел ей вслед.

— Я не знаю.

— Чушь. — Я разозлилась на себя за слабость. — У него моя дочка. Я не сдамся. Слышишь, не сдамся!

Я взяла Чавеса за руку и рывком встала на ноги.

— Он или уже ошибся или еще ошибется. Нам нужно просто поднапрячь мозги, чтобы заметить эту ошибку.

Я прошла мимо Чавеса и Гаррисона и направилась в машину. Подъехали еще несколько офицеров, но никто из них не понимал всего ужаса, никто из них не видел глаза Брима. Я взглянула на часы. Почти три часа ночи. Звезды, освещавшие ночное небо, исчезли. Ветер принес темные тучи, извещаая о приближении шторма, и теперь они извивались на небе как клубок ядовитых змей.

— Проклятье, — прошептала я себе под нос. Так сказала бы на своем месте Лэйси, и ей бы понравилось, что я произношу это: — Проклятье!

Брим все еще был жив, если пересмотреть свои представления о том, что такое жизнь. Он дышал через трубку и респиратор. В проклятом «хундае» осталось, по крайней мере, шестьдесят процентов его крови. Но мы не узнаем, что еще Брим потерял там, пока он не придет в сознание. Если Бог действительно существует, то Бриму будет дарована длительная передышка от действительности и страшных воспоминаний.

В коридоре отделения скорой помощи сидела жена Брима и озиралась ошарашенными глазами потерявшегося на автовокзале человека. Миниатюрная хорошенькая женщина с короткими темно-русыми волосами, которые она нервно заправляла за уши. Она была одета в тонкий хлопковый свитер, брюки цвета хаки и рыжевато-коричневую рубашку в тон носкам и поясу. Да, это не тот комплект, который надеваешь, собираясь второпях, если только в тебе нет особого гена, позволяющего со вкусом подбирать одежду без всякой задней мысли, которого, очевидно, у меня нет и никогда не было. Жене Брима даже хватило времени наложить помаду соответствующего цвета. Может, так некоторые женщины справляются со стрессом — наряжаются в пух и прах.

Я протянула ей портрет Габриеля.

— Вы когда-нибудь видели этого человека?

Миссис Брим внимательно рассмотрела рисунок и покачала головой.

— Это он взорвал моего мужа?

Я проигнорировала ее вопрос и продолжила:

— Вы знаете, куда он пошел сегодня утром, с кем встречался?

Она снова покачала головой.

— Я уже сказала другим офицерам, что я ничего не знаю. Я все им рассказала. Он был

в нормальном настроении, все было в порядке... Я просто не понимаю.

Я вытащила из кармана фотографию Лэйси и протянула миссис Брим.

— А эту девушку вы видели?

Она смотрела на снимок, не видя его.

— У моего мужа не было любовницы.

По ее голосу мне стало ясно, что ее муж не всегда хранил верность.

— Это не то, что вы...

— Простите. Не знаю, зачем я это сказала.

Она снова посмотрела на снимок, словно до этого толком не рассмотрела. Потом я увидела в ее взгляде огонек узнавания.

— Она конкурсантка?

Я кивнула.

— Ваш муж звонил моей дочери трижды. Вы знаете зачем?

— Он говорил со всеми участницами, поскольку изготавливал букетики, которые девушки должны были прицепить к корсажу во время парада.

— Вы не знаете, ваш муж не состоял в какой-нибудь экологической организации?

Она посмотрела на меня так, словно не расслышала вопрос или не могла поверить, что я смею сейчас спрашивать такое.

— Вы что, считаете, что во взрыве виновна «Сьерра Клуб»?¹⁶ — с сарказмом спросила миссис Брим.

Приехали. Если у Брима и были какие-то секреты, то он ревностно охранял их от жены. Миссис Брим посмотрела в сторону реанимационного отделения.

— Доктора мне ничего не сказали.

Затем она взглянула на синяки от удара дверью, украшавшие мое лицо.

— Вы были там? Вы знаете, что с ним произошло?

Я посмотрела на свои руки и увидела бомбу, завернутую в серебристый скотч, а потом глаза Брима, когда он принял ужасное решение. Я повернулась к миссис Брим. Надеюсь, что она никогда не узнает того, что, к моему глубокому сожалению, знаю я.

— Я не знаю подробностей, простите.

Через несколько минут я вышла из отделения скорой помощи и поднялась на этаж, где мой раненый напарник приходил в себя после взрыва в бунгало. И хотя я отличалась здравомыслием, но всегда полагала, что единственная постоянная величина в моей жизни — это Трэйвер. Но Габриель изменил и это. Раз и все. И теперь мне нужно каким-то образом сообщить Дэйву, что моя девочка похищена. Мне придется признаться, что я не смогла ее защитить, что потерпела неудачу. Я просто не могла этого сделать. Как я посмотрю Дэйву в глаза, когда он услышит ужасную новость. Я потянулась было к кнопке «стоп», но лифт уже доехал до нужного этажа.

Больничные стены были выкрашены в бледно-желтый цвет, из нескольких палат раздавался шум аппаратов искусственной вентиляции легких, которые ритмично качали воздух. С каждым шагом усиливалось ощущение, что я возвращаюсь в прошлое. Я остановилась перед палатой 308, сама того не осознавая. Здесь умер отец Лэйси. Мы с Лэйси ходили по этому коридору каждый день в течение двух недель. Тогда стены были голубыми, но все остальное по-старому: запах хлорки, объявления по системе громкой связи, скрип колес каталок по линолеуму, неестественная тишина в коридорах, которые видели столько разбитых сердец.

Здесь все и началось. Лэйси ускользала от меня с каждым слабеющим вздохом ее отца. Первое невысказанное чувство, первый секрет. Первый шаг к тому, где она оказалась сейчас. Как я могла такое допустить? Ведь это материнский долг — видеть то, что другие не замечают. Но почему же я не увидела?!

¹⁶ Самая крупная экологическая организация в США.

Я остановилась рядом с постом медсестры, и мне сообщили, что сейчас немного поздновато для визитов, но я показала значок и сказала, что я на минуточку.

Я зашла в палату Трэйвера и несколько секунд топталась на входе. На больничной койке он казался меньше. Выглядел более уязвимым. Из его носа торчала трубка. На голову наложена многослойная повязка, начиная с того места, где ему просверлили дырку, чтобы уменьшить внутричерепное давление. Лицо отекавшее и все в синяках. Доктора сказали, что он полностью поправится, но сейчас меня ни в чем нельзя было убедить.

Я подошла к кровати и взялась за стальной поручень. На тумбочке стояла фотография близняшек в одинаковых костюмчиках медвежат панды.

— Сколько времени? — шепотом спросил Трэйвер не своим голосом. Его глаза открылись на пару секунд, посмотрели на меня и снова закрылись. Дэйв пошевелил пальцами, и я взяла его за руку.

— Уже поздно.

Его грудь поднималась под простыней, когда он делал глубокий вдох, а потом выдыхал с громким свистом, как будто ему требовались все силы для того, чтобы выпустить воздух из легких.

— Я слышал, — прошептал он. — Это правда?

— Поправляйся.

Дэйв слабо пожал мою руку, а потом, казалось, уснул. Его дыхание стало ровным и спокойным.

— Лэйси... — прошептал он, и его голос оборвался. Единственная слезинка скатилась из уголка глаза и потекла по искалеченному лицу.

12

Гаррисон был прав насчет телефона, который мы обнаружили в дочкином личном журнале. Адрес в Азусе действительно принадлежал жилому дому — испанскому бунгало, расположенному на улочке, обсаженной высокими пальмами, где на подъездных дорожках были припаркованы автомобили с низкой посадкой. Но что делали этот телефон, принадлежащий адресу в двадцати милях от нашего дома, и непонятная буква Д в ее записях? Если Д означало Дэниель Финли, и дом, возле которого мы притормозили, принадлежал кому-то из его доверенных лиц, то тем самым мы проводим прямую линию между похищением моей дочери и пулей, выпущенной в затылок Финли в его магазине. А если есть связь с убийством, то, значит, и со всеми остальными преступлениями, которые Габриель успел совершить после этого.

Но что, если никакой связи нет? И Д — это всего лишь симпатичный парень, с которым Лэйси познакомилась и только, тогда мы тратим зря драгоценное время, которого нет у моей дочери.

Я открыла окно и вдохнула влажный ночной воздух. В полумиле к северу каньон реки Сан-Габриел отгораживал от нас заповедник Анджелес, который в ведомстве шерифа называли «гетто системы национальных лесных заказников».

Я посмотрела на стаканчик кофе из круглосуточного супермаркета на приборной панели, а потом отщипнула кусочек от куриного сэндвича.

Мы уже два раза позвонили по телефону, но никто не ответил. Внутри было темно, машина рядом с домом отсутствовала.

— Попробуй еще раз, — попросила я.

Гаррисон набрал номер, дождался десять гудков и повесил трубку.

— Что вы хотите предпринять? У нас ведь нет ордера? Телефон в личных записях вашей дочери — еще недостаточная причина для обыска.

— Если только мы не найдем чего-нибудь еще.

— Но в таком случае нельзя будет использовать найденные улики в суде.

— Да и фиг с ним, с судом.

Мы некоторое время сидели молча. Несколько дождевых капель упали на ветровое стекло и скатились к дворникам. Ленты темных облаков уступили место тяжелым свинцовым тучам, сползающим с гор и надвигающимся на Азусу. Еще одна капля стукнула по стеклу, а потом еще одна. Возможно, из-за дождя люди останутся сидеть по домам и не пойдут на парад, подумала я. Господи, даруй нам дождь, ливень, наводнение, грязевой оползень. Господи, сделай так, чтобы нам повезло.

И тут я боковым зрением заметила какое-то движение внутри дома. По крайней мере, мне так показалось. Я потеряла глаза и уставилась на окно. Сказать, что я устала, это не сказать ничего. Должно быть, просто свет уличного фонаря отразился от стекла. Нет, снова что-то мелькнуло.

— Смотри. — Я кивнула в сторону дома.

Гаррисон ничего не видел и покачал головой.

— Последнее окно справа.

Ничего.

— Мне кажется, я видела...

И тут в темном проеме окна загорелся крошечный оранжевый огонек сигареты. Гаррисон несколько секунд рассматривал его, а потом наклонился ко мне:

— А вот это уже интересно.

— Какая тебе в голову придет первая мысль, если посреди ночи зазвонит телефон?

— Что кто-то умер.

Я кивнула.

— Почему же ты не ответишь?

— Потому что не хочу, чтобы кто-то знал, что я дома.

— Потому что ты что-то скрываешь.

— Согласен.

Огонек снова появился в окне, а потом исчез в темноте.

— Думаю, у нас только что появилась причина войти в эту дверь.

Мы обогнули дом и подошли сбоку, с противоположной стороны от окна, где стоял наш курильщик. Входная дверь изготовлена из дуба, так что ее трудновато выбить, поэтому мы медленно двинулись к тыльной стороне здания. На всех окнах были опущены жалюзи. А за ними поблескивало тонкое пламя свечи. Мы дошли до угла и остановились. В нескольких метрах от нас залаяла собака, то ли услышав, то ли учуяв нас, при этом она гроыхала цепью, как диккенсовское привидение.

С задней стороны имелось небольшое крылечко — три ступеньки вели к хлипкой двери с сеткой от насекомых, за которой скрывалась стандартная для подобных домов фанерная дверь. Мы, пригнувшись, миновали окна, поднялись по лестнке и заняли позицию с обеих сторон от двери.

Я взяла в руки свой «глок», и Гаррисон тоже достал оружие. Он нахмурил лоб. Насколько он был крутым, когда смотрел на бомбу, способную разнести его на кусочки, настолько его пугала перспектива столкнуться с живым и дышащим подозреваемым. Я не могла спорить с его логикой. Вламываться в дома, выбивая дверь ногой, это для любителей адреналина, а не сорокачетырехлетних мамаш.

— Я не думаю, что мы будем стучать, — прошептал Гаррисон.

— Ты молодец. Справишься.

Гаррисон нехотя кивнул, словно только что ухватился за выдумку, что он молодец, которая тащилась за ним против его воли.

— Мы не знаем, что там внутри, так что опусти пока пистолет. Ты выбьешь дверь, и я пойду первой.

Я протянула руку и рывком открыла первую дверь. Скрип петель практически мог бы заглушить сирену.

Тут на кухне зажегся свет, и я услышала топот ног. Гаррисон посмотрел на меня с сомнением.

— Давай, — скомандовала я.

Он ударил дверь ногой пониже ручки. Полетели щепки, но замок остался цел. Гаррисон нанес второй удар, и дверной засов поддался. Дверь распахнулась. Я зашла, и тут над моей головой просвистела банка кока-колы, вылетела за дверь и скатилась вниз по ступенькам во двор.

Я завопила: «Ни с места! Полиция!», но неизвестный уже скрылся внутри дома.

— Полиция!

Я услышала топот подозреваемого и звук закрывающейся двери.

От кухни можно было выйти через арочный проем в небольшой коридор, другая арка вела в гостиную, располагавшуюся слева от кухни. В коридоре виднелись три двери. Две с правой стороны, а третья — в конце. Гаррисон прошел мимо меня и встал на входе в гостиную.

Я показала на полоску света, пробивавшуюся из-под двери в конце коридора:

— Иди за мной и следи за дверями справа.

Гаррисон кивнул, и я двинулась по темному коридору, подняв свой «глок» и вцепившись в него так, словно это линия ограничения на краю обрыва. Гаррисон шел следом, держа на мушке двери справа. Я остановилась и резким движением распахнула первую дверь. Это оказалась пустая кладовка. Вторая дверь была прикрыта неплотно и открылась от легкого толчка.

— Ванная, — прошептала я.

В дальнем конце помещения темная занавеска полностью отгораживала от нас ванну. За ней раздался резкий металлический звук. Я подняла пистолет и нацелила его на угол занавески. Гаррисон сделал два шага внутрь, потом медленно протянул руку и рванул занавеску в сторону. Капля воды из душа стукнулась о перевернутое ведро, лежавшее в ванне. Гаррисон с явным облегчением посмотрел на меня.

Я развернулась и наставила пистолет на дверь в конце коридора. Видно было, как мечется чья-то тень внутри комнаты, прерывая полоску света из-под двери. Я махнула головой, и Гаррисон проскользнул мимо меня и занял позицию сбоку от двери.

— Это полиция! Медленно выходите с поднятыми руками!

Рука Гаррисона легла мне на плечо.

— Что это за запах? — прошептал он.

Я несколько раз вдохнула.

— Я не чувствую...

— Дым. — Он посмотрел на дверь. — Этот тип что-то жжет.

Тут в комнате пронзительно запищала противопожарная сигнализация.

— Выбивай дверь, — велела я.

Гаррисон подбежал и выбил дверь одним мощным ударом. Замок сдался, практически не оказав сопротивления, и дверь распахнулась так, словно ее открыл сильный порыв ветра. Я вошла с поднятым оружием. Какой-то человек, съежившись на полу, неистово размахивал журналом, пытаясь разжечь маленький костер в мусорной корзине.

— Подними руки и брось журнал, немедленно!

Журнал выпал из рук подозреваемого, а сам он упал на пол и прикрыл голову руками, напомнив мне о том, как во времена холодной войны школьников обучали, что делать в случае атомного взрыва.

— Руки в стороны!

— Я не вооружен и не оказываю сопротивления, — завопил парень. — Я не вооружен и не оказываю...

— У меня в руках пистолет, нацеленный на твою голову. Ляг лицом вниз, руки и ноги в стороны.

Он снова начал повторять отрепетированное заявление.

— Я не вооружен...

Я приставила пистолет к его затылку.

— Руки и ноги в стороны. Немедленно.

Он кивнул и выполнил мой приказ.

— Я не вооружен и не оказываю...

— Если ты еще раз скажешь это, я тебя пристрелю.

Я прижала парня коленом и сунула пистолет в кобуру, когда Гаррисон занял позицию перед нами, прицелившись в голову подозреваемого.

— Давай сюда правую руку.

Он отвел за спину левую.

— Это левая рука, но пойдет.

Я защелкнула наручник на его запястье, потом взяла его правую руку и защелкнула второй наручник, крепко прижав кисти к спине.

Гаррисон подошел к горящей мусорной корзине, перевернул ее, чтобы перекрыть доступ кислорода, а потом выключил пожарную сигнализацию. Молчание напоминало ощущение, возникающее сразу же после аварии, когда восприятие мира меняется в мгновение ока. Я встала и перевела дыхание. Казалось, я впервые за это время сделала вдох.

Подозреваемый оказался парнем в мешковатой темной одежде. На вид лет двадцать с небольшим. Длинные дреды, которые рассыпались по полу как лапы гигантского паука-альбиноса.

— Посмотрите на это, — сказал Гаррисон.

Он стоял возле двух раскладных столов в углу. Сверху стояли шесть картонных коробок. Гаррисон открыл одну из них и извлек металлический цилиндр.

— Дымовая шашка, мексиканская. Кажется, мы только что соединили очередную точку.

Я открыла другую коробку и достала четырехлитровую пластиковую банку.

— А это как тебе? Посмотри на этикетку.

— Гербицид.

Я повернулась, осмотрелась и прошептала слова, которые сказала мне Лэйси: «Прямые действия».

— Все к оружию, — сказал Гаррисон.

Комната была памятником «зеленому экстремизму». Фотографии спаленных лыжных баз, деревья, в которые экологи вбивали гвозди, чтобы спасти от спиливания, сожженные лесовозы, разоренные студенческие лаборатории, которые работали над генетически измененными злаками. Фальшивые постеры «Их разыскивает...» с эмблемами «Монсанто», «Дюпон» и фотографией министра внутренних дел.¹⁷ В углу притулился выключенный ноутбук.

— Вы ведь не думаете, что ваша дочь как-то задействована в этой группировке, и они никак не связаны с дьявольскими замыслами Габриеля? — спросил Гаррисон.

Я посмотрела на парня, лежащего лицом вниз на полу.

— Ты что, думаешь, что кучка подростков пытается спасти планету, оторвав Бриму руки?

— Нет.

— Вот и я нет.

Мы одновременно повернулись и посмотрели на перевернутую мусорную корзину.

— Что он пытался уничтожить?

— У меня есть права. Если у вас нет ордера на обыск, то вы злоупотребляете своим служебным положением.

У парня был звонкий гнусавый голос с легким акцентом, выдававшим в нем уроженца Вермонта или Массачусетса. Я представила его родителей. Милые люди, лишённые

¹⁷ В 2001 году «Гринпис» назвал компанию «Монсанто» биопиратом за попытку монополизировать рынок сои, против компании «Дюпон» было выдвинуто обвинение в производстве вещества, разрушающего озоновый слой, а министр внутренних дел ведет в США вопросами экологии.

предвзубков, в джинсах и свитерах, которые в один прекрасный день просто утратили общий язык с сыном. Я подошла и села на корточки рядом с ним.

— Ты арестован по подозрению в похищении и попытке убийства. У тебя есть право хранить молчание. У тебя есть право на адвоката.

— Убийство? — слабым голосом повторил парень.

— Ты даже понятия не имеешь, в какие неприятности ты вляпался.

— Нет, это у вас неприятности.

Гаррисон поднял корзину, и ее содержимое вместе с хлопьями пепла вывалилось на пол. Он вытащил из кучи мусора карту и развернул ее на полу.

— Карта Пасадены.

— Козлы, — огрызнулся парень.

Я подошла, чтобы взглянуть на карту. Маршрут парада был обозначен желтым маркером.

— Посмотрите на эти крестики, — сказал Гаррисон.

Вдоль маршрута на расстоянии нескольких кварталов друг от друга были расставлены шесть красных крестиков.

— Так, Лэйси у нас только разогревала публику, — сказала я.

Гаррисон кивнул:

— Дымовые шашки и гербицид.

Палец Гаррисона скользнул наверх. На склоне холмов стояла маленькая красная точка, едва заметная, появившаяся словно по ошибке, когда карту свернули раньше, чем успели высохнуть крестики.

— Это что-то для вас значит?

Я посмотрела на точку, пытаясь как-то привязать ее к делу, и тут холодок пробежал по моему телу.

— Да... — Я секунду смотрела на Гаррисона молча. — Это мой дом.

Я нетвердо поднялась на ноги, сделала несколько глубоких вдохов, сопротивляясь желанию приставить пистолет к голове этого парня и потребовать ответа на вопрос, где моя дочь. И тут я кое-что заметила на противоположной стене. Это была страница из «Таймс», приколотая к стене. Я подошла поближе, пока не увидела ее четко, и у меня кольнуло сердце. Фотография Лэйси, распыливающей гербицид на зрителей. Моя девочка была обведена тем же красным маркером, каким обозначили мой дом.

Гаррисон подошел и встал рядом.

— Переверни-ка его, — велела я.

Я не сводила глаз с дочкиной фотографии, а Гаррисон тем временем схватил парня за руку и перекатил его на спину.

— Ай, — завопил он от боли. — Мои запястья! Ах вы, уроды!

Я приблизилась к нему и села на корточки, а моя рука потянулась к рукоятке пистолета.

— Где моя дочь?

Он с вызовом посмотрел на меня, а потом его губы растянулись в улыбке.

— Что ты лыбишься?

— Мне нужен адвокат.

Я убрала руку с пистолета и положила парню на грудь. Его лоб покрылся испариной.

— Вы не имеете права до меня дотрагиваться!

Я чувствовала, как сердце глухо бьется в его груди, как барабан.

— Ты ведь знаешь, кто такой Брим, да?

В его глазах промелькнуло удивление.

— Ничего я не знаю.

— Конечно, ты знаешь. Ты же умный парень. Наверняка учишься в каком-нибудь частном колледже, изучаешь искусство и экологию.

— Я не буду говорить без адвоката. И подам на вас в суд за оскорбление личности.

— Ах, ты маленький самодовольный ублюдок.

Я схватила его за рубашку, оторвала от пола, а потом бросила на запястья в наручники. Он взвизгнул от боли и от удивления. Да, одно из преимуществ ситуации, когда годишься подозреваемому в матери. Я могу напугать его до смерти малейшим проявлением жестокости. И тут я поняла, что уже видела этого типа раньше.

— Да я же тебя знаю.

Он покачал головой.

— Во время конкурса. Ты вскочил с места и шлепнулся прямо к моим ногам, а потом посмотрел мне в лицо.

Он снова покачал головой.

— Ты должен был участвовать в том, что сделала Лэйси, но перепугался и сбежал из зала.

— Нет...

— А я думаю, да. Ты бросил Лэйси одну, потому что у самого кишка тонка.

— Мне нужен адвокат.

— А пистолет к затылку Дэниела Финли ты приставил? Тут кишка не тонка оказалась?

Его глаза расширились от удивления.

— Тебя будут судить не только за похищение, но за убийство, — давила я на парня.

— Нет, мы не причиняем вреда людям!

— Кто это «мы»?

— Я не буду говорить.

— А ты знаешь Габриеля?

В его глазах ничего не промелькнуло. Или парень быстро научился хорошо врать, или это имя действительно новое для него.

— А Брима, партнера Финли?

Тот же результат.

— Пару часов назад Габриель привязал взрывчатку к рукам Брима. Бедняга несколько часов просидел, запертый в машине, глядя на бомбу и медленно сходя с ума, пока не начал кричать от ужаса и не взорвал сам себя. Весь салон был усеян обрывками крови, обломками костей и перепачкан кровью. Кусок собственного ногтя вонзился ему в щеку. На месте рук остались только торчащие кости, а кровь била фонтаном, как из поливочного шланга.

Пока я говорила, сердце под моей ладонью забилось сильнее и быстрее. Пот стекал по лицу.

— Габриель террорист. Он не пытается спасти планету. Он собирается убивать. Подложить настоящую бомбу, а не какую-то там дымовую шашку, где-то по пути следования парада и подорвать ее. Вдоль бульвара Колорадо маленьких деток разнесет на клочки прямо в руках их родителей. Да и родителей тоже. Это так вы хотите спасти планету? Убивая детишек?

— Мы не причиняем вреда людям!

— Ты можешь помочь мне остановить этот кошмар. Пока не поздно.

Он покачал головой.

— Как тебя зовут?

Я почувствовала, как теряю над собой контроль. Все, что мне нужно, это его имя, а остальное приложится. Я взглянула на Гаррисона и покачала головой.

— Да и черт с ним, лейтенант. Он террорист, — громко сказал Гаррисон, чтобы произвести нужный эффект.

Я посмотрела на парня:

— Ты ведь не террорист, да и не убийца, правда?

Я встала и отошла в другой конец комнаты.

— Что вы хотите сделать? — шепотом спросил Гаррисон.

— Черт, он знает, где моя дочь, или знает того, кто знает.

Он должен заговорить. Так или иначе, но должен. И он отсюда не уйдет, пока не расколется.

— Если я попрошу тебя выйти из комнаты, не спорь... — сказала я Гаррисону.
В его взгляде мелькнула тревога.
— Лейтенант...
— Мне плевать, чего мне это будет стоить, но я выясню, что он знает про Лэйси. Ты понимаешь?
Гаррисон несколько секунд смотрел на меня, а потом кивнул.
— Эрик Хэнсон, — сказал парень.
Почти прошептал, но мне показалось, что он прокричал свое имя с крыши.
— Ты ведь не убийца, Эрик?
Он отвернулся и уставился на стену.
— Тогда ты должен помочь мне остановить террориста, а не то пойдешь как соучастник.
— А вы не обманываете? — Он сказал это тоном тринадцатилетнего ребенка.
Я покачала головой.
— Я не лгу, это правда.
— Мы не причиняем людям вреда.
— Зато Габриель причиняет.
— Я не знаю никакого Габриеля.
Я вытащила ксерокопию портрета и протянула ему.
— А ты когда-нибудь видел этого человека?
Он нахмурился, а потом покачал головой.
— Никогда.
— А ты знаешь, кто я? Знаешь, что я мать Лэйси?
Эрик кивнул.
— Где моя дочь?
Казалось, что он ищет внутри себя какую-то причину, чтобы уцепиться за нее.
— Я не знаю...
— Чего ты не знаешь?
— Мы работаем в ячейках.
— Лэйси была в твоей?
Он снова затряс головой.
— Мне нужен адвокат.
— Адвокат не сможет остановить Габриеля, а ты сможешь. Но зато адвокат и не будет помогать преступнику, взрывающему детишек на Колорадо. А ты сейчас соучастник этого кошмара.
— Предполагалось, что никто не пострадает.
— Уже пострадали, даже убиты.
— Это не мы, не мы.
Я видела по глазам, что парень на грани истерики. Я посмотрела на Гаррисона и кивнула, чтобы он помог Эрику подняться. Мы усадили его на стул, и я села на корточки перед ним. Теперь, когда Эрик сидел, то напряженность стерлась с его лица, и он выглядел моложе. На шее прыщик. Зеленые глаза по-юношески чисты, и эта чистота отчаянно пыталась ухватиться за недавнее невинное прошлое.
— Лэйси состояла в твоей ячейке?
Он опустил глаза и кивнул.
— Кто ее завербовал?
Он вздохнул.
— Мне нравилась Лэйси, она...
— Кто ее завербовал? — повторила я.
Он замаялся, снова цепляясь за недоверие как за спасительную соломинку.
— Эрик, — мягко сказала я. — Речь идет о жизни моей дочери.
Он прикрыл глаза, словно это могло рассеять наваждение.

— Я. Увидел ее в кафе. Я следовал инструкциям Дэниела.

— Финли? Дэниела Финли?

Эрик грустно кивнул.

— Мне сказали, что его убили во время ограбления.

— Кто сказал?

— Его партнер, Брим. Остальных я не знаю. Мы не пользовались именами, только первыми буквами.

— Эрик, это не было ограблением. Дэниела убили потому, что он знал, кто такой Габриель. Это Габриель приставил пистолет к его затылку и нажал курок, словно это и не человек вовсе, а бык на скотобойне. Пуля разорвалась у Дэниела в голове, и он умер мгновенно.

Эрик покачал головой и прошептал:

— Боже.

— Зачем похитили Лэйси?

Эрик стал похож на маленького ребенка в торговом центре.

— Зачем?

— Ради выкупа.

— Но почему Лэйси?

— Финли сказал, что после того, что она устроила на конкурсе, все будет выглядеть так, словно ее похитили наши противники. Никто не пострадает, похищение организовано лишь для сбора средств. А если бы вы не заплатили, мы бы все равно ее освободили.

Мне не хотелось задавать следующий вопрос, но придется. Намного неприятнее, когда его задаст кто-то другой.

— Лэйси участвовала в организации похищения? Она о нем знала?

Он повесил голову и не ответил. Я взяла Эрика за подбородок и заглянула ему в глаза.

— Знала?

Эрик помолчал, а потом покачал головой.

— Нет. Я хотел рассказать ей, но... это противоречило плану. Брим позвонил ей в ночь конкурса и договорился где-то встретиться на следующий день. Оттуда ее и забрали.

— А ты знаешь, где она? Где ее держат?

Он покачал головой.

— Нет, только адрес электронной почты.

— Если ты утаиваешь что-то от меня...

— Нет, я клянусь.

— Кто еще входил в твою ячейку?

— Только Финли и Лэйси.

— А сколько остальных?

— Не знаю. Именно в этом вся суть. Только Брим и Финли всех знали.

— Тебе знакомо имя Суини? Он работал в магазине у Финли и Брима.

Он покачал головой.

— А чем занималась ваша ячейка?

— Я отвечал за дымовые шашки и гербицид.

— А где вы его раздобыли?

— Финли откуда-то взял. Не знаю где.

— А как ты должен был передать дымовые шашки и гербицид остальным?

— Мне должны были передать адрес по электронной почте.

— Ты его получил?

— Нет.

— А ты знаешь адрес, с которого тебе должны были прийти инструкции?

— Ага.

Я встала и утащила Гаррисона в дальний угол.

— Мы можем пробить улицу по электронному адресу?

— Да, через провайдера. Но для этого нужно постановление суда.

— Нет времени.

— Хикс и его ребята могли бы это сделать.

Я представила, как спецназ ФБР штурмует дом, где находится моя дочь. Не слишком хорошая идея. Обычно в этой мясорубке убивали тех, кого не должны были убивать.

— Мы могли бы отправить сообщение с компьютера Эрика.

Гаррисон кивнул и закончил мысль.

— Эрик скажет им, что за его домом наблюдают копы и ему надо перевезти дымовые шашки и гербицид к ним.

— Стоит попробовать.

— Я думаю, что-то не так, — сказал Эрик.

Мы обернулись.

— Что ты имеешь в виду?

— Я отправил им пять писем за последние пять часов, но они не ответили.

Я подошла и села на корточки перед ним, положив руки ему на колени.

— А такого не должно было быть?

Он покачал головой.

— Нет, там все время кто-то должен быть на дежурстве.

— Ты не знаешь случайно, а Брим в этом месте тоже был?

— Ну, он руководил всей нашей группой, так что вполне возможно.

— А когда ты отправил последнее письмо?

— Около часа назад.

Я почувствовала, как сердце стало биться быстрее. Ситуация начинала напоминать кошмар, когда вы пытаетесь выбраться откуда-то, но все двери, которые вы открываете, ведут не туда.

— Если Брим был на этой явочной квартире как раз перед тем, как его посадили в заминированный автомобиль, то, возможно, и Габриель тоже там был. Эрик, если Габриель узнал этот адрес, то все в большой опасности. Ты понимаешь?

Он кивнул.

— Но вы же наверняка договорились об условном сигнале на случай, если ситуация выйдет из-под контроля, да?

Эрик замялся.

— Габриель — убийца. Он никому не позволит встать у себя на пути. Все твои друзья в опасности.

— «Все пропало» — вот условный сигнал.

— А какой адрес электронной почты?

Эрик посмотрел на меня. Я видела по глазам, что часть его все еще держится за созданный им образ воина под зеленым флагом. Имя, звание и членский номер «Сьерра Клуб». Все остальное автоматически переводит тебя в ряды предателей. И тогда ты ничем не будешь отличаться от директора захудалой нефтяной компании, насилующей нашу несчастную планету.

Его взгляд застыл на мне, и я видела, как он впирается ногтями в остатки своего разрушавшегося мирка.

— А что, если вы меня обманываете?

— Возможно, твои друзья и моя дочь уже мертвы, но если нет, то спасти их может только это письмо.

Эрик опустил глаза и уставился на свои колени, а потом вся его решительность вышла в долгом усталом вздохе.

— Мне нужен пароль и адрес электронной почты, на который ты должен отправить условный сигнал.

Он посидел молча, а потом слова посыпались из его рта. Он говорил монотонным голосом, как свидетель, перечисляющий имена перед комитетом сената.

— Zlnplnt.

— Сокращенно от «зеленая планета», — сказал Гаррисон.

Эрик кивнул.

Гаррисон сел за ноутбук и начал загрузку. Модем издавал фантастические звуки, подключаясь к Интернету. Искусственный голос произнес «добро пожаловать», и в этом обращении звучала угроза.

— А адрес?

— Sohranimplanetu@znet.com.

Зеленая планета. Сохраним планету. Господи. Звучит так, словно детишки играют в шпионов. Их связь с реальным преступлением кажется невообразимой. А с моей девочкой — просто ужасной. Господи, как ситуация могла настолько выйти из-под контроля? Как вообще Габриель смог затесаться в ряды «зеленых»? Что вообще порождает таких людей? Как мы можем залезть в его голову, если его идеи абсолютно чужды нам и кажутся дикими?

Гаррисон ввел адрес, а потом напечатал сообщение «Все пропало».

Я посмотрела на Эрика.

— Еще что-то?

Он покачал головой:

— Нет, только это.

— А как они должны ответить?

Он пожал плечами:

— Я не знаю...

Я кивнула Гаррисону, и он нажал на кнопку «отправить».

— Если они не ответят...

Вопрос так и остался висеть в воздухе, словно Гаррисону не хотелось его заканчивать. Я молча уставилась на экран, пытаясь силой мысли вызвать ответное сообщение. То же ощущение, что и в первый раз, когда Лэйси вернулась домой намного позже условленного времени. Я сидела на диване до трех часов ночи, смотрела в окно и ждала, когда же свет ее фар покажется на дорожке. С каждой минутой я придумывала все новые и новые душераздирающие сценарии, истории о потере невинности. Когда Лэйси вернулась в начале четвертого, то вместо того, чтобы сказать ей, что я ее люблю и боялась, что потеряла ее, я сообщила, что слишком часто сталкиваюсь со всякими ужасами, и посадила ее под домашний арест. Блестящий воспитательный прием. Я просто оттолкнула своего ребенка.

Я посмотрела на часы и начала считать минуты так же, как считала их тогда ночью, когда ждала возвращения Лэйси. Прошло четыре минуты, пять, шесть... семь... десять.

— Как долго... — начал было Гаррисон и осекся. — Не обращайтесь внимания.

Я отвернулась от компьютера и огляделась. Эрик, сгорбившись, сидел на стуле, повесив голову и потупив взгляд. Он выглядел как старшеклассник, который не может поверить, что только что проиграл в финале соревнований.

Я взяла складной стул и села напротив него.

— Расскажи мне о Лэйси.

Он посмотрел на меня то ли с недоверием, то ли с удивлением.

— Что вы имеете в виду?

Это униительно спрашивать парня, участвовавшего в похищении моей дочки, что она была за человек, но гордость меня сейчас волновала меньше всего. Мне хотелось знать, что ей нравилось, чего она боялась, что ненавидела, о чем она мечтала. Хотелось узнать все, что я и так должна была знать, но не знала, потому что перестала обращать внимание на жизнь дочки. Да, мне хотелось понять, что за человек моя Лэйси.

— Зачем она это сделала? — спросила я.

На губах Эрика заиграла легкая улыбка.

— Ах, вы об этом... Типа как могла моя доченька сделать что-то настолько... хм, правильное?

Он посмотрел на меня и, не веря своим ушам, покачал головой.

— Господи, как вы можете быть такими тупыми? Неужели вы думаете, что мы делаем то, что делаем, потому что обожаем мир, который вы создали?

Правильно. Задай глупый вопрос двадцатилетнему парню, считающему свою веру единственно праведной, и услышишь правду.

— Да, возможно, я и обманула надежды своей дочери, но зато ты ее предал.

Он посмотрел на меня с вызовом, как в тот момент, когда мы защелкнули на его запястьях наручники.

— Я сделал это, потому что во что-то верил. А у вас какое оправдание?

Я встала.

— Любовь. Слепая любовь — мое оправдание.

Я подошла к Гаррисону, который сидел перед компьютером с закрытыми глазами.

— Возможно, придется отменить парад.

Он открыл глаза, словно очнулся от глубокого сна, и посмотрел на меня через плечо.

— А вы сможете?

— Сомневаюсь. Да, посыл изначально неправильный. Первый признак неприятностей — отказ от многолетней традиции.

— Не говоря уже о миллионах долларов, которые зарабатывает на трансляции телевидение.

— Да, это одна из самых значимых американских традиций.

Казалось, глаза Гаррисона ухватили за хвостик какую-то мысль, витавшую в воздухе.

— А какой участок будет транслировать телевидение?

Я задумалась.

— Первые несколько кварталов.

Вот и ответ. Или, по крайней мере, ответ, который внушает надежду.

— Тогда можно забыть об остальном. Он хочет свое шоу вживую и в цвете.

Гаррисон кивнул.

— Но ты можешь поклясться жизнью своих близких, что именно так все и будет? — спросила я.

— Нет, если он и сам собирается умереть.

— Значит, мы найдем его до начала парада.

— Да, это единственный способ разрешить все сомнения.

И тут компьютер пискнул несколько раз, извещая о том, что получено новое сообщение.

— Кто-то жив, — обрадовался Гаррисон.

В сообщении говорилось: «Насколько пропало?».

Гаррисон вопросительно посмотрел на меня, а я подошла к Эрику.

— Вы оговорили еще какие-то условные сигналы?

Он начал трясти головой, а глаза зло заблестели:

— Вы сказали, что там все мертвы. А они живы. Вы, сволочи, обманули меня.

— Если хочешь, чтобы они не умерли, отвечай на мой вопрос.

— Я больше не буду вам помогать. Идите на фиг!

Я вернулась к Гаррисону.

— Нам нужна какая-то причина, чтобы они сказали нам, где они, — размышлял он.

Я посмотрела на дымовые шашки и емкости с гербицидом, которые Эрик с друзьями планировал использовать, чтобы сорвать парад.

— Напиши: «Просто кранты. Нужно перевезти шашки и гербицид к вам или забыть про парад».

Гаррисон отправил сообщение. Мы подождали тридцать секунд, потом минуту.

— Они обсуждают, что делать, — сказала я.

Прошла еще одна минута, но ответа не последовало.

— Не думаю, что они купятся, — заметил Гаррисон.

— Фигня, вы думаете, что мы кретины? — прошипел Эрик.

Пальцы Гаррисона дрожали над клавиатурой, словно ему не терпелось что-то напечатать.

— Что вы хотите сделать, лейтенант?

— Подтолкнуть их в нужном направлении.

Гаррисон посмотрел на клавиатуру, а потом на Эрика, словно мы вытаскивали мысли у него из заднего кармана. Пальцы Гаррисона напечатали воображаемый ответ в воздухе, а потом остановились, опустили на клавиатуру, и он сочинил новое сообщение: «Блин, мне нужно делать ноги, вы что там, вообще очумели? Куда везти всю эту хрень? Давайте адрес».

— Посылай.

Он нажал на кнопку «отправить», и мы стали ждать ответа.

— Не сработает, — злорадствовал Эрик.

Письма не было.

— Ну, я не знаю, — пожал плечами Гаррисон. — Хотите отправить еще одно сообщение?

Я покачала головой.

— Они или купятся на это или вообще не купятся.

Гаррисон пошарил в кармане рубашки, словно нащупывая пачку сигарет.

— Ты давно бросил?

— Четыре года.

— У меня ушло одиннадцать лет, прежде чем я перестала шарить по карманам в поисках сигарет.

И тут компьютер снова запищал, и мы прильнули к экрану, как будто ждали объявления о выигрышных номерах в лотерею.

«Проследи, чтобы за тобой не было хвоста, и вези все...»

— А вот и адресок, — потирал руки Гаррисон.

Я молила Бога, чтобы это оказалось в Пасадене, иначе придется ставить в известность другие полицейские управления, а это значит, что я не смогу контролировать ситуацию.

— Монте, дом 1472, Пасадена, — сказал Гаррисон. — Мне кажется, я знаю, где это.

Он подошел к карте, развернутой на полу, и нашел нужный нам адрес.

— К северу от 210-й автострады, напротив парка.

— Сволочи, — прошептал Эрик.

Я пошла к двери, вытаскивая мобильник и набирая Чавеса. Он сразу же взял трубку, словно ждал моего звонка.

— Возможно, мы нашли Лэйси. Адрес в Пасадене. Группе захвата приготовиться, но не вторгаться без моего сигнала. Я не думаю, что Лэйси причинят вред.

Я вышла на улицу, освещенную тусклым светом. Вот-вот взойдет солнце. Моросил мелкий дождь. Во влажном воздухе повис сладковатый аромат грейпфрутовых деревьев.

— Брим и Финли руководили группой «зеленых», которые, собственно, и похитили Лэйси. И раз она связана с ними, то значит, и можно провести линию и от нее к Габриелю.

Слишком долгая пауза на другом конце провода.

— Что случилось, шеф?

— Брим умер десять минут назад. Он потерял слишком много крови.

Я отвела трубку от уха и сделала глубокий вдох. На секунду передо мной снова возникли глаза Брима. В них застыл вопрос, ужасный и в то же время простой: «Почему? Почему это происходит со мной?» Этот же вопрос волновал и меня.

— Но какая связь между кучкой идеалистов и таким чудовищем, как Габриель? — спросила я Чавеса.

— Возможно, он просто использовал Брима и Финли для контрабанды взрывчатки и все.

— Не знаю, не знаю.

— Алекс, нам не нужно его понимать, нам нужно только остановить его.

Я не была уверена, что Чавес прав. Понять Габриеля — возможно, наш единственный

шанс. Но нет никаких зацепок. Он как книга с пустыми страницами.

Гаррисон вышел и вытащил Эрика.

— Брим умер, — сказала я Гаррисону, а потом посмотрела на Эрика. — Умер от кровопотери.

Эрик открыл рот, словно утратил дар речи, а потом уставился себе под ноги, как будто ему стало стыдно за себя. Гаррисон пошел к машине, а я вернулась к разговору с Чавесом.

— Возможно, Лэйси находится к северу от 210-й автострады, Монте, 1472.

— Мы окружим дом.

— А еще нужно опечатать дом в Азусе.

— Об этом я позабочусь, — сказал Чавес, потом начал говорить что-то еще, но осекся.

— Что случилось?

— Агент Хикс винит нас в смерти Брима. Он хочет отстранить тебя.

— А ты что ему ответил?

— Послал на три буквы.

Мой мексиканский крестный отец. Я стала лепетать благодарности, но слова застряли в горле.

— Забудь, — сказал Чавес. — Он, конечно, может забрать у нас дело другими методами, но пока что мы будем делать по-своему.

Я повесила трубку и пошла за Гаррисоном. Дождь усилился и смыл запах грейпфрутов. Верхушки пальм раскачивались на ветру, словно на пружинах. Дыхание превращалось в белые облачка. Я посмотрела в сторону Пасадены. Долину когда-то населяли испанцы, а горы были местом золотых приисков и убежищем медведей гризли. Я смотрела на современный пейзаж расползшегося города и не узнавала его, словно пролистала календарь назад на полтора столетия. Все изменилось, буквально все.

13

Домик на Монте — оштукатуренное здание в конце улицы с отдельным гаражом. Окна с решетками, а входная и задняя двери — металлические. Справа от дома пустующее место под парковку. На крайнем левом окне, выходящем на улицу, красовалась вывеска «Не работает». Отличное место, чтобы прятаться.

К тому времени, как мы доехали из Азусы, Чавес уже вызвал группу захвата, которая расположилась в квартале от объекта. Офицер спецназа, одетый бомжом, наблюдал за домом из парка напротив. Второй наблюдательный пост разместился на втором этаже соседнего дома.

— Внутри тихо. Ни света, ничего, — сообщил Чавес.

Я посмотрела на восток. Первые лучи солнца освещали вершины гор, но из-за низких облаков и дождя свет пробивался медленно. На часах половина шестого утра.

— Минут через сорок пять совсем рассветет, — сказала я. — Они ждут, чтобы кто-то подъехал на машине и подошел к входной двери. Думаю, именно это нам и стоит сделать.

Командир спецназовцев по фамилии Питерс кивнул.

— Как только вам откроют входную дверь, мы выйдем заднюю.

Он был в черном обмундировании, бронежилете, шлеме и с пистолетом-пулеметом в руках и походил на ожившего героя видеоигр. Большинство его ребят бывшие военные. Думаю, ради развлечения они вводили пятьдесят кубиков адреналина прямо в сердечную мышцу. Но вот что они делали для возбуждения, я даже представить себе не могла.

— Нет причин подозревать, что кто-то внутри вооружен, — сказала я.

— Если только там нет Габриеля, — заметил Чавес.

— Если Габриель там, то допустил промах, а пока что он ни разу не ошибался.

— Есть еще одна возможность, — пробормотал Гаррисон.

Мы хором повернулись к нему.

— Возможно, он был там и ушел...

Гаррисон не закончил свою мысль. Все мы могли и сами дорисовать картинку — результат один. Если Габриель был там, что он оставил после себя? Я повернулась к Чавесу.

— Через какое время после нашего результата сюда приехали ребята?

— Первая группа через пять минут, — ответил Чавес.

Я посмотрела на дом, откуда мы получили сообщение по электронной почте, и отмотала события назад.

— А я получила письмо за две минуты до нашего разговора.

Я посмотрела на Гаррисона.

— Значит, у него было шесть или семь минут, чтобы уйти.

— Если у Габриеля была с собой уже готовая бомба, то он мог установить ее за минуту.

От него можно ожидать чего угодно.

Я посмотрела туда, где ждала группа захвата, а потом снова взглянула на дом. Капли дождя с громким стуком падали на шлем спецназовца и отскакивали словно картечь.

— Мне нужен бронежилет и дождевик с капюшоном.

Чавес покачал головой.

— Если кто-то отзовется, то идите к задней двери, — обратилась я к Питерсу. — Если нет, я пойду туда одна.

— Они увидят вас в лицо, и тогда все пропало, — возразил Питерс.

— Тусклое освещение плюс капюшон дадут возможность войти в заднюю дверь, у меня будет достаточно времени, пока меня не раскусят.

— Я не хочу, чтобы ты туда заходила, — сказал Чавес.

— Если дом заминирован и внутри Лэйси, только я могу взять на себя всю ответственность. Это мой долг.

Чавес снова бросил взгляд в сторону дома и покачал головой:

— Дайте ей бронежилет и плащ.

Питерс неодобрительно закатил глаза и жестом велел другому офицеру выполнять распоряжение Чавеса.

— Если никто не отзовется, то первым должен войти я, — сказал Гаррисон.

— Нет.

— Он прав, — согласился Чавес.

Я начала было качать головой, но Чавес отрезал:

— Ты бомбу от буrito не отличишь, а Гаррисон отличит. Тема закрыта.

Офицер спецназа принес бронежилет и дождевик, я натянула тяжеленный жилет на себя и прикрыла его плащом.

— Если никто не откроет, то не дотрагивайся до двери, пока не подойдет Гаррисон, — велел мне Чавес.

Я кивнула, но мысленно уже взбегала по ступенькам.

— Если дверь откроют, то сразу хватайте того, кто открыл, — сказал Питерс. — Если не сможете, то мы уже будем наготове у задней двери, не нужно все брать на себя.

Я вытащила из бумажника фотографию Лэйси и протянула ее Питерсу:

— Убедитесь, что все ваши бойцы знают, как выглядит Лэйси.

Он взял снимок и кивнул:

— У меня тоже есть дочь, лейтенант. Мы позаботимся о вашей девочке.

Питерс сунул фото в карман, а потом взглянул на Чавеса:

— Мне нужно пять минут, чтобы занять боевую позицию.

Он повернулся и направился к своим бойцам в лучах тусклого света. Я подошла к своему «вольво», взглянула на часы и тут услышала позади себя шаги Чавеса.

— Не забудь. Если никто не отзовется, то ты ждешь Гаррисона, — сказал он.

Я кивнула и снова посмотрела на угол улицы. В лужицах плавали пятна бензина, поблескивая в свете фонарей. Звук дождевых капель, падающих на пальмовые листья и кусты, заглушали треск раций. В этой картине сквозило странное спокойствие, в такое утро приятно подольше поваляться в теплой постельке под одеялом.

— Припаркуйтесь справа от здания. Тогда у нас будет время посмотреть, все ли нормально, пока ты подходишь к двери.

Я взглянула на Гаррисона, который натягивал жилет и собирал необходимое оборудование. Чавес взял меня за руку и с тревогой пожал ее.

— Алекс, ты думаешь, Лэйси внутри?

Холодная капля упала мне на лоб и скатилась по щеке.

— Но кто-то же ответил на наше сообщение, значит, внутри кто-то был.

— Но кто?

— Это мы и собираемся выяснить.

Я подошла к машине со стороны сиденья водителя и открыла дверцу. Тут я заметила «скорую помощь», подъехавшую и остановившуюся чуть позади группы захвата. Чавес посмотрел в ту же сторону, но сразу же отвернулся, словно не желая признавать присутствие медиков.

— Ты поняла...

— Да, я все поняла и запомнила, Эд. — Я названа его по имени в надежде, что это его убедит.

— Если что-то пойдет не так, уходи оттуда.

— У Габриеля уже был шанс убить меня, но он им не воспользовался. Думаю, у него имелись свои причины.

— Возможно, тебе просто чертовски везло.

— Слово «везение» не подходит для описания последних двадцати четырех часов моей жизни.

Гаррисон подошел к нам со специальным оборудованием. Взгляд новоиспеченного детектива убийного отдела исчез, уступив место такой пронзительной чистоте, что он мог бы заморозить взглядом стакан воды.

— В звонок не звоните... Стучите.

Он прицепил к моему поясу миниатюрную рацию, а затем надел мне на ухо крошечный наушник и прикрепил к воротнику микрофон. Когда его пальцы коснулись моего уха, наши глаза на секунду встретились. Это был поразительно интимный взгляд, каким могли бы обменяться в общественном месте тайные любовники.

— Я буду на другом конце. Это открытая линия, так что я услышу все, что вы говорите.

Он несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом отошел, а я села в машину и завела мотор. Чавес поднял рацию к губам.

— Начали.

Я отпустила сцепление и отъехала от группы захвата. Глядя через мокрое ветровое стекло, я почувствовала, что погружаюсь в совершенно новую реальность, где все старые правила больше не применимы. Не было больше понятий «верх» и «низ», только чьи-то догадки. Проехав полпути, я включила дворники и повернула на Монте. Свет фар скользнул по парку и выхватил из полутьмы притаившегося за деревом спецназовца, одетого бомжом. В центре проезжей части сидела ворона и разрывала остатки бумажного пакета из Макдоналдса — словно раздавленное животное, чтобы добраться до промокшего «биг мака».

Впереди показался дом, рядом — парковка. Он оказался меньше, чем я рисовала в своем воображении. Более потрепанный. Но даже когда он был новым, то выглядел дешевой. Думаю, сильный дождь мог бы смыть это ветхое строение, досочку за досочкой. Но ведь такое в Южной Калифорнии встречается на каждом шагу. Нет ничего постоянного. Небольшой дождик, легкое землетрясение, и даже просто чья-то страшная идея может изменить все.

Я притормозила и припарковалась, выключила фары и заглушила мотор. Капли дождя скапливались на ветровом стекле маленькими островками и сбегали вниз тонкими струйками.

— Я выхожу, — сказала я в микрофон.

— Хорошо, Алекс, — раздался голос Чавеса. — Не беги. За раз делай один шаг.

Я натянула капюшон, вышла из машины и направилась к входной двери. С близкого расстояния дом с окнами на решетках казался совершенно неживым, словно его бросили во время чумы. Темные окна напоминали черные глаза хищника в ожидании малейшей слабости или нерешительности жертвы. Высохшие розы усеивали площадку перед лестницей, словно забракованные зверем кости.

— Все нормально? — раздался в ухе шепот Гаррисона.

Так мог бы шептать любовник.

— Да, все хорошо, — ответила я, прибегнув точно к той же лжи, которой успокоила своего мужа, когда мы в последний раз занимались с ним сексом перед разрывом.

Моя рука скользнула к бедру и остановилась на пистолете под плащом. Так спокойнее. Я подошла к входу, но внешняя дверь оказалась открытой, словно приглашение пройти внутрь.

— Металлическая дверь приоткрыта, — сообщила я.

— Мне это не нравится, — отозвался Гаррисон.

Я осторожно открыла первую дверь, чтобы постучать во вторую, деревянную. Но стоило мне стукнуть разок, как она тоже отворилась. Внутри было темно и ничего не видно. Под ногами, рядом с порогом, скопилась лужа темной вязкой жидкости, которую ни с чем не спутаешь.

— Не двигаться! — тут же заорала я. — Никому не двигаться.

Я выхватила пистолет и прицелилась в пустую темноту перед собой.

— Лэйси! Лэйси, слышишь меня?

Но ответом была тишина, даже эха не последовало. Казалось, темнота внутри засасывает всё, даже звуки. Я посмотрела под ноги. От лужи крови шел маленький ручеек, исчезая под дверью в темноте.

— Лэйси! — еще раз крикнула я.

Я слышала шум мотора. Это Чавес и Гаррисон пулей вылетели из-за угла. Я вытащила фонарик и осветила себе дорогу, следуя за ручейком крови, исчезнувшим под следующей дверью.

— Не заходите, — взмолился Гаррисон.

Слишком поздно. Я уже сделала три шага по направлению к двери, за которой скрывался источник крови. На расстоянии примерно трех метров от входа лежала теннисная туфля. Я встала как вкопанная. Свет фонарика осветил ярко-желтый шнурок. Это была туфля моей дочери.

— Лэйси! — заорала я не своим голосом.

Я поводила фонариком, освещая комнату.

Какая-то потрепанная мебель, диван, стул с мягким сиденьем, кофейный столик и маленький телевизор. Больше в комнате не было ничего. И никого. Я направила фонарик на дверь, из-под которой вытекал темно-красный ручеек. Вокруг меня сомкнулась темнота, словно я погрузилась в воду. Мне не хватало воздуха. Внутренний голос не переставал повторять: «Нет, нет, нет». Я смотрела на дочкину туфлю, и рука с фонариком начала подрагивать.

И тот же голос сказал: «Нет, это неправда. Неправда».

Злость, какой я никогда не испытывала раньше, затопила каждую клетку моего тела, и я решительно пошла к двери. Такое чувство, что я смотрю за своими действиями со стороны, наблюдаю за разъяренной самкой гризли. Казалось, я вошла в туннель, который вел меня к двери и тому, что за ней скрывалось.

— Стойте, лейтенант.

Я сделала еще пару шагов и потянулась к ручке.

— Прошу вас, лейтенант! — закричал Гаррисон.

Я притормозила. Мне показалось, что я что-то слышала, но тут же продолжила скользить внутри туннеля к двери.

— Это ей не поможет, — спокойно сказал Гаррисон откуда-то сзади.

Я остановилась. Биение моего сердца было единственным звуком, нарушавшим тишину в комнате. Стенки туннеля разверзлись. Я посмотрела на свою руку, замершую в нескольких сантиметрах от ручки, хотя я и не помнила, как, собственно, здесь очутилась. Я повернулась и посмотрела на Гаррисона, стоявшего в дверном проеме.

— Это туфля Лэйси.

Моя рука как будто сама по себе потянулась к ручке.

— Лейтенант.

— Эта туфля моей дочери! — заорала я.

— Все равно так нельзя.

— Да мне плевать!

Я отвернулась от него, взялась за ручку и распахнула дверь. Меня обдало волной — словно воздух пытался убежать из этой комнаты и от того, что она в себе таила. Подняв пистолет и фонарик, я пошла вдоль кровавого ручья в темноту, в центр комнаты, где лежало тело.

Гаррисон двинулся за мной, крепко сжимая пистолет в одной руке и фонарик — в другой.

Труп лежал вниз лицом, руки связаны за спиной. Я не понимала, во что одет убитый, мужчина это или женщина. Тело напоминало безвольную и безжизненную тряпичную куклу. Но я не могла вынести мысль, что это моя девочка.

— Обе ноги обуты? — спросила я.

Закрыла глаза в ожидании ответа, но при этом боялась его услышать. Прошла секунда, максимум две, но мне они показались часами.

— Да, — ответил Гаррисон.

— Больше ничего нет?

Его фонарик скользнул по комнате.

— Матрас, какие-то журналы и все.

Я кивнула, взяла его под руку и сделала глубокий вдох.

— Ты можешь осмотреть остальные помещения?

Полицейские мигалки на улице заполнили и комнату отблесками красного света.

— Мне нужно побыть здесь еще секундочку.

Гаррисон кивнул и прошел мимо меня туда где, по-видимому, располагалась кухня. Я взглянула на свою руку и поняла что все еще судорожно сжимаю пистолет, хотя и не чувствую этого. Я сунула оружие в кобуру и снова посмотрела на дочкину туфлю. Желтые шнурки развязаны, и их концы указывают на ручеек крови, пробегающий всего в паре-тройке сантиметров.

Я повернулась и вошла в комнату, где лежала жертва. После смерти тело полностью подчинилось законам гравитации. Если бы руки не были связаны за спиной, то я бы вряд ли поняла, лежит оно лицом вниз или вверх. На убитом были джинсы и растянутый серый свитер. Я направила луч фонарика на затылок труп. Волосы блестящие и черные как смоль, и только вокруг входного отверстия влажные от крови и спутавшиеся. Я осветила видимую мне половину лица. Короткая борода. Открытый глаз безжизненно остановился на чем-то, что заполнило последнюю секунду его жизни. Молодой парень, самое большее лет двадцать пять. Вероятно, у него в роду были японцы.

Голова закружилась, и я пошла к двери. Господи, это всего лишь ребенок, заглянувший не в ту дверь. Как он мог понять, что с ним происходит? Он ведь собирался спасти нашу планету, и тут такое. Я представила этого парнишку, приковавшего себя цепью к секвойе, чтобы спасти ее от вырубания, а потом отвернулась и посмотрела на туфлю Лэйси, валявшуюся на полу.

Я подошла и подняла ее. Левая туфля. В моей руке она казалась почти невесомой. У Лэйси был пунтик — она любила, чтобы теннисные туфли были белоснежными, как будто только что куплены. Я поискала следы крови, но не нашла. На левой стороне туфли виднелся темный след чьей-то подошвы, как будто кто-то наступил на нее.

— Господи, — прошептала я и начала воспроизводить события, произошедшие в этих стенах.

Скорее всего, Лэйси видела, что случилось, или, если она была в соседней комнате, слышала. Но и то, и другое просто непостижимо. Она пыталась пнуть убийцу? Пыталась убежать? Наверное, он наступил ей на ногу, когда она пробована увернуться, этим объясняется след подошвы. Я закрыла глаза, стараясь прогнать эти ужасные картины из головы, но они не сдавались. Я почувствовала себя беспомощной. Габриель отнял у меня не только дочку. Несмотря на всю жестокость, с которой мне как копу приходилось сталкиваться, во мне всегда жила вера в то, что в итоге добро, пусть всё в шишках и синяках, но победит. А теперь я утратила эту уверенность.

Я взяла туфлю обеими руками и прижала ее к груди. Рассвет набирал силу, и свет начал пробиваться сквозь окна. Цвет крови на полу изменился с темно-шоколадного на ярко-алый. Я подняла голову и увидела в дверях Чавеса.

— В комнате только один труп. Думаю, выстрел был произведен из какого-то мелкокалиберного пистолета, как и в случае с Финли, — сказала я.

Он вздохнул со странной смесью облегчения и тревоги.

— Лэйси была здесь, — продолжила я. — Но мы ее упустили.

Чавес взглянул на теннисную туфлю в моих руках, и стало ясно, что других объяснений не требуется. Он прикрыл рот рукой и тихонько качал головой взад-вперед, не веря своим глазам.

— Сукин сын. — Слова слетели с его губ, словно у монаха во время вечерни.

Из соседней комнаты показался Гаррисон.

— В остальных помещениях чисто. Бомб нет.

Я слышала его слова, но они не имели для меня значения. Мои пальцы накручивали вокруг себя шнурок, как будто я боялась, что туфля может выскользнуть из моих рук, и старалась предотвратить это, тем самым не дав моей девочке еще больше отдалиться от меня.

— Я не знаю, что делать дальше, — беспомощно пробормотала я.

Гаррисон посмотрел на Чавеса. Я видела обеспокоенность во взглядах обоих. Скорбящая мать не могла больше принести никакой пользы. Полицейский значок, который я носила, стал практически нелепым. Мне нужно сидеть дома, как все хорошие матери, собирать дочку в школу, готовить ей завтраки, говорить ей комплименты. Я снова посмотрела на дочкину туфлю и позволила своим пальцам выпутаться из плена шнурка.

Ладно, сказала я себе. Работай, думай. Я повернулась к Гаррисону и попыталась вернуться в настоящее.

— Ты видел где-нибудь компьютер?

— Нет.

Я сделала вдох. Так, маленькими шажками, один за другим.

— Думаю, Габриеля уже здесь не было, — сказал Гаррисон.

Я кивнула в знак согласия.

— А это значит, что он послал нас сюда.

— Господи, — сказал Чавес, — Господи Иисус... — Тут праведный католик в его душе не дал ему закончить и упомянуть имя Господа всеу. — Но зачем?

Я посмотрела на Гаррисона и увидела, что он думает о том же, о чем и я.

— Он продемонстрировал, кто здесь главный, — озвучила я нашу общую мысль.

— Словно мы чертовы марионетки, — раскипятился Чавес.

Да, нечасто Чавес выходит из себя, это не в его правилах. Но сейчас у него был вид разгневанного монарха, свергнутого с трона.

Я подошла и взяла его за мощное предплечье.

— Нужно установить время смерти как можно быстрее, — сказала я. — И я хочу знать, был ли выстрел произведен из того же пистолета, из которого убили Финли.

Я снова посмотрела на туфлю, а потом неуверенно протянула ее Чавесу.

— Можешь запаковать. Возможно, мы что-нибудь выясним по отпечатку подошвы или... или нам просто повезет.

Он кивнул и аккуратно взял туфлю из моих рук.

Мне нужно было выбираться из этого дома. Стены наступали на меня, словно песок, засыпающий могилу. Я прошмыгнула мимо Чавеса и выскочила на свежий воздух. Теперь на улице припарковались уже более десятка полицейских автомобилей. И снова большинство копов смотрели на меня как водители, проезжающие мимо ДТП. Капли дождя хлестали по лицу и скатывались к уголкам губ. У дождя был соленый привкус слез. Я плакала, хотя сама того не замечала. Вытерев слезы тыльной стороной ладони, я посмотрела, что творится на улице. Ворона, лакомявшаяся остатками обеда из Макдоналдса, теперь стояла в паре метров от бумажного пакета, потеряв к нему всякий интерес.

Через смесь сирен и раций я вдруг расслышала пронзительный писк мобильного телефона. Ко мне подошел офицер в форме.

— Телефон уже пару минут звонит у вас в машине, лейтенант.

Я повернулась, не расслышав, что он сказал:

— Что, простите?

— Ваш телефон звонит уже пару ми...

Он не успел закончить, а я уже неслась на всех парах к своему «вольво». Назовите это материнской интуицией, или женской, или полицейской, но телефон взывал с мольбой ровно в шесть часов утра, когда я осматриваю место преступления. Нет, такой вещи, как совпадение, больше не существует. Теперь на счету каждая минута, каждая секунда. Я добежала до машины, рывком открыла дверцу и схватила телефон с приборной панели.

— Делилло.

Но звонивший повесил трубку, я услышала только щелчок.

— Черт, — выругалась я, швырнув телефон на сиденье. Это могло быть все, что угодно, возможно, пустышка, но я пропустила звонок, и больше не могу себе такого позволить.

Тут из дома вышел Чавес, неся в полиэтиленовом пакете туфлю Лэйси. Он передал ее другому офицеру, обменялся с ним парой слов и посмотрел в мою сторону.

В этот момент снова зазвонил телефон. Такую встряску я раньше испытывала, когда сообщали об огнестреле. Я уставилась на него. Отвечать не хотелось. Было страшно от того, кто это может быть или, наоборот, не быть. После пятого гудка я все-таки ответила:

— Делилло.

На другом конце провода раздался звук, напоминающий сирену пожарной машины.

— Это Делилло, — повторила я.

И тут раздался голосок, дрожащий от страха и непонимания:

— Мама. Мамочка.

Я прижала телефон к щеке.

— Лэйси, где ты?

Тишина.

— Лэйси... Лэйси, ты слышишь меня? — спросила я, во мне нарастало отчаяние. — Лэйси, ты слышишь? Ты цела? Ты знаешь, где ты?

— Нет, она не знает.

Голос был каким-то искаженным, низким, смазанным, словно раздавался с сюрреалистичного полотна, где вся действительность перекошена и растянута во всех направлениях. Я тут же поняла, что это Габриель.

— Ах ты, ублюдок, — вырвалось у меня.

— А вы пустое место.

Слова просочились через трубку, словно рука схватившая и сжавшая сердце. В этот момент он был для меня самым могущественным человеком в мире. Словно мифологическое божество, Габриель мог вершить судьбы мира одним движением пальца, одним словом. Он прав. Я чувствовала себя пустым местом.

— Теперь вы мой партнер, лейтенант. И вы будете делать то, что я вам велю, иначе ваша дочь умрет.

— Я не собираюсь заключать с тобой сделок.

— Может, пока и не собираетесь. Но что, если я предоставлю вам выбор — спасти жизнь незнакомому вам человеку или дочери?

— Ты спятил.

— Если вы не выполните то, что я вам велю, ваша жизнь превратится в ад.

— Прошу тебя, не надо. Не трогай мою дочь.

Произнеся эти слова, я ощутила себя слабой, но не было смысла скрывать это. Я и была слабой. И Габриель понимал это — я сделаю все.

— Прошу тебя, возьми меня вместо нее.

Снова молчание.

— Черт побери, возьми меня! Меня!

— Мамочка, — снова раздался голосок Лэйси.

Казалось, ее слезы стекают с трубки прямо мне в руку.

— Лэйси.

И тут связь внезапно прервалась, словно дочку выдернули из моих рук. Пока мое сознание оставалось еще незатуманенным, я попыталась определить номер, но он был заблокирован. Я прислонилась к машине, но ноги стали как ватные, и я осела на мокрый тротуар и спрятала лицо в ладонях. Дождь мочил мои волосы.

Думай, найди какую-нибудь зацепку, еще раз проговори слова Габриеля, вспомни звуки на заднем фоне, всё. Наверняка что-то обнаружишь.

Я открыла глаза. Рядом со мной сел на корточки Чавес.

— Что случилось, Алекс?

— Я слышала ее голос.

Он посмотрел на телефон, валявшийся рядом на асфальте.

— Лэйси? Ты говорила с Лэйси?

Я кивнула.

— Она напугана. Господи, она так напугана.

Он положил мне руку на колени и тихонько сжал их, пытаясь вернуть меня к действительности.

— Поговори со мной, Алекс.

Я смотрела вверх него, как будто в темный угол неизвестной комнаты, где в ужасе съежилась девочка-подросток. Раздался свист крыльев. Это ворона пролетела над головой, словно возвращая меня в настоящее. Я заглянула в добрые темные глаза Чавеса, а потом схватила его за руку.

— Что случилось? — спросил он.

Я подняла голову и позволила каплям дождя падать на лицо.

— Она... — Я не могла подобрать слова.

— Алекс, что случилось?

Я закрыла глаза, подставив лицо под струи дождя еще на несколько секунд, лелея тщетную надежду, что они смоют все происходящее как страшный сон. Если я расскажу все Чавесу, сможет ли он мне доверять? Может, я прошу слишком многого? А если я не расскажу, то смогу ли доверять самой себе? Достаточно ли я сильная? По телу прошла мелкая ледяная дрожь. Я думала только о том, стала ли я соучастником безумия Габриеля. Я посмотрела на Чавеса.

— Скажи что-нибудь, Алекс.

— Моя жизнь превратится в сущий ад.

автомобиля, пока эксперты прочесывали место преступления. Ждет ли нас в пустом доме чудо в виде пряди волос или волокон ткани? Или отпечаток пальца, который словно карта приведет нас в логово Габриеля, где он прячет мою девочку? Но мое сердце, как барабан первобытного племени, выстукивало ответ. Нет, нет, нет, нет.

Чавес велел мне подремать несколько минут, но как только я попыталась закрыть глаза и скользнуть в объятия сна, звуки дочкиного голоса возвращали меня к холодной дождливой реальности. «Мама. Мамочка».

Господи. Никто из родителей не должен слышать такое. Никогда.

Я смотрела на происходящее снаружи через струи, стекающие по ветровому стеклу. Картина напоминала отражение в кривом зеркале. Свет мигалок преломлялся и искажался. Казалось, что полицейские, работающие на месте преступления, снуют туда-сюда, то появляясь, то исчезая, словно проходят сквозь черные дыры в пространстве. И лишь одна мысль оставалась неизменной и грозила проглотить меня целиком: как я могла не суметь защитить своего ребенка? Как могла я, детектив убийного отдела, не знать, какое зло прячется в тени? Я ведь не наивная провинциальная мамаша, которая видела преступления только на экране телевизора. Я живу с ними бок о бок вот уже двадцать лет. Я держала в руках растерянных жертв, истекающих кровью. Видела, как преступление разбивает семьи и судьбы. Наблюдала, как оно разрушает надежды и душит мечты. И все-таки это произошло в моем доме, с моим ребенком, уничтожив иллюзию защищенности. Как я могла быть настолько слепой? Как?!

Гаррисон постучал в окно и ждал, пока я открою дверь, которую, как оказалось, я заперла изнутри. Я открыла дверцу со стороны водителя, и он выскользнул из плена дождя. За ним тянулся шлейф аромата влажных эвкалиптовых листьев, который тут же заполнил весь салон.

— Возможно, придется прерваться, — сказал он безо всякого выражения. Его тон не оставлял места для ложных надежд. — Служащий мотеля на Колорадо сообщил, что, возможно, один из постояльцев — Суини.

— Суини? — переспросила я.

События походили на бурную реку, за течением которой я наблюдала, стоя на берегу. Где-то в этом бурлящем потоке исчезла и моя дочь, а я беспомощно смотрела, как течение уносит ее все дальше и дальше.

Пальцы Гаррисона замерли над клаксоном, пока он терпеливо ждал, когда же до меня дойдет смысл сказанного.

— Суини, — повторила я.

Я почувствовала, как его слова рывком вернули меня к расследованию. Туман, в котором я пребывала после разговора с Габриелем, начал рассеиваться. Я вспомнила, как Трэйвер открывает дверь в бунгало. Взрыв. Осколки стекла, ударившие меня по лицу. Суини. Сотрудник Брима и Финли.

— Ладно, — прошептала я, словно пытаюсь удержаться на плаву в водовороте событий. — То есть мы установили, что Суини находится в мотеле на Колорадо?

— Да.

— Мотель взят под наблюдение?

Он кивнул и начал заводить машину.

— Да, патрульный автомобиль дежурит снаружи и останется там до ваших дальнейших распоряжений. — Гаррисон помялся. — Хоть что-то.

— Но мы уже знаем, как выглядит Габриель, — сказала я. — Знаем, что он планирует и что у него Лэйси. На фиг нам сдался какой-то мошенник Суини, которому грош цена?

— Разве вам не хочется узнать, что он делал в доме Финли, когда стукнул вас дверью?

— А это что-то изменит? Если только Суини знает, где держат мою дочь, или у него есть фото Габриеля... А иначе зачем он нам?

Гаррисон нахмурился. В лабиринте его мозгов все еще работали серые клеточки, пытаюсь найти решение.

— Если Габриель старается избавиться от всех свидетелей, способных его опознать, то вполне резонно предположить...

— Что он тоже ищет Суини, — перебила я.

Гаррисон кивнул.

— Мы можем этим воспользоваться.

Я пару секунд переваривала его мысль:

— То есть использовать Суини как приманку.

Гаррисон снова кивнул.

— Сообщим на всех полицейских частотах, что наблюдаем за Суини там-то и там-то, и будем надеяться, что Габриель прослушивает наши частоты. Пусть сам придет к нам в руки.

Шансы на успех малы, но, по крайней мере, стоит попытаться.

— Но сначала нам нужно самим пообщаться с Суини, — сказала я.

— Я тут подумал...

Я посмотрела на Гаррисона, и он замялся, как будто не был до конца уверен, стоит ли вообще заводить разговор.

— Ладно, мы можем поговорить об этом позже.

— Нет, давай уж, раз начал. В чем дело?

Он постучал указательным пальцем по рулю, словно выстукивал мотив какой-то песенки.

— Я тут подумал про телефонный звонок Габриеля.

— И что?

— Зачем он звонил?

— Это часть его игры, — сказала я, размышляя, догадался ли Гаррисон, что именно мне сказал Габриель.

Гаррисон нервно кивнул. Я видела, что он мне не верит.

— Просто...

— Просто что? — разозлилась я.

Гаррисон потупился, а потом выпрямился, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Я знаю, каково это потерять кого-то из близких, и знаю, что сделал бы все, что угодно, лишь бы изменить это, если бы мог.

Гаррисон совершенно точно понял идею Габриеля. Он знал... Возможно, прочел в моих глазах. Или увидел во мне нечто знакомое — молчаливую сделку, которую и сам заключил бы с убийцами своей жены.

— Я не думаю, что кто-то знает наверняка, на что способен, до поры до времени.

Мы переглянулись. Правда открыта, а возможно, и полностью озвучена.

— Может быть, вы сильнее, чем думаете, — заметил Гаррисон.

Наши глаза встретились на несколько секунд, а потом Гаррисон вырулил с обочины.

Я еще раз оглянулась и посмотрела на место преступления. На фоне окружающей серости желтая лента выделялась словно ряд ярких подсолнухов. Из дверей дома вышел коронер, а следом вынесли закрытое тело мальчика, который всего лишь хотел спасти нас от нас же самих. Одно из колес каталки вихляло из стороны в сторону, как у сломанной тележки в магазине. Небольшое блеклое пятнышко на простыне обозначило место, где пуля вошла в череп. Интересно, как родители воспитывали этого паренька. Любили и поддерживали или не одобряли? Они ли научили сына верить в то, что в конце концов привело его к гибели? Справлялись ли они со своими родительскими обязанностями лучше, чем я? Но разве это имеет теперь какое-то значение?

— Я не могу перестать думать о том, был ли этот мальчик знаком с моей дочерью.

Гаррисон посмотрел на меня, а потом повернул на юг и поехал по направлению к бульвару Колорадо, до которого оставалось четыре квартала.

— В нашем отряде, — нерешительно начал он, — нас учат сдерживать воображение. Это своего рода правило. Сосредоточься на том, что перед тобой — провода, запалы, детонаторы.

— Срабатывает?

Он еле заметно улыбнулся своему собственному совету.

— Нет, насколько я заметил.

Я откинулась на сиденье и закрыла глаза, пока мы ехали к мотелю «Виста Палмс».

— Помнится, я прочла нечто подобное в журнале для родителей, когда была беременна Лэйси.

— Ну и как?

— Ей было меньше суток, когда я вообразила, что мою девочку перепутали с другим ребенком, дали ей не то лекарство, и она умирает в одиночестве в своей крошечной кровати.

Я посмотрела на Гаррисона, а потом выглянула в окно и стала рассматривать пейзаж, ничего не видя.

— И я решила, что у автора статьи никогда не было детей.

«Виста Палмс» — один из вереницы старых мотелей, выстроенных в шестидесятые вдоль Восточного Колорадо. Первый его владелец решил, что сможет сколотить состояние благодаря близости к стадиону «Розовой Чаши». Очевидно, он не знал, какова продолжительность футбольного сезона. Теперь большинством мотелей владели выходцы из Индии, которые рассчитывали только на бедных туристов, не желающих платить за номер в «Мариотте» или «Холидэй Инн». За сорок баксов в сутки вы получали чистые простыни, шумный кондиционер и двойной затвор на двери. Никаких мятных конфеток на подушке, никакой вентиляции в душе. И по какой бы причине Суини ни выбрал этот мотель, чтобы скрыться от Габриеля, он сделал это явно не потому, что привык к роскоши.

Машина детектива Фоули, который выехал на вызов, когда в пруду обнаружили тело мексиканского майора, была припаркована напротив «Виста Палмс» рядом с коричневым «фордом-виктория». Мы встали за ним. Фоули вылез из машины и подошел к нам со стаканчиком кофе в руке. Боковым зрением я видела, как Гаррисон улыбается, глядя на эту картинку, словно Фоули сошел с экрана старого фильма. Я опустила окно, и Фоули нагнулся ко мне. Капли розовой глазури, некогда украшавшей пончики, застряли у него между зубов, а сахарная пудра осела на его тонких усиках в стиле Кларка Гейбла. Да, возможно, сейчас он и выглядел как безобидный коп в ожидании пенсии, но на самом деле ему нет равных в том, что касается допросов бывших осужденных типа Суини. Сотрите с его губ остатки сахарной пудры, и Фоули и самого дьявола напугает до полусмерти, если захочет.

— Суини в комнате 211. Вон то крайнее окно с закрытыми занавесками. Еще одна машина дежурит с другой стороны.

— Когда он въехал?

— Вечером, после того как его бунгало взлетело на воздух вместе с вами и Трэйвером. Другой постоялец позвонил администратору и сказал, что узнал его по фотографии, показанной по телевизору.

— Он сейчас внутри?

— Ага. Я отправил к нему горничную. Он еще спит. Вы хотите его взять или сесть ему на хвост?

— До парада меньше суток, на слежку нет времени.

— Я возьму ключ от номера, — сказал Фоули.

Он вернулся к своей машине, поковырялся в зубах, а потом мы пересекли Колорадо и встали на парковке.

Кругом были разбросаны банки из-под пива. Промокшие остатки пиццы забились в канализационную решетку. На половине автомобилей в преддверии финала чемпионата были наклеены стикеры с эмблемой команды Вашингтонского университета. Кого-то из фанатов стошнило рядом с голубым «шевроле».

Фоули вышел из офиса администратора с ключом, и мы втроем поднялись наверх.

— Это тот придурок, который стукнул вас дверью, лейтенант?

Господи, а я почти забыла.

— Да, но он извинился.
Мы дошли до нужной двери, и Гаррисон занял позицию с другой стороны.
— Не торчи перед окошком, — велела я.
Он нервно посмотрел через плечо и сделал полшага вперед.
— Как вы хотите это сделать? — поинтересовался Фоули.
— Суини считает, что кто-то пытается его убить. Если мы просто ворвемся, то он может натворить глупостей.
Фоули достал пистолет, а потом три раза шандарахнул кулаком по двери.
— Полиция Пасадены! Открывайте!
Я услышала за дверью глухой стук, как будто Суини свалился с кровати.
— Суини, открывайте! — завопил Фоули.
Снова какой-то грохот, а потом кто-то выругался: «Черт, черт, черт!».
— Думаю, мы его разбудили, — сказал Фоули.
Я услышала тихие беспорядочные шаги, такое впечатление, что человек за дверью натягивает брюки.
— Поднесите значок к глазку, — раздался голос.
Фоули посмотрел на дверь, потом на меня и покачал головой.
— Но здесь нет никакого глазка, придурок.
— А как я тогда узнаю, что вы действительно полицейские?
— Потому что я — та, кому ты съездил дверью, — ответила я.
— Ох.
Долгая пауза.
— Простите меня...
— Открывайте дверь, мистер Суини, немедленно!
Суини открыл цепочку, а потом лязгнул дверной засов. Как только дверная ручка начала проворачиваться, Фоули с размаху влетел в дверь, словно это всего лишь простыня на веревке. Суини дернулся, но поздно. Фоули уже сидел на нем, надавив коленями на его спину и прижав его щекой к полу.
— И не двигайся, мать твою, — прошипел Фоули на случай, если у кого-то остались еще сомнения, кто здесь главный.
— Хорошо, — пробормотал Суини, в рот которого забивался длинный жесткий ворс темно-рыжего ковра.
Фоули защелкнул на запястьях задержанного наручники, а Гаррисон проверил ванную, чтобы убедиться, что мы одни. В номере было душно, пахло сигаретным дымом, скопившимся за последние тридцать лет. Над кроватью красовалось выцветшее изображение Тадж-Махала. В одном из ящиков комода лежал бумажный мешок с зубной щеткой и пастой. На спинке единственного стула висела рубашка. Никаких личных вещей. Все имущество Суини погибло в результате взрыва.
Фоули поднялся на ноги, оставив Суини лежать на ковре. Я села на корточки рядом:
— У вас большие неприятности.
— Думаю, вы меня с кем-то перепу...
— Если вы мне солжете, я привлеку вас за соучастие в убийстве.
— Что?! — проревел он, его голос стал выше сразу на несколько октав.
Я посмотрела на Фоули.
— Подними его.
Фоули схватил Суини за руку и усадил его на кровать. Взгляд Суини быстро пробежался по комнате. Привычка мошенника, который ищет пути к отступлению на случай, если его затея провалится.
— Я ничего не знаю.
— Замолчите, — прошептала я, но это произвело эффект крика. — Мне нужно знать все, что вы знаете или думаете, что знаете. Если вы мне соврете или начнете юлить, я укуе вас за решетку на веки вечные. Вы напали на офицера. Вы просто неудачник, мистер Суини,

и у меня нет времени тут лясы точить. Вы мне помогаете, и я забываю о том, как вы ударили меня дверью в доме вашего начальника.

— Кого?

— Вашего босса, Финли. Вы работали у него в цветочном магазине.

Казалось, воздух вышел из него как из сдувшегося шарика. Суини посмотрел на меня и кивнул. Я обратилась к Гаррисону:

— Принеси папку из машины.

Он кивнул и вышел.

— Что вы делали в доме Финли? Что вы там искали?

— Деньги, а что же еще? Моего начальника убили, а мой дом взорвали, что еще, черт побери, я должен был делать?

— Найти себе работу, придурок, — процедил сквозь зубы Фоули.

Суини заглянул мне в глаза, а потом отвернулся, как будто в глубине души его мучил стыд за свою никчемную жизнь или страх, что мамочка посмотрит на него через плечо и с неодобрением покачает головой.

— Мне нужны были деньги, понятно? Я не знал, что вы коп, когда стукнул вас дверью.

Первая ложь. Я почувствовала, как закипает моя кровь.

— Я же велела вам не врать, а не то отправитесь за решетку.

— Хорошо, хорошо... я все скажу. Да, я знал, что вы коп, но запаниковал. Простите меня.

— Расскажите мне все, что знаете о Финли?

— А что я должен знать?

— Отвечай на вопрос! — рявкнул Фоули ему в лицо.

Суини допросы были не в новинку. Он вздохнул и покачал головой.

— Ничего я особенного не знаю. Я просто разгружал грузовики. Меня нанял другой парень.

— Брим?

— Да.

— Он мертв.

На лице Суини застыло очевидное удивление, но он тут же занял оборону.

— Это не я.

— Заткнись, мудак, — отрезал Фоули.

Дверь открылась. Вошел Гаррисон и подал мне папку. Я открыла ее и вдруг поняла, что смотрю на фотографию Лэйси. Снимок был сделан для выпускного альбома, и она его ненавидела. Ей казалось, что она получилась толстой. А я считала, что она просто красавица. Снято еще до пирсинга. Когда я взяла фотографию, то у меня едва заметно дрожали пальцы. Думаю, Гаррисон заметил это, потому что он отвернулся и смотрел куда-то в сторону, пока дрожь не прекратилась.

— Вы когда-либо видели эту девочку?

Я подержала снимок у Суини перед глазами. Его взгляд скользнул по нему, казалось, практически не задержавшись.

— Нет.

— Посмотрите! — заорала я.

Суини тут же принял стойку «смирно», как будто его ударило током. Он кивнул, посмотрел на фотографию и начал ее разглядывать. Когда взгляд преступника, пусть и такого жалкого, как Суини, скользил по снимку моей девочки, это почему-то казалось оскорблением.

— Эта девица с конкурса? Да, я видел ее в новостях... правильно?

Он посмотрел на меня, словно ждал подтверждения.

— Кроме как в новостях, вы ее никогда больше не видели?

— Нет, никогда. Что, черт побери, происходит?

Я аккуратно положила снимок обратно в папку и достала фотографию убитого

мальчика из дома на Монте, сделанную полароидом. На фотографии было видно его лицо. Глаза полуоткрыты, лицо немного исказилось, поскольку к нему прилила кровь, пока паренек лежал на животе.

— А его вы видели?

Суини озадаченно посмотрел на снимок.

— А что это с ним такое?

— Ну, ему выпустили пулю в затылок.

— Господи! Что, черт побери, происходит?! Ответьте же мне!

— Его убил тот же человек, который заложил бомбу в вашем доме.

— Это была бомба?

— Не будь идиотом, — сказал Фоули. — Ты что, думаешь, он сам взлетел на воздух?

— Такое бывает.

— Ага, а у собак бывают крылья.

— Так вы видели этого парня? — повторила я.

— Нет, никогда.

Его голос впервые дрогнул от страха. Я показала ему фотографии Эрика из Азусы и мертвого мексиканского майора.

— Я никого из них не видел. Так вы мне скажете, что происходит?

Я вытащила портрет Габриеля.

— Расскажите мне о нем.

Во взгляде Суини ничего не промелькнуло. Ни узнавания, ни попытки скрыть правду, ни страха. Ничего. Я посмотрела на Гаррисона. Он видел то же, что и я, и был также озадачен.

— Я никогда не видел этого человека, — сказал Суини.

— Взгляните на портрет.

Он вздохнул и еще несколько секунд разглядывал изображение.

— Нет, я никогда его не видел.

— Не ври нам, скотина! — взревел Фоули.

Он снова посмотрел на рисунок.

— Я никогда его не видел. Никого из них. Клянусь. Я никто и ни для кого ничего не значу.

Это была самая честная и грустная самооценка, какую я только слышала. Я бы даже пожалела его, если бы у меня в сердце осталось место для кого-то еще. Я сунула портрет Габриеля в папку. Было такое чувство, словно я закрыла дверь перед последней своей надеждой.

— Тогда почему ты тут прячешься? — спросил Фоули.

— Потому что моего босса застрелили, я ударил полицейского дверью, и я бывший зек. Господи, а вы что подумали? Я до смерти боюсь оружия...

— Если ты лжешь...

— Нет, он не лжет, — сказала я.

Фоули с недовольным видом посмотрел на меня. Мы только зря потратили время, и он знал это так же хорошо, как мы с Гаррисоном.

— Это тот парень, который взорвал мой дом?

Я жестом указала Фоули на дверь:

— Отведи его в мою машину.

Фоули схватил Суини за руку и стащил его с кровати.

— Я хочу знать, это тот парень? Потому что у меня из-за него проблемы...

— Заткнись, — велел Фоули.

— У меня есть право знать...

Фоули поднял закованные в наручники кисти Суини достаточно, чтобы причинить ему боль, и тот замолчал. Когда они дошли уже до самой двери, мне пришел в голову последний вопрос:

— А вы знали миссис Финли?

Вопрос был продиктован только инстинктом, хотя, возможно, в моем случае это лишь другое определение отчаяния. Фоули рывком развернул Суини в мою сторону. Глядя на него, я подумала, насколько жалкой была, возлагая надежды на спасение дочери на двадцатидевятилетнего неудачника в квадрате в расстегнутых джинсах, мятой футболке и черных носках, в которых дырок было больше, чем, собственно, носков.

— Ну, мы встречались... да.

— Вы говорили с ней?

— Вроде бы.

— Да или нет?

Суини вздрогнул, его голова раскачивалась из стороны в сторону, как у китайского болванчика. И тут я поняла, что большую часть своей жизни он избегал прямых ответов на вопросы.

— Ну...

Фоули снова потянул за наручники.

— Да, — пронзительно взвизгнул Суини.

— О чем вы говорили?

— Ни о чем. Здрасьте, здрастьте, до свидания и всякая такая ерундистика.

Я кивнула Фоули, и он вывел Суини за дверь, оставив нас с Гаррисоном одних.

— Почему Габриель пытался убить Суини, если тот никогда его не видел? — спросил Гаррисон.

Я покачала головой и посмотрела на картинку с Тадж-Махалом над кроватью. Раньше я не обратила внимания, что она закрыта стеклом, а кто-то из гостей нарисовал эмблему Макдоналдса, которую владелец, очевидно, пытался стереть. Я повернулась и посмотрела за дверь на улицу, где шел дождь. В Южной Калифорнии в дождях нет ничего приятного и успокаивающего, как, например, в Новой Англии или на Среднем Западе. Наверное, все дело в наших песчаных почвах. Я всегда считала, что если бы Генри Торо жил в Лос-Анджелесе, то его «Уолден» был бы не о жизни в лесу, а о грязевых оползнях и наводнениях.

— Бессмыслица какая-то, — сорвалось с моих губ.

— Нет, какой-то смысл должен быть, — возразил Гаррисон.

Я попыталась привести мысли в порядок, но разгадка ускользнула от меня.

— А что, если Суини лжет?

Я покачала головой.

— Непохоже.

— А мы можем ошибаться насчет взрыва в бунгало?

Можем ли мы ошибаться? Я пыталась вспомнить, насчет чего мы *не* ошибались, но тщетно.

— Следующий вопрос, — с сарказмом сказала я.

— Может, Суини просто не помнит, что они встречались?

Я вспомнила портрет Габриеля, характерный шрам, сверлящий взгляд светлых глаз.

— А ты забыл бы такое лицо?

— Вряд ли.

— Мог ли Габриель допустить ошибку?

— Она была бы первой.

— Какие еще есть варианты? — спросила я.

— Он пытался убить кого-то другого.

— Например...

— Вас.

Я сделала глубокий вдох и с силой выдохнула:

— Я так не думаю.

— Почему?

Я подошла к двери и смотрела, как капли дождя с силой ударяются об асфальт. На

дороге образовались лужи, и проезжающие машины поднимали фонтан брызг высотой в два метра.

— Потому что он пытается использовать меня.

Гаррисон встал с другой стороны двери.

— Вы имеете в виду телефонный звонок?

Я кивнула.

— Габриель рассчитывает, что вы сделаете то, что он велит, чтобы спасти Лэйси.

— Да, — сказала я, ощущая странную смесь стыда и бог знает чего еще. — Прости.

Мне следовало объясниться.

— А мне не стоило спрашивать, — без колебаний ответил Гаррисон.

Я взглянула в его глаза с благодарностью.

— Неважно, — сказала я. — Не думаю, что он отказался от...

Я оставила мысль неоконченной. Попытаться залезть в голову Габриеля — гиблое дело. Он убийца, и предполагать, что он прекратит убивать — глупо.

— Если Габриель настолько уверен, что вы станете ему помогать, спасая Лэйси, — размышлял Гаррисон, — то мы никак не влияем на его уверенность. Мы подбираемся к нему настолько близко, насколько он позволит, и надеемся, что он допустит ошибку.

— Я цепляюсь за эту же мысль, но тут не особо за что уцепишься, пока что он не ошибался.

— Но как только ошибется, мы его раскусим.

— Мы должны, — мрачно сказала я. — Не думаю, что нам дадут второй шанс.

Мы несколько секунд стояли молча.

— А почему вы спросили у Суини про миссис Финли?

— Она сказала, что никогда с ним не встречалась. Почему она соврала?

— Ну, возможно, она не знала, как его зовут. Он всего лишь временный сотрудник.

— Возможно, но мне эта версия не очень нравится.

— Хотите спросить ее?

Я кивнула.

— Да, хочу.

И тут зазвонил мой мобильный.

— Делилло.

Сначала на другом конце провода было тихо, но потом раздался его голос.

— Спасибо, — произнес Габриель голосом, лишенным эмоций или вообще признаков жизни.

— Что... — начала я, но тут связь оборвалась.

Я повернулась к Гаррисону.

— Это был он.

— Габриель?

Я кивнула.

— Он сказал спасибо.

— И все?

— Да, только спасибо.

— За что?

— Не знаю.

Я посмотрела на парковку возле мотеля. Фоули открывал дверцу своего автомобиля. Суини сидел на заднем сиденье в моем «вольво», метрах в пяти от нас, качая головой, словно мурлыкал себе под нос какую-то песенку.

— Думаете, он снова играет с нами?

Я покачала головой.

— Что изменилось с момента нашего с ним разговора?

— Мы пришли сюда.

— О боже, — прошептала я.

Я посмотрела на Гаррисона и увидела в его глазах тот же ужас, который пульсировал сейчас в моем теле. Он пулей помчался по ступенькам, а я закричала Фоули:

— Вытащите Суини из машины!!!

Но мимо с грохотом пронесся грузовик и заглушил мой крик. Фоули посмотрел наверх и покачал головой.

— Что?

Гаррисон добежал до первого пролета. Оставалось всего несколько ступенек.

— Вытащите его из...

И тут я увидела, как под днищем машины сверкнула вспышка, отразившаяся на мокром асфальте. Взрывная волна взметнулась в салоне, заполнив его тонкими голубыми языками пламени, казавшимися такими же нереальными, как северное сияние. Я наблюдала, как Суини с удивлением озирался, словно его окружил рой насекомых. Он начал бешено трясти головой, и тут салон моего «вольво» превратился в ярко-оранжевый костер, а Суини исчез из виду.

15

Габриель выбрал такой катализатор, с помощью которого можно добиться настолько высокой температуры горения, что рама автомобиля начала плавиться. Когда машина загорелась, Гаррисон и Фоули пытались добраться до дверей, но было уже слишком жарко. Они ничего не могли сделать. Суини умер за какие-то секунды, так и не поняв, что происходит. Он увидел тоненькие языки голубого пламени, пляшущие вокруг, но не успел почувствовать жара. А потом ему просто стало нечем дышать. Он умер, не успев даже сделать вдох.

Я сидела в конференц-зале в управлении полиции. На плечи мне набросили одеяло, чтобы унять озноб, колотивший меня после того, как я стояла под проливным дождем, когда пламя уже потухло. Чавес принес мне стакан чая и сэндвич в полиэтиленовой упаковке.

— Когда ты в последний раз что-то ела?

Я покачала головой. Представления не имею.

Чавес поставил еду передо мной, а сам сел напротив. За его спиной открылась дверь, и вошел Гаррисон. Было уже почти двенадцать дня. Мы потеряли несколько драгоценных часов, пока охраняли сгоревшую машину возле отеля. С каждой минутой моя девочка отдалялась от меня.

— Это я привела Габриеля к Суини.

— Ты не могла знать.

— Но должна была. Он был всего в квартале, и, возможно, Лэйси находилась с ним в машине.

Чавес посмотрел на меня, я увидела по его глазам, что ему нужно задать мне вопрос, который задавать совсем не хочется.

— Почему ты не рассказала мне содержание разговора полностью?

— С Габриелем?

Он кивнул.

— Думаю, я не хотела, чтобы вы решили, что мне нельзя доверять.

— Я не сомневаюсь в тебе, девочка, — твердо сказал Чавес.

— Как ты узнал? — Я покосилась на Гаррисона, но тот покачал головой.

Чавес не успел ответить, поскольку дверь распахнулась и вошел Хикс в сопровождении еще двух незнакомых мне агентов ФБР. Я посмотрела на Чавеса, и тот едва заметно кивнул.

— Почему Габриель поблагодарил вас, когда звонил вам в мотель? — накинулся на меня Хикс.

Я взглянула на Хикса, усевшегося на другом конце стола, и мне стало интересно, какие еще сюрпризы у него припасены.

— Вы прослушиваете мой мобильник?

Хикс извлек из кармана малюсенький кассетный плеер и нажал кнопку воспроизведения.

— Теперь вы мой партнер, лейтенант. И вы будете делать то, что я вам велю, иначе ваша дочь умрет.

Хикс выключил запись и снова сунул плеер в карман.

— Если вы слушали нас, то знаете, за что он сказал мне спасибо, — огрызнулась я.

— Да, за то, что вы привели его прямиком к последнему свидетелю, способному его опознать, который превратился в поджаренный тост. Это часть вашей сделки с Габриелем?

Чавес встал, вены на его шее вспухли от злости.

— Потихше, Хикс. Вы отлично знаете, что никакой сделки не было.

— Да? А откуда нам знать, что не было других разговоров, которые мы не слышали? Какая у лейтенанта могла быть более сильная мотивация, чем жизнь ее дочери? Как можно быть уверенным?

— Я готов вверить ей свою жизнь — вот мой ответ, — сказал Чавес.

— А жизни людей на бульваре Колорадо? Их вы тоже готовы ей доверить?

— Да.

— А я не могу себе позволить такой роскоши.

— Причин убивать Суини не было, — встряла я.

Хикс недоверчиво посмотрел на меня.

— Да что вы говорите? А вы видели его останки? Определенно, они наталкивают на мысль, что какая-то причина все-таки была.

— Мы показали Суини его портрет, он никогда не видел Габриеля.

Хикс помолчал, словно взвешивал мои слова.

— И вы ему поверили?

— Да. Ему незачем было лгать.

— И как вы это поняли?

— По его лицу. Я хороший полицейский.

— Будь вы хорошим полицейским, Суини сейчас был бы жив.

Чавес сделал полшага влево и загородил меня от Хикса.

— Насколько я помню, Хикс, это вы не видели связи между похищением Лэйси и Габриелем. Думаю, вам стоит быть поосторожнее в выражениях. Дочь лейтенанта Делилло похищена сумасшедшим маньяком. И если вы еще раз проявите свое неуважение, то перестанете быть нашим гостем, и мне придется заменить эту дверь. Понимаете намек?

Они смотрели друг на друга в упор, а потом Хикс отступил на полшага и пожал плечами. Он нервно огляделся и посмотрел на меня.

Все играют с правдой — жулики, копы, мужья, жены. Все, всегда и по всем мыслимым и немыслимым поводам. Но федералы делают это особенно элегантно.

— Я не думаю, что мы действительно знаем, что там себе думает агент Хикс, — сказала я, не сводя с него взгляда. — Ведь правда, специальный агент?

— Если у вас возникло впечатление, что я не сочувствую вам из-за того, что случилось с вашей дочерью, прошу меня простить. Мы установили прослушку на вашем телефоне вчера вечером, потому что установили личность Габриеля через французскую полицию.

— Но почему вы ничего не сказали раньше?

— У меня тоже есть дочь. Я понимаю, какое давление на вас оказывается. Мне нужно было удостовериться, что Габриель не манипулирует вами. Такое уже бывало...

— Бывало?

Хикс зловеще кивнул.

— Он что, был в списке потенциальных террористов? — спросил Чавес.

— Да нет. Он был в списке разыскиваемых. — Хикс повернулся и посмотрел на меня. — Французский детектив, с которым я говорил, назвал его коллекционером. Французы обнаружили, как они сами это называли, галерею.

— Галерею чего?

— Его жертв. Считается, что он виновен в убийстве семи человек, причем каждое убийство происходило по своему... сложному сценарию. Габриель же исчез около двух лет назад.

— Сценарию?

Хикс замялся.

— Он выдавал себя за врача, рабочего и даже за полицейского. С каждым убийством сюжет, не могу подобрать другого слова, становился все более сложным, изощренным и... жестоким. Он придумывал историю для каждого убийства. Как ребенок, играющий в игру.

— Но вы описываете не террориста, — заметила я.

Хикс покачал головой:

— Нет.

— А кого, черт побери? — спросил Чавес.

— Серийного убийцу, — прошептала я.

— Боюсь, да, — кивнул Хикс.

У меня упало сердце. Стало нечем дышать. Я поднялась, подошла к окну и открыла его. Дождь кончился. Легкий туман оседал на моих щеках, собираясь каплями, словно слезы.

— И что это значит? — уточнил Чавес.

Я повернулась и снова посмотрела на собравшихся. Глядя на Хикса, я поняла по его виду, что он так же хорошо, как и я, понимает, *что* это значит. Когда имеешь дело с извращенной психикой террориста, то все еще можешь найти зерно здравого смысла. Но соприкасаясь с потемками души серийного убийцы, не жди ничего, кроме самых худших ночных кошмаров.

— Это значит, что преступник менее предсказуем и более опасен, чем мы думали раньше, — вздохнул Хикс.

— Он убивает людей. Не вижу разницы, — пожал плечами Чавес.

— Террористический акт задумывается как политическое заявление, его цель — нанести максимальный урон. Это дает нам возможность вычислить его действия, поскольку мы знаем его цель. Серийный убийца не имеет никакого отношения к политике. Для него убийство не есть средство достижения цели. Это сама цель.

— Зачем же он притворяется террористом?

— Потому что он сейчас играет террориста, это его величайшая роль.

— Боже, вы как будто говорите об актере, — сказал Чавес.

— В определенном смысле слова он и есть актер. Несмотря на всю свою ненормальность, ему для совершения преступлений нужно надевать на себя маску другого человека. Так делают многие серийные убийцы, но не в такой степени. Что бы там ни было с его психикой, он чувствует себя нормально, только когда играет чью-то роль.

— И убивает, — добавила я.

— Да.

— То есть вы говорите, что этот парень — просто какой-то псих, который считает, что ему за это дадут «Оскара»?

— Он не какой-то псих, он Псих с большой буквы, — сказал Хикс.

— А что вы знаете об остальных убийствах?

Хикс посмотрел на меня и замялся. Я поняла, что сейчас верх в нем взял родитель.

— Вы, правда, хотите знать?

— Он похитил мою дочь, чтобы добраться до меня. Чем больше я буду знать, тем лучше.

Хикс повернулся к одному из агентов, и тот протянул ему открытую папку.

— В девяносто восьмом он выдавал себя за врача в одной из больниц в Париже. Две ночи подряд он совершал обходы, делая вид, что состоит в штате. Один пациент, который общался с ним и выжил, утверждает, что это лучший доктор из всех, кто его когда-либо лечил. Даже несколько медсестер подумали, что таких врачей должно быть побольше.

На вторую ночь своего «дежурства» он связал троих пациентов, вставил им кляп в

горло и оперировал их, как вы понимаете, без наркоза. Патологоанатомы, производившие вскрытие жертв, пришли к выводу, что, скорее всего, несчастные большую часть времени были живы.

Хикс вытащил фотографию с места преступления и положил ее на стол.

— Матерь божья, — прошептал Чавес.

— Я мог бы показать вам еще фотографии, но остальные так же ужасны, как эта.

Я бросила взгляд на фотографию и отвернулась. Слишком легко мое воображение рисовало лицо моей дочери на подобном снимке, и мне не нужно было этого видеть. Я снова отошла к окну и посмотрела на тусклую серую улицу.

— Мы не знаем подробностей по всем убийствам, — продолжил Хикс, — но, по-видимому, их роднит общая черта — преступник демонстрирует немалое мастерство и незаурядные знания вне зависимости от того, какую роль играет. Когда он играет копа, то это самый лучший коп из всех. Он даже кого-то арестовал. А когда он был рабочим, то его характеризовали как самого лучшего плотника.

— А теперь он террорист, — сказала я, все еще глядя на город. — И мастер по изготовлению бомб.

— Именно, — кивнул Хикс.

Я отвернулась от окна.

— Когда он изображал плотника, то он использовал специфические для этой профессии орудия труда?

Хикс мрачно кивнул:

— Да, восстанавливал какой-то дом.

В комнате воцарилась мертвая тишина, словно слова не могли больше адекватно выразить наши чувства. Казалось, я физически ощущаю груз полученной информации на своих плечах, словно на меня набросили какое-то покрывало. Внутри меня вихрем крутилась паника, пытаюсь набрать силу и обрести форму. Я думала, что понимаю, с чем столкнулась. Думала, что знаю, кто похитил мою девочку и с кем мне придется сражаться. Но теперь стало ясно, что я ровным счетом ничего не знала.

Все, что можно сделать в такой ситуации, просто быть копом и делать свое дело.

— У вас есть его фотография? — спросила я.

— Нет, у французской полиции есть только его портрет, удивительно похожий на наш.

— Но нет никаких сомнений, что речь идет об одном и том же человеке?

— Боюсь, что нет. Это он. Единственное отличие — они считают, что он француз, а по словам нашего свидетеля Филиппа, Габриель американец.

— И кто же он на самом деле?

— Филипп сказал, что Габриель только что вернулся из Европы. И нам кажется, что так оно и есть. Но кем бы он ни был, ясно одно — Габриель может стать кем угодно, тем, кем сам захочет.

— Мне нужен доступ к документам французской полиции.

— Копии всех полученных нами материалов будут на вашем столе.

— Вы сказали, что один из пациентов выжил.

Хикс быстро просмотрел содержимое папки.

— Да, мужчина. По его словам и был составлен портрет преступника.

Фраза повисла в воздухе, требуя к себе внимания. Почему Габриель оставил в живых человека, побывавшего у него в руках? Тот же вопрос я задавала и о Филиппе. Почему Габриель не убил его? Но существование еще одного выжившего свидетеля дало мне ответ.

— То, что Филипп выжил, это, скорее всего, не просто совпадение.

— Думаю, вы правы.

— Что это, черт побери, значит? — спросил Чавес.

— Он хочет, чтобы мы знали, что это он, — объяснила я.

— Не понимаю, — покачал головой Чавес.

— В некотором смысле, сознательно или нет, но Габриелю неинтересно совершать

преступления, если публика не будет знать, что это он. Он жаждет внимания так же сильно, как и жестокости.

— Ему нужна оценка, — добавил Хикс.

— Как и любому другому актеру, — сказала я, словно речь шла о любительской постановке Шекспира.

Гаррисон подошел ко мне и тоже выглянул в окно. Где-то внизу проревел автомобильный гудок. Мимо окна промчалась стайка зеленых попугайчиков, этакое расплывчатое пятно крыльев и пронзительных криков. Судя по их голосам, они преодолели притяжение земли только от отчаяния.

— Я знала, что есть миллион вещей, которые я не понимаю как мать. Я в этом смысле бестолковая, как говорит Лэйси. Но, по крайней мере, я считала, что все знаю о том, как быть полицейским, — тихо сказала я. — Но все предположения, которые мы делали до сих пор касательно Габриеля, оказались неверными. Я ошибалась везде и всюду.

Гаррисон посмотрел вниз, на прохожих, беззаботно шагающих по тротуарам и пребывающих в счастливом неведении об ужасе, творившемся в их городе.

— Нет, вы не ошиблись, — возразил он. — Просто некоторые вещи нам не дано знать. Никому не дано.

Я несколько секунд рассматривала улицу внизу. Я четко ощущала присутствие Габриеля, словно чья-то рука гладила меня по шее.

— Возможно, он прямо сейчас за нами наблюдает. Но даже если нет, он заставляет нас так думать. Интересно, что хуже?

Гаррисон покачал головой:

— Он хорошо изучил свою роль.

Я ощутила, как все мыслимые эмоции и чувства водят хороводы в моей душе. Злость, страх, паника, разочарование и, что самое ужасное, безысходность. Понимала я это или нет, но Лэйси всегда была для меня неким определяющим фактором. Уберите мать, и останется только коп, но этого недостаточно. Я чувствовала, как дочка ускользает от меня, но если я потеряю ее, то лишусь и части себя. Я отвернулась от окна, подошла к столу и села напротив Хикса.

— Как вы считаете, что эти новые сведения значат для моей дочери?

— Ты действительно хочешь поговорить об этом, Алекс? — спросил меня Чавес тоном заботливого отца, старающегося оградить своего ребенка от неприятностей.

— Я просто не могу обойти эту тему... не могу и все.

Хикс сделал долгий глубокий вдох, чтобы выиграть время и обдумать ответ.

— Он использовал девочку как козырь, а это значит, велика вероятность, что она все еще жива и является неотъемлемой частью этого... спектакля.

— Что произойдет, если мы отменим парад? — спросил Чавес.

— Он убьет мою дочь и выберет другую цель, и тогда мы уже никак не сможем его остановить.

— Согласен, — кивнул Хикс.

Я несколько секунд разглядывала папку и размышляла, что же упустила.

— А среди его жертв были женщины?

— Нет.

— Тогда зачем он похитил мою дочь? Большинство серийных убийц страдают от сексуальных расстройств. Для них убийства — это власть над тем, что в их извращенном понимании представляет жертва. Если он все время убивал исключительно мужчин, то значит, желание, которое он утоляет во время убийства, можно удовлетворить, только убив мужчину, но тогда зачем ему Лэйси?

— Чтобы воздействовать на вас.

Хикс говорил о той сделке, которую, как считал Габриель, он со мной заключил. Я могла спасти жизнь своей дочери или незнакомого мне человека.

— Но почему? Я же женщина, значит, уже не то.

— Возможно, вы с Лэйси и не должны быть жертвами, возможно, он задумал что-то другое.

— И что это, черт побери? — спросил Чавес.

Мое сердце *забилося* как бешеное, и я медленно вдохнула, чтобы успокоиться.

— Он хочет, чтобы мы довели его представление до логического конца.

Я взглянула на Хикса, и тот кивнул.

— Серийное убийство, показанное в прямом эфире и замаскированное под террористический акт. А мы с Лэйси каким-то образом будем в этом участвовать.

В комнате повисло тягостное молчание.

— Этого не произойдет, — твердо сказал Хикс. — Мы и раньше принимали все необходимые меры безопасности, а в этот раз сделаем даже больше. Мы знаем, как он выглядит, и не допустим, чтобы какой-то объект, в котором может быть спрятана бомба, приблизился к бульвару, где пойдет процессия, особенно к первым двум кварталам, откуда ведется трансляция.

— Может, завтра будет дождь, и все останутся дома, — сказал Чавес.

Хикс покачал головой:

— Нет, к полуночи небо прояснится, и шторм уйдет на восток. Завтра будет отличная погода.

— Прямо как на картинке, — тихо сказала я. — А что с теми телефонами, с которых он мне звонил?

— Оба раза с разных, причем и тот, и другой были украдены. Толку мало.

— Так что же мы будем делать в ближайшие двадцать часов? — спросил Чавес.

— У нас есть только две зацепки, — начал Хикс.

Я закончила за него:

— Во-первых, он собирается использовать меня, а во-вторых, нам известно, что он не намерен убивать себя.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Чавес.

— Серийные убийцы не склонны к самоубийствам. На самом деле они обычно боятся умереть. И пока их не поймают, они будут делать все, лишь бы выжить. Но есть и еще одна возможность, — сказала я с неохотой, словно слова вылетали из моего рта вопреки моей воле. — Неважно, что мы уже узнали о предыдущих преступлениях Габриеля или о том, что с ним сделали отец, мать, сосед или еще кто-то, что и послужило причиной отклонений, но есть одна вещь, которая все это перечеркивает.

— И что это? — уточнил Чавес.

Я посмотрела на Гаррисона и по его глазам поняла, что он знает, что я сейчас скажу.

— Все это неважно, если он шагнул на новый уровень, меняясь с каждым новым преступлением.

И тут зазвонил мобильник. Все начали хлопать себя по карманам, а потом посмотрели на телефон у меня в руке.

— Если это Габриель, то не говорите ему, что мы установили его личность. Если у вашей дочки и есть какие-то шансы, то мы сможем воспользоваться ими, только продолжая спектакль.

Я кивнула, сделала глубокий вдох, чтобы собраться, и ответила:

— Делилло.

— Лейтенант, вам понравился костер?

Габриель говорил все тем же бесстрастным голосом, который мог принадлежать либо человеку, четко взвешивающему все свои действия, либо безумцу. Но в обоих случаях результат тот же. У меня возникло чувство, что меня только что окунули в прорубь.

Я обвела взглядом всех присутствующих и кивнула.

— Не нужно было этого делать, Суини не мог тебя опознать.

— Всегда нужно быть осторожным.

— Но он не должен был умирать.

Габриель засмеялся, если можно назвать эти звуки смехом. Они вырывались из тех уголков его души, где хранились самые безумные идеи и мечты.

— Все должны умереть.

— Почему?

— Потому что вы слабы и вас нужно наказать.

— Я хочу поговорить с моей дочерью.

— Нет, нет, — сказал он тоном рассерженного отца. — Лучше скажи ФБР, что они просто сопливые ребятишки и я исправил все свои ошибки.

Он повесил трубку. Во мне поднималась волна злобы, и я с трудом удержалась, чтобы не стукнуть телефоном об стол.

— Что он сказал? — спросил Хикс.

Я быстро воспроизвела слова Габриеля в голове, пытаюсь расшифровать их значение.

— Он сказал, что исправил все свои ошибки.

— А что, черт побери, он имел в виду? — спросил Чавес.

Я посмотрела на Гаррисона.

— Какие еще ошибки?

— Убил Суини, наверстав упущенное.

— «Ошибки». Во множественном числе. Какая вторая?

— Если Габриель намекает на что-то, неизвестное нам, тогда для нас эта фраза бессмысленна.

— Нет, в этом случае он не стал бы мне ее говорить. Он хочет от нас реакции. Хвастается. Значит, совершил что-то еще.

Гаррисон покопался в памяти, отматывая назад кровавые события последних сорока часов.

— Трэйвер, можно ли считать ошибкой то, что он выжил?

Я покачала головой. Габриелю плевать на Трэйвера. Бомба в бунгало сработала. Та ошибка произошла не по вине Габриеля, просто Трэйвер взял и вошел в дверь вместо Суини. Нет, он «исправил» что-то другое.

— Только двое свидетелей могут опознать Габриеля. Но он говорил не о Лэйси, поскольку в случае ее смерти лишился бы власти надо мной. Остается Филипп Жэне.

— Но если мы правы насчет Филиппа, то Габриель оставил его в живых, чтобы у нас было описание его внешности, — сказал Гаррисон.

Что же мы упускаем? Логика, за которую мы так упорно цеплялись в наших рассуждениях, была правильной, но я упускала нечто, написанное мелким шрифтом. Я посмотрела на Гаррисона.

— Что ты сказал о причинах его поступка?

— Он хотел, чтобы у нас было описание...

— Ага, вот оно.

— Что «оно»? — уточнил Чавес.

— Габриель хотел, чтобы у нас было описание, и Филипп дал его нам.

— И что? — спросил Хикс.

— А то. Теперь Габриелю припишут все его преступления, он — само воплощение зла. Хикс кивнул.

— Но взять на себя преступления и оставить в живых свидетеля, который может тебя опознать, — это две большие разницы. Филипп и Лэйси — единственные, кто знает его в лицо и может опознать. Мы знаем, что на мою дочку у него другие виды. Остается только Филипп. — Я повернулась к Хиксу: — Где вы его держите?

— Филипп на нашей явочной квартире в долине, где мы селим свидетелей, находящихся под нашей защитой. Его охраняют наши ребята, так что он в безопасности.

— Габриель сказал, что ФБР — сопливые ребятишки, почему?

— Нет, он не мог обнаружить Филиппа, так что там все в порядке.

— Но Суини-то он обнаружил.

— Это невозможно...

— Хикс, Габриель похож на восьмиклассника с коэффициентом умственных способностей двести. Он думает, что все остальные ученики собрались лишь для его удовольствия, чтобы играть с ними и мучить как лабораторных крыс. А учителя немногим лучше деревенских дурачков, и ими можно манипулировать и выводить из себя, чтобы получить то, что он хочет. Вы же видели, на что он способен. Габриель убивает, потому что это доставляет ему удовольствие. Он доказал, что может перевоплощаться в кого угодно и во что угодно. Какие вам еще нужны доказательства, чтобы понять, что он оставил нас далеко позади.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга.

— Так вы уверены, что с Филиппом все в порядке?

Стальная решимость во взгляде Хикса смягчилась. Он молча кивнул, достал мобильник и набрал номер.

— Это Хикс. Я хочу поговорить с Филиппом. Да, приведите его... постучите и разбудите. Да, немедленно.

Я пошла к окну, чтобы сделать глоток свежего воздуха.

— Что?! — спросил Хикс таким тоном, словно не расслышал собеседника. Я повернулась и увидела, что его упрямая самоуверенность улетучилась. А взгляд стал как у человека, которому только что объявили, что у него рак.

— О боже, — прошептала я одними губами.

— Не входить! Опечатать помещение! — заорал Хикс в трубку. — Дождитесь отряд по обезвреживанию бомб. Да, мать твою, ты правильно меня понял! Ждите!

Хикс стоял, не двигаясь, не в состоянии переварить услышанное, а потом заговорил, избегая смотреть нам в глаза.

— Дверь в комнату Филиппа заперта. Один из агентов вышел на улицу и обнаружил открытое окно. Через щель в занавеске он частично разглядел кровать. На ней следы крови.

Он посмотрел на меня с изумлением. Это был взгляд ребенка, который только что увидел что-то невообразимое, что лежит за пределами его понимания.

— Филипп исчез.

16

Мы с Гаррисоном вырулили из автопарка на новом автомобиле без полицейской символики, который заменил обуглившийся «вольво», и поехали вдоль долины Сан-Фернандо по сто первой автостраде к явочной квартире ФБР. На бульваре Ван-Найс мы повернули на север, проезжая квартал за кварталом магазины по продаже автомашин, украшенные тысячами рождественских гирлянд и огромными шарами с изображением Санта-Клауса и обещающими скидки, скидки, скидки на английском, испанском и армянском. Перед одним из магазинов трое продавцов в костюмах волхвов заманивали покупателями предложением расплатиться за купленный автомобиль только на Пасху.

Глядя на эту сюррную картинку, я не могла отделаться от мысли, что Габриелю тут самое место.

В трех кварталах от последнего автосалона начинались жилые районы, которые как спрут раскинули щупальца по всей долине, пока не осталось ни одного свободного клочка земли. Здесь живут почти полтора миллиона человек. Отличное место, чтобы кого-то спрятать. По крайней мере, так думали агенты ФБР.

Филиппа разместили в маленьком одноэтажном домике на тихой улочке. Густая трава на лужайке. Заборчик. Клумба с розами. Живая изгородь из розмарина. Плакучая ива заслоняла от солнца фасад домика, к входу вела извилистая дорожка, вымощенная кирпичом. Если бы на дорожке не было шести фэбээровских седанов, то создавалось бы впечатление, что домик перенесся прямоком из какого-то городка в Индиане, где никогда не происходит ничего из ряда вон выходящего.

Филипп занимал маленькую комнату в дальней части дома. Два окна выходили на обнесенный забором задний двор с овальным бассейном и узкую улочку. Одно из окон открыто, пластиковая сетка разрезана крест-накрест. Два агента ФБР дежурили в доме, но ничего не слышали.

Я прошла в комнату, как только офицер отряда по обезвреживанию бомб сообщил, что взрывных устройств не обнаружено. Судя по всему, ее когда-то занимал подросток, скорее всего мальчик. На стенах, там, где были приклеены постеры, остались квадратики скотча. Рядом со шкафом вся стена была в дырочках от дротика, которые попадали мимо цели. Безликая мебель, взятая в аренду, создавала впечатление номера в мотеле, а не дома.

На простынях осталось пятно крови — алая полоса около тридцати сантиметров длиной. Похоже, это след от раны на руке, когда несчастного волокли с кровати, а он пытался защититься. Рядом с кроватью все еще стояли ботинки Филиппа, там, где он их снял перед сном. Это все, что от него осталось.

Присутствие Габриеля все еще мрачной тенью нависало над комнатой. Он был здесь, крадущийся хищник, играющий в смертельную игру. Я думала, что понимаю, что такое жестокость. Я видела мужей, убивших своих жен только за то, что на полу валялось грязное белье, друзей, расправившихся с друзьями, просто случайных людей, направивших пистолет на кого-то, кого они никогда в жизни не видели, только потому, что у этого «кого-то» в руках были деньги. Но это сознательное зло было выше моего понимания. Оно не основывалось на ненависти, гневе или поруганной любви. Ни одна из обычных, пусть и страшных причин, по которым мы лишаем друг друга жизни, здесь не применима. Габриель — ваш ночной кошмар, сидящий в машине, остановившейся рядом с вашей на красный свет, которому вы боитесь взглянуть в глаза, безликий незнакомец, приближающийся к вам по темной улице. Он везде. Он заставил меня бояться вещей, которых я не понимаю. Дрожать от страха от того, что рисовала моя фантазия.

Хикс вошел и встал со мной рядом, растерянно озираясь.

— Как можно вытащить кого-то в окно против его воли, так, чтобы двое агентов ФБР за стенкой ничего не услышали? Как, черт побери, это возможно?

Я посмотрела на кровавые следы на разрезанной оконной сетке. Картинка начала собираться в единое целое, словно вспышки высвечивали крошечные кусочки истории, произошедшей в темной комнате. Я посмотрела на кровать и увидела, как Филипп пытается заснуть, ища спасения от произошедшего с ним кошмара. Он ворочается в постели, иногда забывается, но ненадолго. Небольшое облегчение. Ночь напоминает медленно сгорающий фитиль.

Звук разрезаемой занавески практически не слышен. Словно вдалеке кто-то расстегивает молнию в темноте. Если *Филипп* и слышал его, то не обратил внимания, поглубже зарывшись в подушку. Тут он почувствовал запах дешевого одеколона. И сразу же понял, в чем дело. Он попытался повернуть голову, закричать, но замер от ужаса. Волю у него уже украли, не оставив ни капли, словно отсекли ее скальпелем.

Хикс подошел к окну, провел пальцем по разрезанной сетке, а потом покачал головой, не веря своим глазам.

— Как такое возможно, черт побери? Почему Филипп не закричал?

— Не думаю, что он был в состоянии.

— Почему нет?

— Его сковал ужас, — прошептала я.

Хикс повернулся и окинул взглядом комнату, пытаясь найти причину там, где ее не было.

— Габриель мог бы убить его прямо здесь. Почему же он его похитил?

Я задумчиво покачала головой:

— Чтобы показать нам, что он может.

— Вы о нем слишком высокого мнения.

— Нет, это не так.

— Что тогда?

— Я его боюсь.

Хикс посмотрел на меня и покачал головой. Понятия «страх» официально не существовало в словаре, одобренном ФБР. Копы типа меня могут бояться. Но фэбээровцы стоят плечом к плечу и пышут решительностью бороться с любым врагом. Хикс отвернулся и посмотрел на окно.

— И что он собирается с ним сделать?

Мне не хотелось об этом думать, поскольку, возможно, ответ будет тем же самым, что и на вопрос о моей дочери. И я просто не могла это себе представить.

— Габриель будет использовать Филиппа, пока он ему нужен.

В комнату вошли два криминалиста и начали наносить дактилоскопический порошок на оконную раму. Бесполезно. Мы найдем только то, что Габриель хочет, чтобы мы нашли. Кровавый отпечаток руки на белой простыне, открытое окно, пустая комната.

— Кто знал про эту явку? — спросила я.

— Никто. Мы снимаем жилье анонимно и используем только один раз. Хозяева даже не знают, для чего нам дома.

— Филипп кому-нибудь звонил?

Хикс покачал головой.

— Нет, это запрещено.

Он сжал руку в кулак и отвел его назад, словно собирался стукнуть по стене.

— То, что здесь произошло, это немыслимо.

— Агент Хикс, за последние двадцать четыре часа я поняла, что категории «невообразимого» и «возможного» не так уж отличаются друг от друга.

— Когда вы его привезли сюда? — спросила я.

— В начале одиннадцатого. Он выпил кока-колы и вскоре пошел спать.

Я потопталась около дверей, понимая, что мое восприятие места преступления неполно. Но что я упускаю? Это напоминало ребусы из журнала «Хайлайт», где в одном рисунке прятался другой.

— Какие-то еще окна открывались вчера вечером?

— Какая разница? Преступник проник через это.

— Оно взломано?

Хикс покачал головой:

— Судя по всему, нет.

— Значит, оно уже было открыто?

— К чему вы клоните?

— Вчера вечером было холодно. Почему же Филипп открыл окно?

— А вы что, не спите с открытым окном?

— Да, но под одеялом. А здесь одеяло все еще свернуто, им не пользовались.

— Может, Филипп вообще не ложился.

— Тогда как вы объясните кровавую полосу на простыне?

Хикс посмотрел на кровать. Пятно начало менять цвет, становясь кофейным. Хикс несколько секунд рассматривал его, словно пытался расшифровать изящную японскую каллиграфию.

— Вы что, полагаете, что он сам открыл Габриелю?

— Я ничего не предполагаю, я просто рассуждаю.

— Но зачем ему пускать в комнату человека, который несколькими часами раньше привязал к нему бомбу и оставил умирать?

— Не знаю.

Я подошла к окну и выглянула во двор. Дно маленького бассейна было выкрашено темной краской, из-за чего вода казалась раной в земле. Это напомнило мне о смоляных ямах в Голливуде, которые заманивают жертву обещанием воды, а потом медленно затягивают ее в свои недра, лишая жизни. По моим рукам пробежала легкая дрожь. Такое впечатление, что

я смотрю на портрет Габриеля. Он был рядом, маня меня к себе, чтобы затянуть на дно.

17

Как и предсказывали метеорологи, шторм, принесший с собой дождь, двинулся на восток, через горы в пустыню. Лоскутки голубого неба проглядывали сквозь облака, как дырки в разорванном одеяле. Завтра будет чудесный день: горы в снежных шапках, бульвар Колорадо, украшенный мечтами всех мыслимых оттенков.

Гаррисон притормозил перед домом Филиппа в Голливуде. На асфальте валялись клочки промокших газет и полиэтиленовые мешки. Уличный торговец-мексиканец, похожий на индейца майя, нес на палке мешки с сахарной ватой, напоминающей букеты розовых цветов.

Мы поднялись по ступеням вверх. Жизнь здесь снова шла своим чередом. Те же запахи специй, просачивающиеся из-под дверей. Та же грохочущая музыка. Те же сердитые голоса, ругающиеся на армянском, арабском и испанском в конце длинного темного коридора. Кошмар Нового Света.

Дверь в квартиру Филиппа агенты ФБР опечатали своей фирменной лентой, которая извещала, что любого нарушившего границу ждет наказание. Кто-то написал на ней имя своего земляка флуоресцентной оранжевой краской. Я оторвала ленту и вошла внутрь.

В комнате все перевернуто вверх дном. Все улики, связанные с Габриелем, изъяты. А то, что осталось, покрыто дактилоскопическим порошком. Единственное, что осталось нетронутым, — стул, на котором сидел Филипп с бомбой на коленях.

Это единственное место, о котором мы могли с уверенностью сказать — здесь Габриель провел какое-то время. И я, узнав о нем много нового, тешила себя слабой надеждой, что мы заметим какую-то деталь, которую пропустили, думая, что ищем террориста, а не серийного убийцу. Я снова мысленно воспроизвела события, произошедшие в этой комнате.

Филипп выжил потому, что Габриель хотел, чтобы мы узнали, что это он. Но как он мог быть уверен, что в комнату войдет кто-то, разбирающийся в бомбах, например Гаррисон, и сможет обезвредить взрывное устройство? Габриель слишком умен, чтобы полагаться на волю случая.

- Как можно гарантировать, что получишь именно тот результат, который хочешь?
- Очень просто, — буркнул Гаррисон, — просто исключить все остальные варианты.
- И как же Габриель исключил все остальные варианты в этой комнате?

Мы молча огляделись.

- Ты думаешь, это возможно, что Филипп заодно с Габриелем?

Гаррисон посмотрел на меня с удивлением, а потом взглянул на стул, словно воспроизводил события.

— Вы имеете в виду, можно ли сделать такой вывод по тому, как сконструирована бомба, или по взгляду Филиппа, когда таймер отсчитывал время назад?

- И то, и другое.

Он прикоснулся к верхней губе, как будто теребил воображаемые усы.

- То, что я прочел в его взгляде, было настоящим.

— А бомба?

- Очень простенькая.

— Если в бунгало Суини бомба была довольно изощренной, то почему в этот раз он изготовил настолько, как ты говоришь, простенькую?

— Ну, здесь особых изысков и не требовалось. Главная цель — убить человека, неподвижно сидящего на стуле.

- Но она не должна была его убивать.

— А как доказать обратное?

- Исключить все остальные варианты.

Гаррисон наклонил голову набок, словно решил рассмотреть мою идею под другим углом.

— Если бы я не обрезал провод, она бы взорвалась.

— Но если бы тебя не было вовсе, Филипп смог бы сам остановить механизм?

Гаррисон покачал головой. Да, это все равно что жонглировать тающими кубиками льда.

— С таким же успехом можно задать вопрос, какого цвета зебра — черная в белую полосочку или наоборот. Все зависит от того, как посмотреть.

— Но если бы Филипп обладал необходимыми знаниями, это было бы возможно.

— Если бы он знал, как... Да, возможно. Но мы так и не ответили на вопрос «зачем».

— Затем, чтобы мы получили описание Габриеля, — сказала я.

— Но Филипп мог бы предоставить нам описание и без всяких фокусов с бомбами.

— А мы бы ему поверили? Зато если превратить Филиппа в живую бомбу, он сразу начинает вызывать доверие.

— Но зачем?

Я видела, как в его взгляде промелькнул ответ на его же вопрос.

— Ложное описание.

Я кивнула.

— Правда, оно сходится с описанием, полученным французской полицией.

— Значит, мы пришли к тому, с чего начали.

— Да... что нам просто повезло.

Я оглядела печальную комнатку. Где-то в здании яростно лаяла собака и бросалась на дверь, мимо которой кто-то проходил.

Я подошла к дешевенькому комоду, стоявшему в углу. Все ящики выдвинуты, и содержимое раскидано по полу. Но осмотр одежды не давал ничего, кроме того что Филипп отоваривался в «Gar». Над комодом, на зеркале, была прикреплена рамочка с шестью фотографиями Филиппа. Я вытащила одну. На ней Филипп стоял перед большим белым зданием. На его губах играла таинственная улыбка. Это напомнило мне снимок Лэйси под секвойями. Я сняла и остальные фотографии и сунула их в карман на случай, если потребуется опознание.

— Если он еще не умер, то, скорее всего, очень жалеет об этом, — тихонько сказала я.

Я выглянула в окно. Через прорехи в облаках пробивался тусклый свет заходящего солнца. Солнечный луч нарисовал блеклый розовый квадрат на окне дома напротив, расположенного меньше чем в десяти метрах. Я видела, как мать баюкает в руках ребенка, тихонько раскачивая его туда-сюда, словно они плывут по волнам.

— Почему ценность некоторых вещей понимаешь, только потеряв их? — спросила я.

Гаррисон выглянул в окно, увидел мать с ребенком и практически сразу отвернулся, словно ему неловко было вторгаться в их жизнь. Я подумала, что ему трудно смотреть даже на чью-то чужую любовь с тех пор, как он потерял жену.

— Мой муж умер уже после того, как наша любовь постепенно поблекла и исчезла, но для Лэйси все было по-другому. Я изо всех сил пыталась понять ее потерю, но не могла. И это только оттолкнуло ее еще больше.

Я еще пару секунд смотрела на мать с ребенком, а потом отвернулась от окна.

— Вроде бы человек, который занимается расследованием убийств, должен лучше понимать, что такое потерять близкого, чем я...

Наши взгляды на мгновение встретились, но потом Гаррисон отвел глаза и посмотрел на стул, где сидел Филипп.

— Прости, от моего нытья толку мало, — сказала я. — Просто... — и оставила мысль улететь неоконченной.

Он покачал головой, словно говоря «ничего, все в порядке», а глаза снова выхватили какой-то отрезок воспоминаний.

— Я не думаю, что мы можем до конца понять горе другого человека, мне кажется, так

и задумано.

Мы помолчали несколько секунд. Я пыталась снова вернуться к расследованию, снова очутиться среди руин, оставленных после себя Габриелем. Было уже начало шестого. У Лэйси осталось меньше пятнадцати часов. И если я хочу снова обнять ее, то нужно собраться, чтобы я могла делать свою работу. Но это так трудно. Мне хотелось снова пережить детство Лэйси, шаг за шагом, исправить все ошибки, которые я совершила. Часть меня хотела верить, что если я реконструирую ее жизнь, то смогу изменить то, что произошло за последние сутки.

Но я прекрасно понимала, что это невозможно. Потому что я не могу себе этого позволить, стоя в этой комнате. Если и есть вопросы, то они именно здесь — это единственное место, где я могла во всем разобраться. Мне всегда казалось, что место преступления — одно из немногих в этом мире, которое стремится к абсолютной ясности. Возможно, вы не найдете доказательств немедленно, но все, что преступник оставил после себя, так же четко рисует картину содеянного, как если бы вы имели описание на бумаге. Кровь, кости, кожа, температура тела, волосы, волокна ковра, ДНК, траектория полета пули, взломанный замок, угол раны, положение тела... Все это говорит языком неоспоримой истины.

Я еще раз оглядела комнату в надежде, что увижу какую-нибудь упущенную улику. Но если она и была, то избегала меня.

— Если бы ты давал характеристику Габриелю прямо сейчас, исходя из известных нам сведений, с чего бы ты начал?

— Незаурядный ум.

Я кивнула.

— Когда мы выяснили, что Габриель не террорист, то я испугалась, потому что решила, что он еще опаснее.

— Ага.

— Но раз он серийный убийца, значит, больше шансов, что он ошибется.

— Почему?

— Около двадцати или тридцати процентов убийств так и остаются нераскрытыми, но в случае с серийными убийцами эта цифра составляет всего лишь десять.

— Почему?

— Что идет рука об руку с блестящим умом?

Гаррисон подумал секунду и ответил:

— Эго.

Я кивнула.

— Габриель уверен, что он находится на самой вершине пищевой цепочки. Он может убить любого и в любое время совершенно безнаказанно. Проходя в толпе, он знает, что любой человек, проходящий или проезжающий мимо него, — это потенциальная жертва. И они живы лишь потому, что это он дал им шанс и дальше жить. Ты только подумай, какое ощущение власти это дает ему.

— Крепость божья, — сказал Гаррисон.

— А все мы — его добыча. Хищник, которому нет равных, менее всего боится свою жертву, которую он вот-вот разорвет на клочки, вот почему в какой-то момент он обязательно ошибется. Он забудет об опасности и допустит какую-то небрежность именно потому, что не верит, что мы способны его раскусить.

— Боги не ошибаются.

Именно за этим я пришла в комнату. Пускай мы не нашли никаких улик, зато вдалеке забрезжила надежда.

— Но одно мы знаем о Габриеле точно.

— И что же?

— Он не бог.

Когда мы стояли на крыльце дома покойного Дэниела Финли и звонили в звонок, на город уже опускалась темнота. Суини, перед тем как он заживо сгорел в моей машине, успел сказать нам, что был знаком с женой своего босса — деталь настолько крошечная, что могла бы показаться незначительной, если бы миссис Финли не отрицала факт знакомства во время нашего первого визита. Если она солгала насчет такой мелочи, то, возможно, обманывала и в большем, что могло бы привести меня к Лэйси.

Когда миссис Финли открыла нам дверь на цепочке, то я увидела ее болезненную бледность, как на выцветшей фотографии девятнадцатого века. Ее усталые пустые глаза остановились на мне, но у меня возникло впечатление, что они не в состоянии воспринимать информацию.

— Я бы хотела увидеть ваши значки, — сказала она напряженным от страха голосом.

Я достала значок и показала ей.

— Мы были у вас вчера.

Через щель мне было видно, как тускло поблескивает стальное мачете в ее правой руке. Оно казалось до смешного огромным в ее миниатюрных хрупких пальчиках. Вряд ли у нее хватит силенок даже, чтобы разрезать им апельсин.

— Вы меня помните?

Она кивнула, но выражение лица осталось тем же.

— Опустите, пожалуйста, оружие и откройте дверь, чтобы мы могли поговорить.

Миссис Финли замаялась, а потом поставила мачете в подставку для зонтов, закрыла дверь и сняла цепочку.

Воздух в доме был спертый и безжизненным, как в закрытом чулане. На обеденном столе куча пустых папок и ящиков, в которых порылись детективы во время обыска. Я заметила, что в оконную раму криво вбиты несколько здоровенных гвоздей, очевидно, чтобы закрыть их наглухо. На темном дубе виднелись следы молотка.

— Я не понимаю, почему они ничего не убрали за собой, — сказала миссис Финли, глядя на беспорядок на столе. При этом она продолжала идти маленькими шажочками, как будто стоять на месте опасно.

— Вы чего-то боитесь, миссис Финли? — спросила я.

Ее взгляд скользнул к окнам и обратно.

— Ну, береженого Бог бережет.

— Вы заколотили окна и расхаживаете с мачете в руках.

Миссис Финли вскинула руки и схватилась за грудь.

— Мой муж убит, — тихо заметила она, глядя куда-то вдаль.

— И не только.

Она потупилась и прошептала:

— И не только.

— Вы участвовали в деятельности, которую вел ваш муж?

Она все так же тупо смотрела в пол.

— Возможно, вы знаете что-то, что может нам помочь, и сами того не понимаете. Мне нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

— Ну, в колледже мы иногда устраивали всякие там акции, но по мелочи, короче, глупости всякие. Но я давным-давно перестала верить, что мы можем изменить мир.

— А в последнее время, миссис Финли? Вы знали о том, чем занимается ваш муж?

— Я уже отвечала на эти вопросы.

— И солгали.

Она вскинула голову, в ее глазах застыло нечто большее, чем просто скорбь.

— Вы участвовали в планах вашего мужа касательно Парада роз?

— Нет, у меня вообще не осталось с ним ничего общего...

И тут я узнала этот взгляд. Такое же выражение я видела в глазах своего мужа, очень-очень давно. Так выглядит любовь, когда на место светлого чувства приходит обман.

— Расскажите мне о временном сотруднике по фамилии Суини, — попросила я.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ложь никому не поможет.

Миссис Финли смотрела меня с вызовом, пытаясь спрятаться в свой панцирь, но тут он дал трещину и развалился как рухнувшее здание.

— Мы были вместе всего пару раз.

— Когда в последний раз?

Ей не хотелось отвечать, но потом в одном усталом выдохе выпустила остатки своей решимости.

— Позавчера.

— Где?

— Где и всегда, в мотеле на Колорадо.

Гаррисон посмотрел в мою сторону:

— «Виста Палмс».

Она молча кивнула.

— Я хотела порвать с ним... Для этого и пошла туда.

Ее глаза наполнились слезами, и она спрятала лицо в ладонях. Очевидно, ей не удалось справиться с этой задачей.

— А Суини принимал участие в том, что задумал ваш муж?

Миссис Финли покачала головой.

— Но почему вы завели роман именно с ним?

— Потому что он для меня ничего не значил. Потому что я злилась. Мне хотелось ударить своего мужа побольнее. Вам что, нужно на пальцах объяснять?

Она едва заметно качала головой.

— Что я наделала?

— Вашего мужа убили не потому, что вы изменили ему с Суини, — успокоила ее я.

Ее затравленный взгляд напоминал взгляд животного, запертого в клетке.

— Откуда вы знаете... откуда вы знаете, почему это произошло?

Я вытащила из кармана фотографию Лэйси и портрет Габриеля и положила на стол перед ней.

— Вы видели кого-то из них?

Миссис Финли посмотрела и покачала головой.

— Вы мне уже это показывали.

Она взяла в руки снимок Лэйси и уставилась на него:

— Это пропавшая девочка.

— Моя дочь.

Наши глаза на долю секунды встретились, а потом миссис Финли отвернулась, словно ей стыдно, прикрыла рот рукой, сдерживая вздох.

— Вы знаете что-то о деятельности вашего мужа, что могло бы мне помочь?

— Я...

— Хоть что-то?

Миссис Финли вздрогнула, словно я ударила ее тыльной стороной ладони. Она прижала колени к груди, начала раскачиваться в кресле взад-вперед и беззвучно что-то шептать.

Я посмотрела на Гаррисона, а потом убрала фотографию и рисунок в карман. Оглядев разруху вокруг, я ощутила волну гнева, поднимающуюся внутри. Я потратила зря драгоценное время на то, чтобы охотиться за дешевой изменой, пока сумасшедший удерживает мою девочку. Мне хотелось схватить миссис Финли и трясти ее, чтобы вывести из ступора. Нет, нельзя винить ее в произошедшем, но она сидела передо мной, и этого сейчас было достаточно.

Я направилась к двери, но остановилась.

— Вы можете вытащить гвозди из окон, миссис Финли. Если бы вы знали что-то полезное, то были бы уже мертвы.

То ли от злости, то ли от духоты у меня закружилась голова, и я поспешила выйти на улицу. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь прийти в норму, но земля уходила из-под ног. Рука Гаррисона мягко легла мне на плечо. Он довел меня до машины, усадил и опустил мою голову вниз, как обычно делают в случае шока.

— Дышите медленно и глубоко, — тихо сказал он.

С каждым вдохом мир обретал устойчивость. И тут я осознала, что у меня на плече лежит его рука, а пальцы нежно массируют шею. Господи... Я уже не помню, когда до меня кто-то дотрагивался последний раз. Мне хотелось прислониться к его руке и раствориться в прикосновении. Чтобы кто-то обнимал меня и шептал, что все будет в порядке. Я желала этих объятий с той же силой, как некоторые боятся темноты и жаждут света. Но вместо этого каждое движение его пальцев, казалось, бередило душу и напоминало мне о том, что у меня было и что я потеряла.

Я медленно подняла голову и откинулась в кресле. Гаррисон отдернул руку, словно только что обнаружил какую-то ценность, скрытую от его глаз несколько лет.

Я обернулась и посмотрела на дом. Дверь снова заперта на все засовы. Тень миссис Финли промелькнула за окном. Я представила, как она словно привидение бродит из комнаты в комнату, чтобы убедиться, все ли гвозди на месте.

— Интересно, она защищается от смерти или от любви.

Гаррисон бросил на меня нервный взгляд, хотя, по-видимому, он видел сейчас перед собой лишь руины своей прошлой жизни.

— Эти порывы трудно отличить друг от друга, — сказал он.

Он тоже посмотрел на дом, но для него картина была совершенно иной.

— Я тут подумал. — Он нахмурился. — Я тут подумал, что именно Габриель наемкнул служащему мотеля, что Суини ищет полиция. Он знал о его романе с миссис Финли, так что все, что было нужно, — это сесть ей на хвост.

Я кивнула.

— Если ты прав, то он мог бы убить его в любой момент, но позволил нам самим доставить бомбу. Мы для него игрушки.

Звонок телефона заполнил салон машины, словно крик. Я никогда не верила в то, что предметы могут быть воплощением зла. Но сейчас этот звук принес ужас. Как будто Габриель протянул ко мне руку и провел пальцами по ткани блузки. Я подождала несколько гудков, глубоко дыша, чтобы сердце перестало так бешено биться. Пусть во мне снова оживет самка гризли, подумала я. Не позволяй ему контролировать ситуацию. Я нажала кнопку и ответила:

— Да.

— Лейтенант.

Услышать его голос — все равно что вернуться в повторяющийся кошмар. Я закрыла глаза. Каждый мускул моего тела напрягся, словно я отчаянно пыталась удержаться на краю обрыва.

— Сегодня у вас будет бешеная ночь, — сказал Габриель. — У меня большие планы на вас и вашу дочку.

Я снова ощутила, как земля уходит из-под ног. Я соскользнула в пропасть и начала падать.

— У вас есть восемь минут, чтобы добраться до угла Маренго и Уоллис. Там есть школа. Если вы опоздаете, то я отрежу вашей дочери палец. А если приедете не одна, то отрежу два.

Его голос ускользал от меня, словно змея по траве, а потом связь оборвалась.

— Вылезай из машины, — приказала я Гаррисону.

Он с удивлением посмотрел на меня, а потом понимание озарило его взгляд, словно восходящее солнце.

— Он хочет, чтобы вы приехали одна.

Я кивнула.

— У меня есть восемь минут.

— Плохая идея.

— Не я пишу правила. А теперь иди, пожалуйста.

Гаррисон покачал головой.

— Я не могу отпустить тебя... то есть вас одну.

Ого, он впервые обратился ко мне на «ты», хотя не было времени заострить на этом внимание.

— Мне некогда спорить. Вылезай.

Гаррисон открыл дверцу и нехотя выбрался из машины. Я села за руль и завела мотор. Волна адреналина неслась по моему телу словно электрический ток. Сердце билось в груди, как сердитый кулак по столу.

— Оцепи три квартала по периметру вокруг угла Маренго и Уоллис и убедись, что внутри этого периметра нет ни одного полицейского, а не то... — Слова застряли у меня в горле. — Ты понял?

— Я все сделаю, — ответил Гаррисон.

Я посмотрела на часы. Прошло тридцать секунд. Я врубила сирену и мигалки, нажала на газ, развернула машину на сто восемьдесят градусов и помчалась на север. Я находилась примерно в четырнадцати-пятнадцати милях к югу от Уоллис и примерно в пяти-шести к востоку от Маренго, если ничего не путаю.

Я проскочила несколько перекрестков, едва замечая свет фар других машин, резко съезжающих на обочину, чтобы избежать столкновения со мной. Я была словно зашоренная лошадь. Мимо меня на полной скорости проносились обрывки изображения — смазанные цвета и нечеткие формы. Автомобильный гудок заглушил сирену. Я бросила взгляд вправо и увидела, как в нескольких сантиметрах от моей правой двери затормозил седан, а потом исчез в зеркале заднего вида.

Я повернула на Маренго, и тут впереди возникла преграда. Какая-то женщина переходила дорогу, толкая перед собой тележку с покупками. Она была одета в розовый пиджак и белые брюки, губы накрашены алой помадой. Темная кожа цвета скорлупы кокоса и женственная фигура с приятными округлостями, выдававшая в ней уроженку Мексики или Сальвадора, недавно приехавшую в Штаты. Но остановиться я не могла.

— Стойте! — заорала я, но женщина меня не слышала.

К тому моменту, как она увидела, что вот-вот произойдет, изменить ничего уже было невозможно. Женщина подняла руку ко рту, когда моя машина врезалась в ее тележку и подбросила ее в воздух. На мгновение время остановилось, пока я смотрела в изумленное лицо женщины, а потом снова рвануло вперед, когда пакет с продуктами приземлился на капот и открылся, окатив лобовое стекло фонтаном рисинок, скользивших по его поверхности словно снежинки.

Я снова нажала на газ и молча считала кварталы, пронесившиеся мимо. Еще пять, четыре...

Давай же, быстрее...

В трех кварталах от Уоллис я проехала мимо полицейского оцепления. Но лучик надежды, что Габриель даст мне возможность забрать мою девочку, погас. Полицейская машина на перекрестке была абсолютно бесполезным жестом, и я почувствовала себя жалкой из-за того, что не в состоянии нанести ответный удар.

На перекрестке меня подрезал синий пикап, и я завопила. Грузовик дернулся и остановился, и мне пришлось объезжать его, причем мои задние колеса съехали в кювет, а потом я снова оказалась на середине Маренго.

— Ты сукин сын! — заорала я, стуча по рулю.

Моя решимость закручивалась спиралью в бешенство, поглотившее меня с головой. Один недобросовестный водитель, один шаг, и моя девочка... Я не закончила эту мысль.

На углу с Уоллис я притормозила и выключила мигалки и сирену. Посмотрела на часы. Сколько времени осталось? Я не помнила. Секунд пятнадцать или меньше...

— Пожалуйста, — слетело с моих губ словно молитва, и я осмотрелась, чтобы сориентироваться.

На улице не было ни пешеходов, ни припаркованных автомобилей. Напротив остановка автобуса, а позади нее — школьная автостоянка. Справа целый квартал занимал городской парк. Вдалеке какая-то парочка выгуливала собаку.

Я почувствовала себя одинокой и уязвимой. Зачем он вытащил меня сюда? Пока я неслась как бешеная, думать на эту тему было некогда, но теперь отмахнуться от этого вопроса было невозможно. Я повертела головой в поисках какой-то причины. Что в этом квартале такого уникального? Чем он отличается от любого соседнего? Все казалось обычным, ничего из ряда вон выходящего.

Где-то вдалеке завывали сирены, и тут я услышала тихое треньканье телефона-автомата на противоположной стороне улицы.

Я пулей перелетела через дорогу и схватила трубку. Она запотела и была холодной, как рука трупа.

— Вы опоздали, — сказал Габриель.

В его голосе слышались нотки раздражения.

— Нет! — в отчаянии воскликнула я.

Я посмотрела на часы, пытаюсь определить, сколько телефон звонил, прежде чем я его услышала.

— У меня была включена сирена, я не слышала телефон, но была здесь.

— Никак вы умоляете меня, лейтенант?

— Я сделаю все, что ты хочешь.

— Шлюха.

— Нет, мать.

— А разве есть разница?

Ага, вот он крестик на карте его жизни, откуда, собственно, все и началось. Господи, помощи. Если бы это представление разыгрывалось на сцене, то оно скорее напоминало бы греческую трагедию, а не ночной кошмар.

— Ты хотел поговорить со мной наедине?

— Я мог бы убить вас прямо сейчас.

Я быстро окинула взглядом окна школы. На мгновение мне показалось, что по моему лицу скользит прицел, но страх исчез. Нет, так убивать он не станет. Габриель — пастор смерти, и я должна быть частью его ритуала. Он еще со мной не закончил.

— Давай, если это то, чего ты хочешь.

— Нет, у нас с вами уговор, так что я вас не трону.

— Нет у нас никакого уговора, у тебя моя дочь.

На другом конце провода раздался странный, какой-то животный смех.

— Посмотрите лучше под ноги.

— Что?

— Вниз посмотри!

По моему телу, словно вирус, расползлся ужас.

— Вот что случается с теми, кто мне лжет, — прошептал Габриель.

Я посмотрела под ноги. В тусклом свете виден был предмет, который не спутаешь ни с чем другим, — человеческий палец. Я почувствовала приступ дурноты и зажала рот рукой, чтобы справиться с шоком.

— Господи, — прошептала я, и мои глаза наполнились слезами. Нет, только не это...

— Это мог бы быть пальчик твоей дочери, но нет. Сейчас я как раз держу ее за руку.

Я вцепилась в трубку, стараясь не завизжать. Я отгоняла от себя мысль о том, что его пальцы сейчас обвиваются вокруг дочкиной руки, но не могла. Колени подогнулись, но я ухватила за край кабинки и удержалась.

— Этот палец принадлежит мусору, который я увел из-под носа ФБР.

— Ты... — Я проглотила остаток фразы. Играй в его игру, велела я себе, играй до

конца. До того момента, как я его убью и отправлю обратно в преисподнюю, откуда эта тварь выползла.

— Так вы уже решили? — спросил Габриель.

— Решила что?

— Мы партнеры? Вы собираетесь спасти жизнь дочери или незнакомца, который ничего для вас не значит.

Я сделала глубокий вдох и с силой выдохнула.

— Так решили или нет?

— Нет, — почти беззвучно прошептала я.

— Значит, решите попозже.

— Нет.

Казалось, он засмеялся, словно я ответила именно так, как было записано у него в сценарии.

— Лейтенант, вы даже понятия не имеете, что сделаете для меня.

Раздались короткие гудки. Трубка выпала из моих рук, и я отпрянула от лежащего под ногами отрезанного пальца. Мне хотелось верить, что я просто стараюсь не дотрагиваться до улики, как и положено по инструкции, но на самом деле я была в ужасе. Я быстро огляделась, нет ли где каких движений, но заранее знала, что ничего не увижу. Габриеля здесь не было. Никто не целился в меня. Он хотел, чтобы я приехала одна ради одной-единственной цели — чтобы усилить чувство ужаса. Он разжаловал меня из полицейских в испуганную женщину, одну на темной улице.

— Ах ты ублюдок, — прошипела я, с трудом выговаривая слова. — Это последний раз...

Меня практически трясло от злости. Я сделала вдох и задержала дыхание на секунду, и еще раз, и еще...

После этого я полезла за мобильником, но остановилась. Мои глаза снова замерли на отрезанном пальце. Я что-то упускаю. Что здесь только что произошло? Габриель ничего не делал просто так. У всего своя причина, даже у мелочей. Я повторила про себя его слова. «Этот палец принадлежит мусору, который я увел из-под носа ФБР».

Я подошла и села на корточки, чтобы лучше изучить палец. Он был отрезан очень аккуратно, как будто скальпелем. Рана покрылась темным слоем крови, которая уже начала запекаться. Под ногтем полоска грязи. Судя по всему, это указательный палец. Он лежал на асфальте так, словно показывал на школу позади меня. Я повернулась и посмотрела на школьный двор за забором, но ничего не увидела, кроме пустой парковки.

Я двинулась вдоль забора к воротам, расположенным метрах в тридцати с правой стороны. Они были заперты, но цепочка висела, поскольку одно из звеньев было рассечено так же аккуратно, как и палец. Я сняла бесполезную цепочку и открыла ворота. Между двумя зданиями метрах в тридцати на темной парковке виднелся отблеск света, который я видела и из телефонной будки. Я вытащила мобильный и набрала Гаррисона. Он ответил после первого гудка.

— Вы в порядке?

— Да, не думаю, что он здесь, но не снимай оцепление, пока я не позвоню.

Я повесила трубку и пошла по парковке к непонятному источнику света. Хруст гравия под ногами выдавал мое присутствие, как будто я шла по битому стеклу. Откуда-то из темноты пересмешник исполнил несколько своих песен, напоминающих завывания автосигнализации. Моя рука сама по себе скользнула к рукоятке пистолета. Между двумя зданиями начиналась аллея, ведущая к служебному входу, расположенному на расстоянии пятнадцати метров. В конце этой аллеи под светом галогенной лампы стоял мусорный контейнер.

Ни одно из окон школы не выходило на эту аллею, и кроме прохода между зданиями, где стояла я, был только один выход — служебные ворота.

— Мусор, — прошептала я, повторяя за Габриелем.

Я потянулась было за сотовым, но тут тишину ночи нарушил стук винтов полицейского вертолета, который начал кружить в темноте.

Я вытащила пистолет и пошла по аллее. Когда я дошла до контейнера, оттуда выскочили несколько жуков размером с мышь и нырнули в канализацию. В радиусе полутора метров в воздухе висел тошнотворный запах гниющего мусора. Я слышала, как внутри сотни крошечных лапок шуршат по бумажкам и стенкам бака. Подняв пистолет, я потянулась к пластиковой крышке, неплотно закрывавшей мусорку. Я приподняла ее, и тут же что-то побежало по кончикам пальцев. Я рывком открыла крышку и наставила пистолет. Полчище мух пронеслось мимо моего лица, и поднялась волна зловония. Я, не выдержав, сделала шаг назад.

Казалось, что дно контейнера движется, поскольку сотни тараканов сновали туда-сюда, ища себе пропитание в упаковках из-под обедов, промокших коробках из-под пиццы и пустых банках из-под газировки.

Тело стояло на коленях, чуть накренившись вперед. Руки связаны за спиной серебристым скотчем чуть выше локтя. Огромная рана зияла на шее, демонстрируя сухожилия, мускулы и позвонки, которыми когда-то крепилась к телу отрубленная голова жертвы. Указательный палец на правой руке отсутствовал. На дне контейнера практически не было крови, значит, несчастного убили где-то в другом месте, а потом уже привезли сюда. Я узнала голубую футболку и джинсы Филиппа. Через живой ковер насекомых я видела, что его ноги босы. Ну да, ведь Габриель вытащил Филиппа через окошко уже без ботинок.

Я отошла и посмотрела на улицу. Надежда, что я спасу Лэйси, за которую я так отчаянно цеплялась, растаяла в одно мгновение. Я сунула пистолет в кобуру и снова набрала Гаррисона.

— Совершенно преступление, — сообщила я раньше, чем он смог хоть что-то сказать. — Филипп мертв.

Я повесила трубку и пошла к машине, но остановилась, не пройдя и трех метров. Господи. Передо мной возникла картинка, словно первый тусклый свет восходящего солнца постепенно стирал остатки ночи. Я оглянулась и посмотрела на контейнер. Разве такое возможно? Нет, я не могу ошибаться. Я слишком хороший полицейский.

Я вернулась и снова заглянула внутрь, изучая серебристый скотч на руках жертвы. Этого не может быть. Но я права. Темное эхо испытанного ранее ужаса поднялось в памяти, словно приглушенный крик. Я уже видела это раньше.

18

Гаррисон подошел к контейнеру осторожной походкой человека страдающего боязнью высоты, которого заставляют приблизиться к краю обрыва. Подойдя на достаточно близкое расстояние, он слегка наклонился вперед и уставился на работу Габриеля с кровожадным любопытством, как зритель, рассматривающий страшную сцену на полотне Иеронима Босха.

Зрелище человеческого тела с отрубленной головой казалось нереальным. Я всегда считала, что существует некий защитный механизм, который мы с давних времен носим в себе и который отвращает нас от нанесения увечий, что некогда являлось чуть ли не ежедневным занятием.

— Я никогда не видел... — начал Гаррисон, но не закончил, а потом тихо добавил: — Как будто ненастоящее...

— Когда у тела нет глаз и головы, то у нас с ним мало общего, а то, что осталось, напоминает пустую комнату, в которой много лет никто не жил, — сказала я.

Я заметила, как глаза Гаррисона скользнули вдоль рук Филиппа к его ладоням, одна из которых все еще была сжата в кулак, как будто боль была настолько велика, что рука отказывалась разжаться и выпустить ее.

— Кроме рук, — сказал Гаррисон. — Руки все еще такие же, как у нас.

Он прав. После взгляда следующее, что дает ощущение жизни, — это прикосновение.

От мягких пальчиков младенца до морщинистой и тонкой, как папиросная бумага, кожи бабушкиной руки. Руками мы держим, дотрагиваемся, творим и даже разрушаем. И когда наш голос дрожит или слов недостаточно, мы говорим руками.

Гаррисон отвернулся и посмотрел на меня, слегка прищурившись:

— Вы увидели нечто особенное?

— Посмотри, как связаны руки выше локтя.

Он снова взглянул на серебристый скотч, прижимающий руки практически вплотную.

— И что?

Гаррисон еще несколько секунд изучал тело, а потом повернулся, поняв, что я имею в виду что-то другое.

— Это что-то для вас значит, да?

Я кивнула.

— Думаю, это значит, что Габриель допустил свою первую ошибку.

Он покачал головой:

— Не понимаю.

— Полтора года назад мы обнаружили тело бездомного в овраге у подножия холмов. Мы так и не смогли установить личность убитого, так что по делу он проходил как Неизвестный.

— Вы думаете, есть какая-то связь?

— Он стоял на коленях с перерезанным горлом, руки точно так же связаны скотчем. И эта деталь была непонятна. Зачем вообще убивать бродягу? Но не было никаких привязок к другим делам.

Гаррисон задумался, словно пытался перекинуть мост от одной смерти к другой через реку шириной почти в два года, а потом покачал головой.

— Если верить Филиппу, Габриель приехал в страну только пару недель назад.

— Но он исчез из Франции два года назад.

— Вы полагаете, что Филипп ошибся.

— Или солгал, или же Габриель солгал ему.

— Только по тому, как связаны руки.

Я снова посмотрела на тело в мусорном контейнере.

— Я расследовала около двухсот убийств, примерно в двадцати случаях жертве связывали руки, но во всех случаях, кроме одного, — на запястьях.

— Во всех, кроме двух.

Я кивнула.

— Два из двухсот — это не просто совпадение. Клянусь своим значком, это Габриель убил того бродягу.

Я отвернулась от мусорного контейнера и посмотрела на мигалки патрульных машин, подъезжающих к школе. И тут ужасная правда моей жизни стукнула меня в грудь так, что сердце екнуло. Сколько ночей я простояла на влажном асфальте, прочесывая места преступления. Сколько раз я упустила возможность пообщаться с дочерью, взамен этого перебирая последние минуты жизни жены, избитой до смерти пьяным мужем? Или десятилетней девочки с раздробленным черепом, погибшей из-за того, что у какого-то бандита извращенные понятия об уважении? Кто может сознательно выбрать такое? Какая мать предпочтет разбираться в убийстве вместо того, чтобы поцеловать дочку перед сном?

— Ненавижу это, — беззвучно сказала я.

Повернувшись, я поняла, что Гаррисон смотрит на меня и явно хочет что-то спросить.

— Как это поможет нам?

Я снова вернулась в настоящее.

— Серийные убийцы не могут просто отключить свою потребность убивать. Они без этого жить не могут, для них это способ самоопределения. Габриель в силу своего тщеславия не может позволить убийству бродяги остаться непризнанным. Скотч, особым образом закрепленный на руках, — это своего рода манифест: «Авторские права принадлежат мне».

Я пошла к машине, Гаррисон двинулся за мной, отставая буквально на шаг.

— Вы думаете, он хотел, чтобы мы поняли, что убийство бездомного совершил он?

— В извращенном кошмарном мире, в котором живет Габриель, он считает себя актером. И мысль о том, что кто-то другой может присвоить себе его заслуги, ему ненавистна.

— Значит...

— Мы проверим все факты из дела об убийстве бродяги: все допросы, все адреса, все улики, которые сами по себе ничего не значат. Возможно, есть какая-то связь.

— Я кое-чего не понимаю, лейтенант, — сказал Гаррисон.

Я повернулась к нему, и он продолжил:

— Мы полагаем, что он ничего не делает случайно, а только с определенной целью.

— Да, думаю, можно с уверенностью об этом говорить.

— Тогда почему он не оставил голову Филиппа в мусорном контейнере?

Я сделала еще пару шагов и остановилась. Господи, я об этом и не подумала.

— Габриель не хочет, чтобы мы опознали Филиппа. Если его отпечатков пальцев нет в деле, то без головы и слепка зубов опознать жертву невозможно, поскольку по ДНК идентифицировать убитого можно лишь в том случае, если есть с чем сравнивать. Значит, установить личность невозможно.

— Я тоже об этом думал.

Нечто недосказанное повисло в воздухе между нами, словно ожидая, когда же мы поймем.

— Значит, Филипп каким-то образом представляет для него угрозу, даже после смерти. И если мы выясним, в чем дело, то...

Я обуздала полет фантазии. Нет, шаг за шагом, за раз один шаг. Если я начну забегать вперед, то могу что-то пропустить, пройти мимо и не заметить. Один пропущенный шаг, и картонный домик может рухнуть, и тогда я потеряю свою дочку.

— По крайней мере, хоть что-то, — сказал Гаррисон.

Я покачала головой.

— Это больше, чем просто что-то.

Потом посмотрела на часы. Почти одиннадцать. Минуты бежали так, словно не могли дожждаться рассвета. Я еще раз оглянулась, вспышки фотоаппаратов освещали место преступления короткими проблесками.

Нет, тут больше, чем просто что-то. Возможно, это всё.

19

Мы ехали по центру Лос-Анджелеса через районы, специализирующиеся на торговле одеждой и драгоценностями. Было ощущение, что мы попали в любительский фильм про Мехико пятидесятилетней давности. Кричащие цвета дешевых тряпок и блеск украшений выплескивался с витрин на тротуар, словно мы были зрителями карнавала. В воздухе витали запахи маисовых лепешек и выхлопных газов. Сальса пыталась заглушить фольклорные ансамбли, а те в свою очередь — вой сирен, звуки разбоя и звон разбивающихся мечтаний, привезенных из грязных лачуг в Мексике. Большинство жителей Города Ангелов не знают о существовании этого места, так же далекого от домов за высокими заборами на Голливудских холмах, как трущобы стран третьего мира.

В четырех кварталах к северу от фонарей, музыки и мелкого хулиганства улицы погружаются во тьму, становясь более пустыми и опасными. За дверями внимательные воспаленные глаза следят за каждой угрозой. На углу торчит последняя модель седана, водитель которого приехал затариться кокаином. Когда мы ехали по одному из переулков, из темноты высунулась проститутка, ожидающая клиента, но тут же скрылась, распознав в нас копов.

Гаррисон остановился перед Миссией Братьев Надежды, благотворительной

организацией, занимавшей пустующий первый этаж здания на Сан-Педро-стрит. Сюда нас привел беглый просмотр дела Неизвестного, поскольку последний раз бродягу видели живым именно здесь, в приюте, после чего он был найден со связанными руками и перерезанным горлом.

Когда я вылезла из машины, на улице никого не было видно. Тротуар перед зданием миссии сверкал чистотой, хотя рядом с соседним зданием все было усеяно разбитыми бутылками, банками из-под пива, шприцами с запекшейся кровью, которые использовал не один наркоман. Свет горел только в здании миссии, в остальном же казалось, что жизнь покинула квартал, найдя себе убежище на ночь.

Где-то вдалеке тишину нарушали звуки выстрелов из мелкокалиберного пистолета.

— Должно быть, уже почти полночь, — сказал Гаррисон, а потом повернулся ко мне и увидел, что я не понимаю. — Сегодня Новый год, лейтенант.

Господи, а я и забыла. Сегодня же все празднуют. Дают обещания на будущий год, чтобы изменить свою жизнь и исполнить мечты. На Холмах и по соседству с ними пенится шампанское. А в районах, населенных испаноговорящими эмигрантами, палят из пистолетов как из фейерверков. Такое отмечание Нового года очень понравилось бы мексиканскому революционеру Панчо Вилле.

— Я забыла, — сказала я, и тут раздался еще один выстрел.

Я даже представить не могла, что снова буду мерить время годами. Мой мир сжался до восьми часов. У меня оставалось четыреста восемьдесят минут до парада, до того, как моя жизнь превратится в ад, как обещал мне Габриель.

Внутри приюта за столами сидело человек шесть. Некоторые сгорбились, сжимая в руках чашки с кофе и глядя в темную жидкость так, словно в ней плавал какой-то секрет. Другие застыли неподвижно, словно какие-то станки, выкинутые, как только они сломались.

В дальнем углу сидела в одиночестве женщина с мусорными мешками, набитыми ее пожитками. Вокруг себя она расположила полукругом несколько стульев, так первые поселенцы в целях безопасности расставляли на ночь свои повозки для защиты от индейцев. Она единственная заметила наше появление, осмотрев нас с осторожностью затравленного животного, бросая быстрые взгляды. В этой комнате, где невозможно дышать от тяжелого запаха пота, несвежего кофе и хлорки, Новый год пройдет незамеченным.

Из малюсенького кабинета вышел бородатый мужчина лет эдак пятидесяти пяти в белой рубашке и темных брюках и протянул нам руку. Я узнала в нем отца Пола, францисканца, которого допрашивала полтора года назад в связи с убийством бездомного. Руки у него были могучие как у докера, из-под закатанного рукава выглядывал уголок татуировки, изобличая священника в том, что прошлое у него не такое простое и, как я понимаю, менее праведное, чем настоящее. Я представила Гаррисона, и отец Пол проводил нас в свободный кабинет. На одной стене красовалось распятие, а на второй — флаг бейсбольной команды «Лос-Анджелес Доджерс».

— Я даже не знаю, что еще могу рассказать вам, — сказал отец Пол. — Я помню того человека, которого убили, только потому, что он нарушил правила и принес в приют спиртное. Мне пришлось выпроводить его и запретить возвращаться к нам. Я всегда пытаюсь дать человеку еще один шанс, но этот бродяга был слишком драчливым.

Я вытащила портрет Габриеля и положила на стол перед отцом Полем. Он несколько секунд изучал его опытным взглядом человека, безопасность которого зависит от умения читать по глазам.

— Я бы его запомнил, — сказал он, покачав головой. — Господь сотворил это лицо незабываемым. Не думаю, что этот человек здесь когда-либо появлялся.

Я вытащила из кармана фотографию Филиппа, которую сняла с зеркала в его комнате.

— А этого видели?

Отец Пол аккуратно взял снимок за уголок своими толстыми пальцами, и тут же в его взгляде появился вопрос.

— Что-то...

Он еще пару секунд размышлял, а потом вопрос во взгляде сменился узнаванием:

— Думаю, да.

Положив снимок на стол, он сел прямо и порылся в памяти.

— Этот человек работал у нас добровольцем, но совсем недолго. Я почти уверен.

— Вы уверены? — переспросила я.

Отец Пол снова взглянул и кивнул.

— Он пару недель ездил и развозил обеды неимущим. Я запомнил его только потому, что он единственный наш доброволец из Франции.

— А когда это было?

— Ну, он проработал у нас совсем недолго...

— А вы можете вспомнить точную дату?

Он кивнул и повернулся к шкафу, стоявшему позади рабочего стола, и начал быстро перебирать папки.

— Мы храним адреса и телефоны добровольцев в надежде, что они еще раз придут к нам работать. Но большинство никогда не возвращаются.

— А он? — уточнил Гаррисон.

— Нет, — покачал головой отец Пол, доставая папку с загнутым уголком.

Он быстро пролистал ее и извлек карточку.

— Это он. Жан, без фамилии.

— Жан, вы уверены?

— Да.

Он расшифровал нашу реакцию как опытный коп.

— А вы знаете его под другим именем?

Я кивнула:

— Филипп.

— Зачем добровольцу давать псевдоним? Он что, числился в розыске? Или у него проблемы с иммиграционной службой?

— Нет, насколько нам известно.

— Ну, может, этот Жан или Филипп не хотел, чтобы кто-то знал о том, что он здесь.

Отец Пол взглянул на портрет Габриеля:

— Например, он.

— Вам стоило бы стать полицейским, отец.

— Да, так мне однажды сказал офицер, надзирающий за условно осужденными.

— А вы можете назвать дату, когда вы последний раз его видели?

— В последний раз он был здесь... — Он вел пальцем по карточке, пока не нашел то, что искал. — Вот, апрель 2002.

— За месяц до убийства бездомного, — сказал Гаррисон.

— А есть какой-нибудь адрес?

Отец Пол осторожно посмотрел на меня.

— Вообще-то мы не разглашаем адреса добровольцев, только в крайних случаях.

— Сегодня вечером мы обнаружили в мусорном контейнере тело человека, которого вы знали как Жана, а мы как Филиппа.

Отец Пол без слова протянул мне карточку.

— Я помолюсь за его душу.

Рядом с именем значился адрес, но телефона не было. Я изучила содержание карточки, а потом протянула ее Гаррисону:

— Это в Пасадене, а не в Голливуде, — удивленно сказал он.

Я встала и протянула священнику руку. Он осторожно пожал ее с усталостью, которая постоянно вела битву с верой.

— Надеюсь, первые часы нового года принесут что-то получше, чем последние часы старою.

— Спасибо, отец. — Я повернулась и пошла к двери.

— Я помолюсь за вас, лейтенант.

Я посмотрела на часы. Десять из четырехсот восьмидесяти минут, отпущенных мне, растворились в потоке нового года.

20

По адресу, данному нам отцом Полем, в одном квартале к северу от двести десятой автострады на Вилла-стрит находился ветхий дом на восемь квартир. Снаружи здание было выкрашено горчично-желтой краской, популярной в шестидесятые, когда оно было построено. Над входом красовалась табличка с громким названием, написанным огромными буквами: «Жилой комплекс „Вилла“».

С обеих сторон от входа стояли пальмы, разрисованные граффити, словно парочка старых, всеми забытых привратников, которых оставили, когда здание начало рушиться.

В здании не было центрального коридора, у каждой из квартир имелся отдельный вход. Четыре квартиры на первом этаже, четыре — на втором. По данным отца Пола, Жан (Филипп) занимал крайнюю квартиру на первом этаже. Ряд густых и высоких кустов загораживал входную дверь от остальных жильцов и проезжей части.

— Можно входить и выходить незамеченным, — заметил Гаррисон.

В квартире было одно окно, закрытое занавеской. Перед входом валялись несколько рекламных листовок, приглашающих в рестораны тайской и мексиканской кухни.

— Или мы напугаем до полусмерти какого-нибудь нелегального иммигранта или...

Я посмотрела на Гаррисона, но он не закончил мысль. Это было актом отчаяния. Адрес убитого парня двухлетней давности.

— Скорее всего, он просто переехал.

Гаррисон кивнул, но не убедительно.

— И поменял имя.

Я взялась за рукоятку пистолета и кивнула Гаррисону, чтобы он постучал в дверь.

— Это полиция! Откройте!

Тихо. Я пристально следила, не шелохнется ли занавеска, но нет.

— Еще раз, — велела я.

Гаррисон постучал по двери кулаком, но снова никто не ответил. Я посмотрела на рекламные листовки на земле. У меня перехватило дыхание, словно я зацепилась воротом свитера за гвоздь. Передо мной промелькнуло воспоминание. Горячая волна воздуха от взрыва в бунгало Суини. Я отшатнулась от воображаемых осколков и инстинктивно сделала шаг назад.

— Рядом с бунгало Суини тоже были листовки...

Гаррисон посмотрел на меня, а потом аккуратно ощупал дверную коробку на предмет наличия взрывных устройств. Внутри меня кипели злость и недовольство. Снова Габриель забрался в мою голову. Я чувствовала себя испуганной девочкой, которой рассказали страшную историю о привидениях.

— Да и фиг с ним, — сказала я, дотронувшись до плеча Гаррисона.

Он повернулся ко мне.

— У нас нет на это времени... У Лэйси нет времени. Выбивай дверь.

— Хорошо, почему бы и нет.

Для человека, жизнь которого зависела от того, насколько аккуратно он разберет адское устройство, это было резким скачком то ли веры, то ли пофигизма.

Гаррисон сделал шаг назад, а потом с силой вмазал по двери ногой. Она распахнулась, словно под действием порыва ветра. Я заглянула внутрь, держа пистолет наготове. Никаких движений. Внутри сильно пахло сигаретным дымом. Я пошарила рукой, нашла выключатель и включила свет.

В середине гостиной стоял маленький кофейный столик, на котором красовалась огромная пепельница. Вокруг разбросаны несколько подушек. Прибавьте к этому телевизор,

и больше в комнате ничего не было. Я жестом указала в сторону спальни, и Гаррисон осторожно подошел и отворил дверь, осмотрелся, не опуская пистолета, а потом зажег свет. Сделав пару шагов, он внезапно остановился, с изумлением уставившись на что-то.

— Думаю, вам лучше взглянуть на это.

Я подошла к двери в спальню и встала рядом с Гаррисоном. На полу лежал матрас, аккуратно застеленный простыней и одеялом. Ни одной морщинки, прямо-таки по-армейски. Рядом ноутбук и принтер.

— Господи, — прошептал Гаррисон.

На стенах висели фотографии. Мои глаза скользили по ним с неохотой обычного человека, который наткнулся на последствия побоища.

— Это его коллекция, — сказала я. — Наверное, во Франции нашли нечто подобное.

Я посмотрела на Гаррисона и увидела, что он растерялся, словно только что сбился с пути и перестал понимать, что к чему в этой жизни.

— Вы когда-нибудь видели...

Гаррисон не стал заканчивать мысль, поскольку понял по моему взгляду, что в этом нет необходимости. Покачал головой, не веря своим глазам, а потом нервно осмотрелся. Фотографии жертв Габриеля, развешанные как на выставке или в галерее. Гаррисон повернулся ко мне, с трудом сдерживая ужас, и преградил мне проход.

— Может, вы позволите мне посмотреть первым...

Я покачала головой. Сердце бешено билось в груди.

— Нет.

— Лейтенант...

— Ее здесь нет.

— Пожалуйста, можно я первый.

Мои глаза встретились с его, отказываясь хоть на секунду верить в то, что случилось страшное...

— Ее здесь нет. Не может быть, черт побери...

Гаррисон несколько секунд смотрел на меня, словно умоляя.

— Вы правы, но позвольте мне это сделать. Для меня, а не для вас.

Он потянулся к моей ладони, а потом отдернул руку, и я заметила, что моя собственная рука дрожит.

— Ты только зря теряешь время.

— Знаю.

— Хорошо, — неохотно согласилась я и отвернулась. — Но ее здесь нет.

Я почувствовала, как его рука мягко легла на мое плечо, а потом соскользнула, Гаррисон вошел в комнату. С каждым его шагом мой пульс увеличивался в десять раз. Я услышала, как он судорожно вздохнул, а потом его дыхание снова стало спокойным. Казалось, это длится целую вечность. С каждой секундой, с каждым шагом моя уверенность, что фотографии Лэйси нет на этой стене, слабела. Как мой мир мог перевернуться с ног на голову? Внутренний голос начал шептать: «Я не могу этого сделать, не могу, не могу...» Я была готова завизжать.

— Ее здесь нет, лейтенант.

Я резко повернулась. По моему телу прокатилась такая волна облегчения, что едва не подогнулись колени. Гаррисон обнял меня, пока я пыталась нормализовать дыхание.

— Ты уверен? — Да.

Его руки обвивали меня еще несколько секунд, а потом отпустили, и я сделала глубокий вдох.

— Но он был здесь сегодня вечером, наверное, меньше часа назад. Здесь есть фотография Филиппа.

Я прошла в комнату и сама посмотрела на летопись кровавых преступлений. Фотографии злодеяний Габриеля были развешаны по стенам в хронологическом порядке, словно он рассказывал о своих каникулах в Йеллоустонском национальном парке, и это

просто снимки буйволов и грязевых гейзеров. Обезглавленное тело Филиппа в мусорном бачке. Мексиканский майор, плавающий в пруду. Финли, лежащий на бетонном полу среди цветов. Суини в горящей машине. Борец за чистоту планеты, убитый в доме на Монте, где я нашла дочкину туфлю, со связанными руками. Но дальше — больше.

— Брим! — воскликнула я в ужасе.

Запавшие испуганные глаза смотрят прямо в объектив. Тот же взгляд, который я видела перед взрывом. Липкая лента закрывает рот, но мне видно по сведенным мускулам, что Брим кричит под кляпом. И поднимает руки, прикрученные к бомбе, словно просит пощады.

— Он не мог сфотографировать его после взрыва, поэтому сфотографировал до...

— Я думала, что понимаю, кто такой Габриель... Но я ошибалась.

Я отвернулась, не в силах выносить взгляд Брима, но все еще чувствовала его на своей спине. Вряд ли я когда-нибудь смогу забыть эти глаза.

— Ты видишь на заднем плане какую-нибудь зацепку, где это могло быть снято?

— Нет.

— И я нет.

Рядом со снимком Брима висела фотография бульвара Колорадо. На секунду мне показалось, что она тут не к месту, но потом я поняла, почему Габриель повесил ее.

— Боже мой, парад.

— Это Орандж-гроув и Колорадо.

— Как раз тот квартал, который будут показывать.

Гаррисон несколько секунд рассматривал снимок, а потом покачал головой.

— Но он не сможет просочиться сюда. Движение перекрыто, полиция охраняет каждую платформу, каждый фонарь, каждую урну. Подойти незамеченным невозможно.

— Тогда как он это сделает?

— Никак.

И хотя Гаррисон так и сказал, я видела, что уверенности в собственных словах у него не было. Мы оба знали, что больше такой категории, как «невозможно», не существует.

Я отвернулась и осмотрелась. На дальней стене было оставлено пятно размером с фотографию.

— Смотри, он оставил место еще для одной.

Я уставилась на пустую стену, словно ждала, что сейчас сквозь краску проступит еще одно изображение.

— Это может значить все, что угодно, или ничего, — сказал Гаррисон.

— Это значит, что кто-то еще умрет, и мы должны...

Я запнулась, и мы молча смотрели на пустое место. Гаррисон повернулся ко мне, в его глазах светилась невысказанная правда, которую никто из нас не хотел озвучивать...

— Лейтенант...

Я покачала головой и снова отвернулась.

— Когда он позвонит вам в следующий раз и предоставит вам возможность спасти либо Лэйси, либо незнакомого для вас человека, вы должны выбрать Лэйси.

Я сделала вид, что не слышу.

— Нужно обшарить эту квартиру, проверить все файлы на компьютере. Должна быть какая-то зацепка.

— Лейтенант, когда он позво...

— Нет смысла.

— А я думаю, есть.

Я зло посмотрела на него:

— Слушай, ты видишь что-то в этой комнате, указывающее на то, что у Габриеля есть сердце, а то я что-то пропустила?

— Это поможет выиграть время.

— Он убьет ее. И если я и сомневалась в этом, то теперь сомнений нет.

Раньше я не могла себе позволить произнести эти слова, но теперь произнесла. Слова, в

которых звучала чудовищная безысходность... И тут же поняла, почему избегала их.

— Лэйси — все, что у меня есть... все, что я хотела. Я просто не знала, как ей об этом сказать...

— Но сейчас мы на шаг впереди.

Я смогла только кивнуть. А потом заставила себя произнести еще кое-что, словно хотела отогнать безнадежность.

— Скорее, на шагок.

Я вышла из комнаты и позвонила Чавесу, чтобы он установил наблюдение за квартирой. Если Габриель сюда вернется, мы его схватим. Но я знала, что если он и вернется, то только за тем, чтобы прикрепить последнюю фотографию к стене, и будет уже слишком поздно.

Переговорив с Чавесом, я вышла, чтобы очистить мозги от сигаретной вони и картин смерти. В соседнем дворике я увидела лимонное дерево, склонившееся под тяжестью плодов величиной с кулак. Я втянула носом воздух, но цитрусового запаха не было. Казалось, вечерний туман подготавливал ко сну все, до чего он дотрагивался, даже звуки. Вокруг повисла неестественная тишина.

Я выдохнула и смотрела, как пар поднимается из моего рта в темноту. Где-то чуть подальше тишину ночи нарушали крики людей, все еще празднующих Новый год. Я подумала о снеге на Среднем Западе и о том, как завтра утром миллионы людей проснутся и будут смотреть парад. Апофеоз рекламы. Открытка с надписью «Жаль, что вас здесь нет».

Я повернулась и посмотрела на захудалую квартирку Габриеля. Когда мы позволили райскому уголку ускользнуть сквозь пальцы? Есть ли такой момент в истории Лос-Анджелеса, о котором можно будет говорить «именно в тот все было потеряно»? Может, когда мы закатали в асфальт первую апельсиновую рощицу? Или проложили первую автостраду? Или когда попытались озеленить пустыню? Когда начали выкачивать воду из долины Оуэне? А может, когда построили мост через Лос-Анджелес-Ривер? Или когда Дисней объявил, что два акра земли в округе Орандж станут счастливейшим местом на земле? Возможно, все началось с первым кадром самого первого фильма, снятого в городе, построенном на иллюзии. А может, этих точек сразу несколько. И у всех, кто здесь когда-либо родился, кто переехал сюда или приплыл из-за океана, есть своя точка, в которой все кончается. Граница, за которой реальность не соответствует мечте.

Тишину пререзал вой сирен. Я вернулась в квартиру. Гаррисон вышел из спальни, на секунду посмотрел мне в глаза, а потом обернулся, словно оставил что-то за спиной. Я подошла к нему.

— У него тут дневник. Хотя скорее похоже на роман, низкопробный роман. Думаю, записи начинаются с первого убийства.

— Дневник? — переспросила я.

Он кивнул, а потом посмотрел на блокнот, который держал в руках, и начал читать:

— Я — мальчик в третьем ряду на школьной фотографии, на чьем лице не задерживается взгляд. Никто не помнит, как меня зовут, какого цвета у меня волосы, как звучит мой голос. Я — невидимка.

Гаррисон сунул блокнот в карман.

— Так он начинается.

Я пошла в спальню, но он схватил меня за руку, замялся, а потом посмотрел на меня, и я увидела в его глазах, как на него давит то, что он успел прочесть в дневнике. Надежда, которая зародилась за несколько минут до этого, начала покидать меня, вытекать, словно кровь из перерезанной артерии.

— Что случилось?

Гаррисон судорожно вздохнул.

— Он уже дописал концовку.

Мои мысли бешено понеслись вперед.

— Лэйси? Что там...

Он покачал головой.

— Я просмотрел только пару страниц с конца, она там не упоминается.

— А кто упоминается?

— Вы. Вы в самом конце, лейтенант.

— Я?

— Может, вам лучше самой прочесть?

Я посмотрела через его плечо на компьютер.

— Скажи мне, что там, Гаррисон.

Он напрягся, словно готовясь к удару, а потом посмотрел на меня с обреченностью, словно любовник, прощающийся навсегда.

— Ты... то есть вы... вы идете по бульвару Колорадо во время парада. И к вам привязана бомба.

21

Казалось, слова Гаррисона высосали весь воздух из комнаты, и стало сложно дышать.

— С вами все в порядке? — спросил он.

Я кивнула, хотя Гаррисон так же хорошо, как я, знал, что хорохорюсь только для отвода глаз. Земля под нашими ногами разлеталась на куски.

— Мне уготована роль террористки-смертницы, — прошептала я.

Я отчаянно хватала воздух ртом, но мое тело сопротивлялось, как будто инстинктивно не хотело быть частью того пространства, в котором мы находились.

— Мы хотели узнать, как он это сделает. Теперь знаем.

Я вздрогнула, представив тяжесть взрывчатки на своих плечах.

— Как говорится, бойтесь мечтать — мечты сбываются.

— Но он никак, черт побери, не сможет заставить вас идти с бомбой по бульвару Колорадо в толпе.

— У него моя дочка... Он может заставить меня сделать все, что угодно.

Гаррисон посмотрел мне в глаза, отчаянно пытаясь не видеть в них нерешительности, плавающей буквально у самой поверхности.

— Но не это.

— Ты же сам говорил, что я должна выбрать Лэйси. Это я и собираюсь сделать.

— Нужно, чтобы на вас был маячок и микрофон, тогда мы всегда будем знать, куда именно вы направляетесь.

Я кивнула.

— Звони Хиксу. Они справятся лучше нас.

Гаррисон достал мобильник и начал набирать номер, но тут ожил мой телефон. Я потянулась за ним.

— Нет! — закричал Гаррисон. — Если это Габриель и он захочет, чтобы вы немедленно куда-то пошли... Нельзя этого допустить, пока на вас нет микрофона.

— Но это может занять полчаса.

— Неважно. Придется подождать.

Я сунула руку в карман, вытащила надрывающийся мобильник, и он продолжил звенеть на моей ладони. Через семь секунд я начала трясти головой. Восьмой звонок показался мне отблеском оружия, нацеленного на мою девочку.

— Я не могу...

— Не берите...

Гаррисон протянул было руку к телефону, но я уже открыла его.

— Делилло.

— Выбирайте, — сказал Габриель.

Это слово показалось мне еще одним ударом двери по лицу. Я взглянула на Гаррисона и кивнула. Он тут же сделал шаг назад и набрал Хикса.

— Сперва я хочу услышать голос дочери, иначе можешь отправляться прямо в ад!

— Интересный выбор слов, лейтенант.

— Дай ей трубку, или все кончено — прямо здесь и сейчас. Ты этого хочешь?

Габриель засмеялся, а потом на другом конце все стихло, хотя трубку и не повесили.

Я посмотрела на Гаррисона, который стоял напротив и, не веря своим ушам, качал головой, и орал в трубку:

— Позовите его к телефону немедленно! У меня нет двух минут! Нет, он не может мне перезвонить! Он нужен сию минуту!!!

Я услышала в трубке странный скрежет, как будто стул тащили по полу. Два коротких вздоха. Я узнала этот звук — такое чувство, что я слушаю биение собственного сердца. Это Лэйси, никаких сомнений. Снова вздохи. Те самые, которые я услышала в первые минуты ее жизни, когда новорожденную положили мне на грудь.

— Лэйси, — сказала я.

Тишина.

— Это я, дорогая.

— Мамочка.

— Я здесь, деточка.

Она что-то залепетала, но ее голос сорвался от переполнявших эмоций.

— Поговори со мной, девочка моя.

— Этот козел гребаный...

Тут Габриель вырвал телефон из ее рук и швырнул на пол.

— Лэйси! Лэйси, ты слышишь меня? Лэйси!

Опять тишина. Я крепче прижала трубку к уху, словно могла каким-то образом приблизиться к дочке.

— Лэйси, ты меня слышишь? — в отчаянии повторяла я. — Я люблю тебя. Все будет в порядке.

Ничего.

— Лэйси.

Я услышала, как что-то снова тащат по полу.

— Лэйси... Лэй...

— Выбирайте.

На секунду у меня перехватило дыхание, словно мне дали под дых.

— Ах ты, мразь, ты же отлично знаешь, что я выберу.

— Скажите вслух.

Он говорил как рассерженный учитель, требующий уважения от ученика.

— Говори! — заорал он, вернее скомандовал, сбившись на «ты».

— Лэйси.

— Будь на углу Орандж-гроув и Алтадены через шесть минут. Если я увижу полицию, услышу шум вертолета или замечу кого-то, якобы прогуливающегося с собачкой, то перережу ей глотку. Не вешать трубку! Оставайся на линии и включи громкую связь, я хочу слышать все, что ты говоришь.

Я повернулась к Гаррисону, приложила палец к губам и жестом попросила бумагу и ручку. Он вытащил из кармана блокнот и карандаш и протянул мне. Я быстро нацарапала несколько слов по дороге к двери.

Хикс слушал?

Гаррисон кивнул и написал ответ.

Через двадцать минут он сможет приехать сюда и прицепить к вам микрофон.

Я покачала головой, мы продолжили передавать блокнот друг другу, пока я шла к машине.

Через шесть минут я должна быть на углу Орандж-гроув и Алтадены.

Я поеду с вами, могу спрятаться сзади...

Я покачала головой, пока Гаррисон продолжал писать.

Нет, вы...

Я вырвала блокнот из его рук.

Читай дневник!!! Я поставила несколько восклицательных знаков. *Там должно говориться, где Лэйси — найди ее.*

Слова «найди ее» я подчеркнула несколько раз.

Мы дошли до машины, я открыла дверцу, а Гаррисон прикрыл рукой телефон, чтобы Габриель не слышал.

— Как я вас найду? — прошептал он. Наши взгляды на секунду встретились, но тут же разошлись.

— Он же написал, что именно планирует делать, и если мы потеряем связь... ты должен быть на шаг впереди.

Гаррисон неодобрительно покачал головой.

— Это жизнь, а не роман.

— Габриель верит в то, что написал.

Я села в машину и схватила Гаррисона за руку.

— Найди мою дочь.

Затем завела мотор, нажала на газ и помчалась по направлению к Алтадене.

Угол Орандж-гроув и Алтадены выглядел так, словно сюда по ошибке перенесли кусочек какого-то маленького городка. На асфальте аккуратные линии, чтобы все парковались под углом к тротуару и не мешали друг другу. Рядом друг с другом расположились ресторанчик, магазин тканей, комиссионка, торгующая подержанной мебелью, и парикмахерская. Единственный признак того, что мы не в Индиане, — вывески, написанные исключительно на армянском и испанском языках.

Я остановилась. Мимо меня к холмам проехала одинокая машинка. За рулем сидела молодая женщина, глядя строго перед собой, как будто она слегка перебрала и теперь на автопилоте добиралась домой. На противоположном углу время от времени то загорался, то гас от короткого замыкания знак автозаправки. И все. На перекрестке было безлюдно.

Если верить моим часам, прошло пять с половиной минут. Осталось еще тридцать секунд. Я осмотрела улицу, пытаюсь предвосхитить действия Габриеля.

Двадцать секунд.

Но ничто не выдавало его присутствия. Если бы я только знала, что написано в дневнике Габриеля. Описал ли он все до мелочей? И мое сидение в машине, мой следующий шаг — это первая ошибка. Но что толку жалеть о том, чего нет под рукой? У меня сейчас есть только то, что передо мной. Или, правильнее будет сказать, за мной — те события, которые, собственно, меня сюда и привели.

Если то, что прочел Гаррисон, правда, то Габриелю нужно схватить меня. Но как? Неужели ловушка прямо у меня под носом? И я сама пойду в нее, сдавшись при виде дочки?

Десять секунд.

Нет, я так не сделаю. Если я увижу Габриеля, то убью его. Это мой единственный шанс. Единственный шанс Лэйси.

Все, последние десять секунд прошли.

— Лейтенант, — сказал Габриель.

Его голос прозвучал как выстрел. Я с неохотой взяла телефон.

— Я здесь.

— У вас есть единственная возможность — следовать моим указаниям. Замешкаетесь, и я убью ее. Рядом с заправкой есть телефонная будка, бросайте ваш телефон в машину и бегите туда, немедленно!

Я услышала через перекресток первый звонок.

Выскочив из машины, я оставила трубку на сиденье, но не стала захлопывать дверцу. Пятьдесят метров через перекресток показались мне смертельно опасными, словно я шла по минному полю. Каждый шаг все дальше и дальше затягивал меня в темный извращенный

мир Габриеля, унося от единственной связи с моим миром, оставшейся лежать на сиденье автомобиля. Когда я добралась до телефонной будки, то чувствовала себя незащищенной и уязвимой, как младенец. Он отрезал меня от моего мира, заманил в свои сети. Вот он ужас. Звонящий телефон, пустая улица, не в меру разбушевавшееся воображение.

— Я здесь, — сказала я между вздохами.

— Впереди, примерно в четырех-пяти метрах, увидите коричневую машину. Садитесь в нее и едьте на север по Алтадене. Бегом!

Я швырнула трубку на рычаг и рысью рванула к машине. Старая модель, по крайней мере десятилетней давности, и нуждается в покраске. Кажется, «шевроле-импала». Внутри удушливо пахло дешевым одеколоном и пивом. На заднем сиденье пивные банки и гора нестираного белья. Впереди на полу несколько квитанций за обналиченные чеки. Скорее всего, машина принадлежала какому-то поденщику, наверняка нелегалу. И очень даже вероятно, что он уже мертв. На пассажирском сиденье начал звонить телефон.

Если я отвечу и сделаю так, как Габриель велит мне, то полностью погружусь в кошмар, поглотивший мою девочку. Я посмотрела на свою пустую машину и представила себе, как Гаррисон читает сейчас повествование Габриеля. Я практически слышала его голос, видела, как он качает головой и повторяет: «Нет, лейтенант, только не это».

— Здесь Лэйси, — тихо сказала я, как будто бы обращаясь к Гаррисону. — Я должна.

Я потянулась к телефону, но остановилась, поскольку по моему телу прокатилась волна злости.

— Ах ты, козел гребаный! — закричала я в пустой машине, используя любимое выражение Лэйси.

Я закрыла лицо руками, стиснула зубы, пытаюсь справиться со злостью.

— Лэйси, Лэйси, Лэйси, — шептала я, стараясь утихомирить сердце. Нет, я не могу потерять контроль надо собой, не сейчас. Мне нужна ясная голова. Кроме ясной головы и пистолета, из которого я намеревалась выпустить пулю в сердце чудовища по имени Габриель, у меня больше ничего не было.

Я прошептала дочкино имя еще разок, словно она могла меня слышать, а потом завела машину и взяла телефон.

— Я еду на север по Алтадене.

— Знаю.

— Куда...

— Тихо, — рявкнул Габриель, — Говорить будешь, когда я разрешу. Ты теперь пустое место, не лейтенант, не коп, не мать. Я решаю, кем тебе быть.

— И что ты с этого имеешь?

Короткое, зловещее молчание.

— Твое будущее.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, нет ли хвоста, но улица была пуста. Никто не выехал с боковой улицы и не поехал за мной. Габриель обманом заставил меня делать то, что он хочет, а я поддалась. Только что я потеряла остатки контроля над ситуацией.

— Да пошел ты...

Он засмеялся.

— А ты похожа на свою доченьку.

Я попыталась ответить, но не смогла. Никогда не слышала, чтобы это говорили другим матерям. Когда это произносила Лэйси, я сердилась, как будто она меня чем-то обидела. Но почему? Я что, боялась принять и полюбить дочку без сомнений и суждений? Чего я опасалась? Если бы я приняла ее такой, какая она есть, то что узнала бы о себе?

— Ты просто тупая баба, — сказал Габриель.

Приехали. Серийный убийца рассказывает мне, что я из себя представляю.

— Уже нет, — огрызнулась я.

После пересечения с Вашингтон-стрит дорога пошла в гору, и я въехала в более фешенебельный район, раскинувшийся на холмах. С другой стороны она начала вихлять и

кружить, словно я ехала по какому-то фантастическому ландшафту. Надо мной вырастали темные махины гор и грозили обрушиться и засыпать все. С каждым кварталом улицы становились все темнее и безлюднее. Впереди, примерно в сотне метров на середину проезжей части вышел койот, и мне пришлось несколько раз крикнуть, чтобы он уступил мне дорогу и растворился в ночи.

— Поверни на Мидвик-драйв. Проедешь полтора квартала и остановись, — велел мне Габриель.

Я повернулась. Свет фар разрезал темноту впереди. На мгновение в нем отразились жуткие красные глаза опоссума, который мелькнул, словно призрак, и нырнул в водосточную канаву. Домов здесь не было, поскольку склоны холмов слишком крутые. Через полтора квартала я съехала на обочину и остановилась. Следующий светофор находился еще в полутора кварталах. Кроме того, я увидела четыре автомобиля, припаркованные в темноте. Думаю, в одном из них Габриель и моя дочка. Так близко. Но что бы он ни задумал, место выбрано идеальное. Я окажусь в крошечной тьме. Огни Лос-Анджелеса внизу с таким же успехом могли бы быть светом Млечного Пути, пользы все равно никакой.

— Заглуши мотор и выключи фары.

Моя рука замерла, не желая подчиниться указаниям, но потом с неохотой выполнила команду. Погружение во тьму было резким, и глаза очень медленно привыкали. Я вертела головой, глядя во все зеркала, но, насколько мне было видно, ничто не двигалось. Я вытащила пистолет из кобуры и положила на колени. Мне казалось, что вокруг меня тишина, но на самом деле это была вовсе не тишина, а равномерный шум воды в расположенном неподалеку ущелье. Вдруг я заметила, как что-то движется по холму за кустами. Я сняла оружие с предохранителя и положила руку на рукоятку, но тут движение прекратилось.

В зеркале заднего вида я увидела луч света, прорезающий темноту вдоль Алтадены. Какая-то машина, доехав до угла, появилась в поле зрения и притормозила посреди улицы. Я крепче сжала рукоятку и подняла пистолет, приготовившись стрелять, если потребуется. Свет фар непонятной машины скользнул по моему зеркалу и медленно пополз ко мне.

— Что это? — спросил Габриель. В его голосе слышалось напряжение, которого не было всего минуту назад.

— Я не знаю.

— Ты велела им ехать за тобой.

— Нет.

— Если ты лжешь, я убью девчонку прямо сейчас.

— Нет, я не лгу!

— Тогда что это?

— Кто-то возвращается домой с вечеринки, вот и все.

И тут же поняла, что это неправда, поскольку узнала контур мигалок на крыше автомобиля.

— Это полицейский.

— Нет.

— Твоя дочь покойница.

— Нет! — завопила я в трубку. — Это не полицейский, а просто охранник, их еще называют полицейскими по найму. Такие есть в каждом районе. Ничего страшного!

— Полицейский по найму? Это что еще такое?

— Ну, они патрулируют район, но это не полиция.

— Как же не полиция, если ты сама сказала «полицейский по найму»?

— Просто так называется. Им платят семь баксов в час за то, чтобы объезжать окрестности, и всё — больше они ничего не делают.

Я загородилась рукой, чтобы свет фар седана, отраженный в зеркале заднего вида, не слепил меня. Машина постояла позади, затем плавно двинулась с места и поравнялась со мной, причем водитель смотрел в мою сторону, хотя я и не видела в темноте его лица. На

боку автомобиля красовалось название охранной фирмы, написанное жирным шрифтом: **«ВООРУЖЕННЫЙ ОТПОР».**

— Видишь, ничего страшного.

— Но если ты меня обманываешь...

— Я не обманываю.

Чертов полицейский по найму проехал двадцать метров, свернул на обочину и остановился. Стоп-сигнал горел в темноте красным светом, словно глаза хищника. Я с изумлением уставилась на машину. Этого не может быть. Водитель не делал попыток выбраться из автомобиля, он просто сидел и ждал. У меня возникло чувство, что я стою на стеклянном мосту через пропасть, а жизнь моей девочки зависит от того, что этот недополицейский с дипломом о среднем образовании выкинет дальше.

— Уезжай, — прошептала я. — Давай же.

— Почему он остановился? — требовательным тоном спросил Габриель.

— Думает, что я воровка. Он просто делает свою работу, и все.

— Он следит за тобой! — закричал Габриель на грани бешенства.

Стекло под ногами треснуло.

— Нет!

— Я приставил нож к горлу твоей дочери!

— Я сейчас избавлюсь от него.

— Так он все-таки следит за тобой!

— Нет!

— Врешь!

— Нет! — взмолилась я.

Молчание.

— Клянусь, я говорю правду.

Снова ничего.

— Пожалуйста, не трогай ее.

Я закрыла глаза и слышала, как стеклянный мост разбивается вдребезги.

— Пожалуйста...

— Тогда прогони его, немедленно.

Я пулей выскочила из машины, на ходу засовывая пистолет в кобуру, и пошла к седану. Равномерный шум воды внезапно прервал какой-то грохот, напоминающий гром. Я посмотрела на небо, но не увидела ни туч, ни проблесков молний. С каждым шагом по направлению к патрульной машине грохот усиливался, словно я вышла за пределы «глаза бури». Земля под ногами слегка дрожала, а потом грохот стал почти непрерывным, удары следовали друг за другом, сливаясь в один оглушительный водопад. Я поняла, что от горы откололся кусок породы и полетел вниз, сметая все на своем пути и разбиваясь на осколки, каждый величиной с машину.

— Забери его, — то ли шептала, то ли молилась я, или просто надеялась, что Габриеля раздавит булыжником. — Сотри его с лица земли.

Но камнепад прошел стороной, а грохот быстро прекратился, и снова повисла зловещая тишина. Нет, чудес не будет, не сегодня.

До патрульной машины оставалось около шести метров, я увидела, как водитель потянулся поправить зеркало, чтобы получше рассмотреть меня. Я вытащила значок и развернула так, чтобы виден был золотой щит, а то не дай бог, примет еще за оружие. Когда я дошла до заднего бампера, водитель начал опускать окно.

— Я — офицер полиции, — сказала я, не опуская значка. — Мне нужно, чтобы вы немедленно уехали отсюда!

Как только я подошла к дверце, водитель повернулся, и на секунду его лицо мелькнуло в свете звезд. Я видела его глаза достаточно долго, чтобы меня охватило ужасное чувство, — они мне знакомы. Да-да, я их знала, и теперь они мерили меня хищным взглядом.

Из окна высунулся ствол дробовика, который ни с чем не спутаешь. Я потянулась за

пистолетом, но было уже слишком поздно. Моя рука успела лишь коснуться холодного пластика рукоятки, как вдруг вспышка осветила темноту словно зарница, и все вокруг меня стало белым.

22

Ни звуков, ни цветов, ни запахов, ни ощущений. Я падаю? Стою? Лежу? Сколько это продолжается? Час, минуту, секунду? Если я и дышала, то не осознавала этого. С каждым ударом сердца в груди усиливалась тупая боль, расплывавшаяся по телу словно вирус, умерщвляя все на своем пути. Неужели так люди и умирают, сантиметр за сантиметром, клетка за клеткой?

Постепенно зрение вернулось ко мне — тусклый свет ночного неба раскачивался и перекашивался перед глазами, словно отражение в кривом зеркале. Я лежала на земле рядом с машиной, ощущая щекой шероховатость песка. На губах чувствовался легкий привкус машинного масла. Рядом со мной что-то промелькнуло, но слишком быстро, и я не смогла разглядеть, что это было. Затем услышала, как захлопнулся багажник и чьи-то шаги заскрипели по гравию.

Повернувшись направо, я увидела свою вывернутую руку, сжимающую пистолет. Казалось, она никак не связана с телом. Что же случилось? Я попыталась воспроизвести события, но беспомощность накатывало волной, и рука начала таять перед глазами, словно нагретый воск.

Борись. Найди что-нибудь. Вспомни что-нибудь. Оттолкни от себя эту черную волну.
— Лэйси. — Я едва пошевелила губами.

Волна начала отступать. Я вспомнила, как подошла к машине, вспомнила выстрел из дробовика.

Куда попала пуля? Почему я не чувствую кровь на коже или на блузке? Бессмыслица какая-то. Было бы куда понятнее, если бы я умерла. Но ведь было что-то еще, до выстрела.

— Глаза, — прошептала я.

Я знала эти глаза, но не они смотрели на меня с портрета Габриеля? Тогда чьи они? Я пыталась представить их, но лица все равно не могла вспомнить.

Шаги двинулись в моем направлении. Я посмотрела на руку с пистолетом и попыталась собрать всю волю в кулак и пошевелить ею — так же бесполезно, как выкрикивать указания через широкий каньон. Шаги приближались. Один за другим пальцы сжимались вокруг рукоятки.

— Двигайтесь, черт бы вас побрал, давайте же, давайте, — шептала я, пытаясь оторвать оружие от земли.

Я попробовала навести пистолет на приближающуюся фигуру, но рука не слушалась и раскачивалась, словно я лежу на палубе корабля в открытом море.

— Лейтенант, — раздался голос.

Я попыталась зафиксировать руку неподвижно и прицелиться в маячивший надо мной темный силуэт, но пистолет качало из стороны в сторону.

— Не качайся! — велела я, отчаянно пытаясь вернуть контроль над собственной рукой.

Но оружие повело сначала влево, а потом вправо.

— Не качайся.

Когда рука поравнялась с фигурой, я нажала на курок.

— Давай! — скомандовала я руке.

На мгновение оружие замерло на месте, и я выстрелила.

— Нет, лейтенант, — сказал Габриель.

Он наступил мне на запястье, больно вдавив его в гравий, и пистолет выпал.

— У меня другие планы, лейтенант.

Рука зажала мне рот какой-то тряпкой.

— Дыши. Сделай глубокий вдох.

У тряпки был едкий запах как у растворителя. Я попыталась оттолкнуть ее, но силы были на исходе.

— Ты дерешься прямо как твоя дочка, не нужно.

— Иди к черту.

Я потянулась к Габриелю, словно могла скинуть окутывающий меня туман беспамятства и разглядеть его лицо. Он сильнее прижал тряпку к моему рту, стукнув меня головой о землю.

— Вдохни! — Габриель терял терпение.

Я несколько минут сопротивлялась инстинкту, но потом начала задышаться и вдохнула через тряпку, почувствовав горечь во рту.

— Вот так, — сказал Габриель, его голос уплывал куда-то вдаль. — Дыши, дыши.

Я собрала все силы и попробовала помотать головой и освободиться, но уже не могла контролировать собственное тело.

— Лэйси, — одними губами пробормотала я, отчаянно цепляясь за сознание.

Я увидела, как дочкино лицо нависло надо мной. Она что-то говорила, но я не слышала ни звука. Я пыталась спросить, где она, но не могла составить из букв слова. Глаза Лэйси заполнились светом звезд, и она растворилась в ночном небе. Я старалась дотянуться до нее, но тут земля подо мной разверзлась, и я начала падать, а Лэйси исчезла среди звезд.

Теперь я двигалась, возможно, даже летела. Звуки и картинки пролетали мимо с поразительной скоростью. Вот я держу Лэйси. Целуюсь с молодым человеком, который вскоре станет моим мужем. Я — девочка, стою голышом перед зеркалом. Обеденный стол. Мама сидит молча. Звук выстрела. Расчлененный труп. Чья-то рука. Осколки стекла. Сирены. Трэйвер лежит на больничной койке с перевязанной головой, в уголке его глаза видна слезинка. Красный свитер, плавающий в пруду. Взгляд Брима, молящий о помощи. Одинокая теннисная туфля Лэйси. Розы, тысячи роз, насколько хватает глаз, и все они цвета крови.

У меня закружилась голова от каскада картинок, и я ощутила рвотный позыв. Нет. Спокойно, протяни руку, ухватись за что-нибудь. Мои пальцы ощупью нашли какую-то опору, но потом ослабили хватку, и я скользнула вниз. Я не пыталась сопротивляться. Так хотелось спать, и я позволила себе отключиться. Я скользила куда-то все быстрее и быстрее, и тошнота прошла. Вот так-то лучше, теперь надо проделать остаток пути. Картинки утратили сначала цвет, потом четкость, и я провалилась в беспамятство, спрятавшись за его плотным пологом.

Теперь движение стало другим. В темноте постоянно звучало п-пам, п-пам, п-пам, словно из плохо закрученного крана капала вода. Я открыла глаза, но света не было. Попыталась пошевелить руками, но они не послушались. Боль в груди изменилась, теперь казалось, что чья-то рука давит на нее, чтобы заставить выпустить весь воздух из легких. Если я и была ранена, то не ощущала этого.

Ритм то набирал скорость, то затихал, а потом снова возвращался. Мне показалось, что я знаю этот звук. Я ухватила за него как за веревку, которая вывела бы меня обратно к пониманию... п-пам, п-пам, п-пам...

Да, я знаю, это...

Но на меня снова накатило беспамятство, оставив голову пустой и звонкой.

— Нет, — отчаянно сказала я, пытаясь отогнать его от себя, уцепиться за действительность.

Снова раздалось п-пам... п-пам...

Я знаю, знаю...

П-пам.

— Машина, — прошептала я. Это колеса. Он куда-то везет меня. Но тут веревка снова начала выскальзывать из рук. Кто меня везет?

П-пам.

— Габриель, — прошептала я. Он заканчивает свою книгу. И я — часть ее. Вернее, конец.

Поток забытья сбил меня с ног. Я несколько секунд сопротивлялась, но сил не было. Звук колес начал затухать. Я еще раз протянула руку в надежде удержаться за него. На мгновение увидела себя идущей по бульвару Колорадо. Вот оно, держись. Я потянулась дальше. Парад. И я иду в толпе.

— Нет... Нет... — Я постаралась закричать, но не могла выдать ни звука. Маленькая девочка протянула ко мне ручонку и улыбнулась.

23

Казалось, голос зовет меня издалека, с другого конца комнаты или длинного коридора, такой же неразличимый, как воспоминание.

— Очнись, лейтенант.

Я почувствовала жгучую боль от пощечины. Чья-то рука с размаху ударила меня по лицу.

— Очнись! — заорал какой-то голос.

Сознание начало возвращаться. Создавалось впечатление, что я катаюсь на аттракционах в парке развлечений, набирая скорость и переворачиваясь в прерывистом потоке времени. Последний рывок напоминал заключительный отрезок американских горок, я неслась все быстрее и быстрее, а потом меня выкинуло обратно в настоящее с такой силой, словно я врезалась в стену.

Я подняла голову. Так, я сижу на стуле. На глазах повязка. Руки и ноги крепко примотаны к стулу. Ощувив прикосновение его ледяной руки к лицу, я дернулась.

— Хорошо, — сказал Габриель.

Запах дешевого одеколona тянулся за ним как шлейф, когда он обошел стул. Я попыталась сориентироваться, отмотать события назад к тому роковому первому шагу, который и привел меня в итоге в эту комнату. Вспышка в ночи. Дробовик. Гравий. Привкус машинного масла. Но на моей блузке нет крови.

— Ты выстрелил в меня резиновой пулей? — спросила я.

В том месте, куда попала пуля, кожу жгло, как будто к ней приложили горячий уголь.

— А мог бы и убить.

Но не убил и не убьет, пока я не исполню роль в его драме, как он того хочет. Это мое единственное преимущество, если можно как-то использовать то, что ты знаешь, как именно умрешь через несколько часов.

— Где моя дочь?

Габриель стукнул меня по уху, и меня пронзила острая боль, как будто я схватилась за оголенный провод.

— Я мог бы убить тебя! — со злостью повторил он, словно я не до конца осознала всю серьезность положения и то, что моя судьба у него в руках.

Я ощутила его дыхание на своей шее и окаменела.

— Тебе очень повезло, — прошептал Габриель мне на ухо.

В его дыхании перемешался сладковатый привкус корицы и горечь подгоревшего чеснока. Его рука скользнула мне на плечо и надавила на рану от резиновой пули. Я охнула, и воздух в легких кончился. Такое впечатление, словно рука этого психа залезла мне прямо в грудь и схватила за сердце.

— Понежнее?

Я попыталась ответить, но воздуха не хватало, чтобы вымолвить хоть слово. Рука Габриеля переместилась на горло, и он начал водить острым ногтем указательного пальца вдоль линии подбородка. Боль в груди стала затихать, и я смогла сделать вдох.

— Ты жалкий ублюдок! — воскликнула я.

Он отдернул руку, а я сжалась, приготовившись к очередной пощечине, но ее не последовало. Через повязку я ощутила, как он отпрянул, словно змея, прячущаяся в свою нору.

Я попыталась вспомнить, что видела в его глазах, что именно подсказало мне — эти глаза не с портрета Габриеля. Светлые, пронизывающие как бриллианты. В них светилась угроза, но я могла представить их и другими — нежными, умоляющими, светящимися от любви или роняющими слезы, или даже искрящимися от радости.

«Господь сотворил это лицо незабываемым» — так отец Пол описал портрет Габриеля. Но это не те глаза, на портрете были глаза хамелеона, актера... глаза, которые можно представить себе где угодно, в любой ситуации, и принадлежать любому. Господь сотворил... И тут я поняла. Как просто, просто и безукоризненно.

— Ты ведь не Габриель, да? Габриеля вообще не существует. Ты создал его, чтобы прятаться за ним, чтобы ты мог беспрепятственно ходить, где тебе вздумается.

Молчание.

— Кто же ты?

Я услышала его шаги. Казалось, он кружит вокруг как животное, изучает, решает, когда лучше напасть.

Давай, дави на него. Высмеивай его сценарий.

— Я знаю про Францию. Знаю, как ты убивал. Ты не террорист. Ты ни во что не веришь, ни за что не борешься, нет никаких высоких мотивов. Ты убиваешь просто потому, что у тебя съехала крыша, и ты жаждешь власти над людьми. Ты выполз из какой-то черной дыры, и тебя надо запихнуть обратно.

Шаги остановились за моей спиной и замерли. Я попыталась перевести дух, но воздух как будто испарился из комнаты. Я зашла слишком далеко? Насколько можно было надавить на него, не высвободив безумие, прячущееся внутри?

Его дыхание коснулось моей шеи, и каждый мускул моего тела напрягся в ожидании удара. Но ничего не произошло. Казалось, это дышит животное. Примитивное и ничего не скрывающее. Ничего не боящееся. Стоящее на вершине пищевой цепочки. Я почувствовала себя жертвой, которую тащили в логово хищника.

— Думаешь, ты хорошо меня знаешь? — прошептал он.

— Я знаю, что ты никогда не убивал женщин. Почему же?

Он засмеялся.

— Нет, ты меня не знаешь.

— Я знаю достаточно... — начала я.

— Я убил свою мать. Перерезал ей горло.

Он провел рукой по моим волосам. Меня затопила волна паники, и я мысленно повторила его слова: «Я убил свою мать. Я убил свою мать».

— Ты не...

— Ты никогда не поймешь меня... — сказал он мне на ухо.

— А что она тебе сделала? — спросила я слабым голосом.

— Всё, — прошептал он.

Я попыталась отогнать страх и продолжила:

— Ты...

— Чувствуешь тяжесть? — спросил Габриель.

По моему телу пробежал холодок. Я почувствовала, что на моих плечах что-то есть, чего я не заметила раньше. Как будто чьи-то руки схватили меня. Нечто давило на меня, окружив мое тело. Я осторожно вдохнула, опасаясь, что могу узнать больше, чем готова узнать. Жилет плотно сидел на мне. Взрывчатка напоминала кирпичики, аккуратно разложенные в ряд, а под ними небольшие пакетики с какими-то острыми предметами, которые кололись, когда я вдыхала Гвозди. Шрапнель. Остальное очевидно. Я буду «полем смерти».

Габриель был прав. Я не знала его, просто не могла знать. Я только что с головой

погрузилась в кошмар, и его мир для меня загадка. Все доказательства его жестокости и даже тот факт, что он похитил мою дочь, не подготовили меня к тому, что происходило сейчас. Мое горло сжалось от страха когда я пыталась сделать вдох. Мне пришлось бороться с желанием спрятаться под покровом паники, бешено несущейся по моему телу с каждым толчком сердца Это было бы слишком легко.

— Лэйси, — беззвучно прошептала я. — Лэйси, Лэйси, Лэйси...

Дочка была моим маяком. Верни меня. Помоги мне.

Я услышала щелчок и на секунду из-под повязки увидела вспышку фотоаппарата. Габриель сделал еще один снимок, и еще один, и еще... С каждой вспышкой мое дыхание учащалось и становилось все более прерывистым. Это снова происходит. Я стала новым экспонатом его коллекции.

Я пыталась найти какую-то опору, чтобы побороть панику, отпихнуть ее от себя.

— Тебе нужен был кто-то, чтобы перевезти взрывчатку через границу, поэтому ты и связался с Бримом и Финли. А еще тебе нужен кто-то, чтобы пройти через полицейское заграждение вместе с бомбой, для этого ты похитил мою дочь, чтобы добраться до меня.

— Я похитил твою дочь, потому что мне понравился ее голос.

— Я не буду убивать ради тебя.

— Мама, — сказала дочь.

Ее голос дрожал. Скорее всего, она думала, что я приду спасти ее, и вот теперь смотрела на меня в таком положении.

— Лэйси, — сказала я, мой голос дрогнул, а глаза наполнились слезами. — Ты в порядке?

— Это зависит от тебя, — сказал Габриель.

Раздался пронзительный визг, и в моем сердце открылась рана, словно кто-то отсек скальпелем кусок.

— Ах ты, сукин сын! — заорала я, пытаюсь высвободиться. — Оставь ее в покое!

Лэйси снова закричала:

— Нет!

— Прекрати, прекрати! — вопила я, слезы пропитывали повязку.

— Нет, мамочка, нет! — взвизгнула Лэйси. — Пошел на фиг!

Габриель методично превращал меня в жертву, шаг за шагом, словно я была каким-то механизмом, который он разбирает на детали.

— Пожалуйста, — взмолилась я.

Крики Лэйси почти стихли.

— Я сделаю все, что ты хочешь, только оставь ее... оставь ее... я все сделаю...

Я повесила голову и замолчала.

— Ты такая же, как все. Слабая. Ты всегда сдаешься. Ты пустое место.

Он словно возил меня лицом по грязи, наслаждаясь своей властью. Я сделала вдох, удержав воздух достаточно долго, чтобы утихомирить бешено колотившееся сердце. Потом еще один, пытаюсь найти выход, и тут меня позвал еле слышный голос, который, казалось, звучал из другой жизни.

— Работай.

Сначала я не услышала его или не могла услышать, но он снова обратился ко мне:

— Работай.

Это был голос Трэйвера. Большого Дэйва, защитника Лэйси.

— Он не знает того, что ты знаешь. Используй это.

— Хорошо, — прошептала я.

Дверь открылась, и Лэйси в отчаянии крикнула:

— Мамочка!!!

Она сопротивлялась, пинала своего обидчика, когда он тащил ее по полу.

— Лэйси!

— Ах ты, козел гребаный! — визжала она.

Дочкино сопротивление встряхнуло меня так же, как ее плач в первую ночь после возвращения из роддома. Я тут же устыдилась собственной слабости. Лэйси в заложниках уже почти сорок часов, а Габриель так и не смог сломить ее.

— Так его, Лэйси! — крикнула я.

Дверь захлопнулась, и ее крик оборвался. Звуки борьбы продолжались еще пару секунд, но затем он куда-то уволок мою девочку.

— Лэйси!

Вокруг меня замкнулось молчание, словно еще одно оружие Габриеля, с которым нужно было справиться, пока оно не возьмет верх.

— Все будет в порядке, Лэйси. Слышишь меня? С тобой все будет хорошо!

Сердце гулко колотилось в груди под взрывчаткой. Пакеты с гвоздями впивались в тело как когти.

Дверь скрипнула, и я снова ощутила присутствие Габриеля.

— Он не знает того, что знаешь ты, — прошептал Трэйвер.

Габриель молча обошел меня, как кот, выслеживающий мышь.

— Я сделаю все, что ты захочешь, как только буду знать, что моя дочь в безопасности.

Он промолчал, но тишина действовала на нервы словно визг.

Это часть его плана? Неужели я сейчас пробиваюсь в самое пекло, именно так, как он спланировал? Я только что усугубила ситуацию? Но откуда мне знать? Неужели Гаррисон сейчас читает о том, что происходит, и качает головой: «Нет, только не это»? Но опять же — откуда мне знать? Неоткуда. Ну и черт с ним!

— А не нравится — убей меня прямо сейчас.

Он несколько раз выдохнул как роженица.

— Плохая идея, да? Если ты меня убьешь сейчас, то парада не будет. А ведь ты этого не хочешь? А? Тебе нужно почувствовать свою власть. Чтобы двести миллионов человек по всему миру смотрели на твое творение. Чувствовали ужас. Думали, что каждый раз, когда они проходят мимо незнакомца на улице, это можешь быть ты.

Я решила давить до последнего.

— Если ты непустишь Лэйси, то все, что ты уже проделал, превратится в пыль. В ничто.

За моей спиной заскрипели половицы под тяжестью его веса.

— Как будто тебя никогда и не было. И всем будет плевать. Ты станешь просто очередным убийцей, пустым местом, которого один раз упомянут в новостях, а на следующий день забудут.

Он два раза прерывисто вдохнул, как животное, и снова стало тихо. Казалось, его тень мелькнула рядом, и от этого у меня волосы на шее встали дыбом.

— Значит, по рукам.

Габриель приставил нож к моему горлу. Сталь была теплой, словно лезвие было продолжением его руки. Я почувствовала острую боль, как бывает, когда порежешься о бумагу, и закрыла глаза.

— Я люблю тебя, Лэйси, — беззвучно прошептала я.

Лезвие давило на кожу все сильнее. Я открыла глаза и уставилась на крошечные пятнышки света, проникавшие через повязку, словно это было единственное, что осталось от мира.

Габриель надавил на нож и заставил меня поднять подбородок. Я закрыла глаза и увидела Лэйси среди гигантских секвой. Свободную. Совершенную.

Я почувствовала, как лезвие легонько затрепетало, когда у Габриеля задрожала рука, а потом он молча убрал нож.

— Ты пойдешь по бульвару Колорадо, — сказал Габриель, задыхаясь, как после долгой пробежки. — И растворишься во вспышке взрыва.

У рассвета был свой звук. В темном плену повязки я слышала, как он сползает по склонам гор, спускаясь на равнину. Утро нарушило тишину цокотом сверчков, криками пересмешников и пением петухов, звуками газет, шлепающихся на тротуар, далеким гулом машин. Сначала звуки были единичными, но постепенно заполняли пространство, как набегающая волна.

— Он скоро придет, — прошептал Трэйвер мне на ухо.

Я потянулась к Дэйву, как будто он и впрямь был в комнате.

— Расскажи мне, где ты.

Эту технику я использовала в работе с Дэйвом, когда он только-только пришел в убойный, чтобы отработать умение замечать на месте преступления детали. Иногда вы даже не осознаете, что их видите.

Я попробовала воссоздать картинку по звукам.

— Комната три на три с половиной, окна выходят на юг, там автострада, собаки нет, это не жилой район, а скорее торговый, довольно дешевый...

— А запахи?

Я втянула носом воздух через повязку. В воздухе витал какой-то еле различимый запах. Нет, это не цветы. Его сладость была едкой, как когда вы впервые вдыхаете воздух в помещении, где целые сутки пролежал труп.

— Я не знаю.

— Знаешь. Постарайся.

Я снова сделала вдох, пытаюсь мысленно представить себе этот запах так, словно у него был цвет.

— Яркий, сильный.

— И?

— Это животный жир, — прошептала я. В запахе было что-то знакомое, но я не могла вспомнить.

— Анализируй, как ты делаешь на месте преступления.

— Сегодня Новый год, — начала я.

— И что бывает на Новый год?

— Парад... футбол... нет, тут другое...

— Другое.

Я дернулась, словно мысль была лишь веревкой, как те, что связывали меня по рукам и ногам, но не смогла увидеть связь.

— Не вижу.

— Видишь.

— Как?

— Вернись назад.

— Но я не знаю, насколько.

— Это очевидно.

— Новый год.

— Да.

— Первое утро нового года.

— Да.

— Похмелье.

— Да.

Я показала головой.

— Все равно не вижу.

— Видишь.

— Похме... Менудо! Кто-то готовит суп из требухи!¹⁸

¹⁸ Густой острый суп «менудо» из требухи, телячьих ножек, зеленого перца чили считается лучшим

Я прислушалась и услышала звук, который не заметила раньше. Почти не слышный, но он все-таки был.

— Вытяжка!

— Хорошо, — похвалил Трэйвер.

— Я рядом с мексиканским рестораном.

Я вглядывалась в темноту повязки и начала прикидывать в голове, где могу находиться, но эйфория от сделанного открытия быстро прошла.

— Кого я обманываю? — прошептала я.

Сегодня во всех мексиканских ресторанах города будут готовить менудо.

— Этого недостаточно, — зло сказала я.

— Расскажи мне о Габриеле.

Я вспомнила, как Габриель зажимал мне рот тряпкой, пропитанной какой-то гадостью, и попыталась нарисовать картинку.

— Сильный, около ста восьмидесяти пяти, правша...

— Ты не говоришь о том, что действительно важно.

— Жизни, которые он отнимает, ничего не значат для него, жертвы — лишь действующие лица его спектакля, они начинают жить только после того, как он их создал.

— Но не его мать.

Одной только мысли было достаточно, чтобы каждый нерв в моем теле натянулся струной. Господи, он перерезал горло собственной матери.

— Нет, с ней было по-другому.

— Как?

— Она была для него живой, настоящей.

— Тогда зачем он ее убил?

— Не знаю.

— В приступе гнева?

Нет. Я не заметила в поведении Габриеля ничего, напоминающего гнев.

— Он спасал ее.

— От чего?

— От самой себя, от воображаемых преступлений или реальных, одному Богу известно.

— А после этого?

Я задумалась.

— А после этого началась его жизнь. Реальностью для него стало то, что он создает на своей сцене. Все остальное, жизни других людей — ложь.

Звук шагов за дверью заглушил голос Трэйвера, и я снова осталась одна, отгороженная от мира темной повязкой. Дверь распахнулась, и вошел Габриель.

— Начинается, — прошептала я.

Он молча подошел и встал за моей спиной. Только что из душа. Я чувствовала запах шампуня. А еще его дыхание пахло кофе, крепким и сладким кофе.

— Если ты попытаешься снять жилет, бомба взорвется, — сообщил Габриель. — Если попытаешься убежать подальше от толпы, то сработает детектор движений.

— Как у Филиппа.

Я слышала, как Габриель выпустил воздух через нос. Он улыбался, даже насмехался над моими словами.

— Если этот твой Гаррисон попытается обезвредить бомбу, то у него ни хрена не выйдет, и тогда вы умрете на пару.

— Но я не смогу приблизиться к парадку в этом жилете.

— Он будет спрятан под курткой. Собаки ничего не учуют. А ты полицейский, кто тебя остановит.

Я вспомнила, что у этого израильского пластида нет запаха — идеальная взрывчатка.

— Вы мне нравитесь, лейтенант, — сказал Габриель, снова переходя на «вы». — У меня такое чувство, что я — член вашей семьи. Вы понимаете, что я делаю. Понимаете, что такое власть. И когда я взорву вас на Колорадо, за этим убийством будет наблюдать самое большое количество зрителей за всю историю. Можете себе представить, как по всему миру люди целыми семьями усядутся вокруг телевизоров, чтобы посмотреть Парад роз, и в мгновение ока я просочусь в их жизни, в их дома. Я буду их ночным кошмаром, когда они будут закрывать глаза и пытаться уснуть. Я буду стоять у них за спиной, когда они будут слышать хлопок двигателя и думать, что это взрыв. Я буду везде, потому что вы сделаете меня воплощением ужаса. Это будет ваш прощальный подарок этому миру, лейтенант, вас будут помнить благодаря мне.

— Ты больной ублюдок, и я тебя прикончу.

Он пропустил мои слова мимо ушей, как будто их и не было.

— Когда парад начнется и первый оркестр пойдет по улице, вы выйдете на Колорадо и присоединитесь к ним. Когда я увижу вас, то у вас в кармане жилета зазвонит телефон, и ваша дочка скажет, что она свободна.

Габриель отвязал мои руки от стула и оставил их связанными за спиной.

— А потом вы почувствуете вспышку, волну тепла над сердцем, характерный запах.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда я сниму с вас повязку, и вы будете смотреть, как я разрезаю вашу дочь на части, как тушу теленка, и будете слушать ее крики.

Раз — и он снова вернул себе власть надо мной.

— Я хочу ее увидеть.

— Вы увидите последний толчок ее сердца, а она в это время будет смотреть вам в глаза...

— Прекрати...

Он разозлился:

— Если ты опоздаешь, она умрет. Изменишь что-нибудь, воспользуешься телефоном, лежащим в кармане жилета, она умрет, а я все равно взорву бомбу. Поняла?

— Иди к черту...

Габриель схватил меня за горло.

— Говори «да», — скомандовал он.

Я почувствовала, как его ногти впиваются в кожу.

— Да, — сказала я слабым голосом.

— Умница.

Затем его рука закрыла мне рот, и я ощутила тот же горьковатый запах, что и раньше.

— Это мы уже делали... дыши.

Я инстинктивно сопротивлялась, отказывалась вдыхать, тогда Габриель свободной рукой схватил меня за шею и сильнее прижал тряпку к рту.

— Ты зря теряешь время, которого у тебя и так нет.

Я покачала головой, тогда он ударил меня в солнечное сплетение, чтобы воздух вышел из легких, заставив меня судорожно вдохнуть.

И я втянула в себя эфир, словно кислородный коктейль.

— Ты все запомнила, что я тебе сказал? — прошептал Габриель мне в ухо.

Пары эфира въелись в горло, и по телу побежал озноб. У меня онемели пальцы. Я попробовала что-то сказать, но язык не слушался, я не могла издать ни звука. И снова начала соскальзывать в туман. Из темноты, сквозь ткань повязки, на меня обрушился калейдоскоп цветов.

— Ошибешься, и она умрет.

Я покачала головой, по крайней мере мне так показалось.

— Опоздаешь... она умрет...

Слова Габриеля растягивались и теряли форму, как будто были осязаемыми.

— Подведешь меня... умрет...

Эти слова растворились, потом на мгновение приняли форму, и их тут же смысл поток цветов.

25

И меня снова куда-то везли, или уже привезли. Через наркотический туман я не могла понять. Казалось, время сначала сделало крюк назад, а потом скачками полетело вперед. В какой-то момент настоящее соприкоснулось с прошлым. Вот я лежу, и кажется, что шум дороги доносится откуда-то издалека. В следующий момент я смотрю на Трэйвера, который держит на руках своих дочурок. А еще через секунду я в какой-то комнате, и со всех сторон на меня смотрят жертвы Габриеля, в их глазах мольба о помощи.

И снова шум автомобилей, отдельные звуки тонули в грохоте сотен машин. Я пыталась сконцентрироваться на чем-то одном в надежде, что это станет трамплином для прыжка в сознание, но звуков было слишком много. Свистки полицейских. Гудок. Я слышала, как кто-то говорит на повышенных тонах, но не могла разобрать слов. Где-то вдалеке играла музыка, хаотично и нестройно, как будто отдельные ноты смели и выкинули в воздух.

А потом тишина. Звуки замерли. Движения прекратились. Я попыталась считать вдохи, чтобы не впасть в забытие: раз... два... глаза слипались... три... три... Я стою над могилой своего бывшего мужа. А потом ощущаю, что проваливаюсь как во сне, когда вам кажется, что вы кувыркаетесь в воздухе. Внезапно машина остановилась. Я почувствовала, как Габриель подхватил меня под мышки и поднял. Повязка перестала давить на лицо. Было такое впечатление, словно кто-то отдернул рано утром занавеску. Какие-то серо-белые пятна прыгали перед глазами, но я не могла различить деталей.

— Дыши.

Едкий запах нашатыря заполнил ноздри, и я дернулась. На поверхности мутного серо-белого пятна всплыли несколько цветных островков. На мгновение передо мной появились контуры лица, но тут же уплыли.

— Дыши.

Новая волна аммиака ударила меня, словно чья-то рука влепила пощечину. И снова я увидела его глаза, смотревшие сквозь меня, словно я перестала существовать.

Я взглянула вниз и увидела расплывчатые очертания своей руки, лежащей на коленях. Медленно подняла ее к лицу. Сделала вдох, потом еще один, и еще...

Очертания руки обрели четкость. Сознание врезалось в меня словно машина, потерявшая управление, крутя и переворачивая. Желудок неприятно сжался, меня затошнило. Картинка перед глазами то прояснялась, то снова погружалась в туман. Рука нащупала пистолет в кобуре, и я инстинктивно выхватила его, нацелившись туда, где только что нависало лицо Габриеля, но машина была пуста. Я приподнялась на сиденье и осмотрелась. На улице почти никого не было, лишь несколько отстающих торопились присоединиться к толпе, направляющейся на парад. Габриель исчез.

Я положила пистолет на колени и сделала несколько глубоких вдохов. Голова гудела от действия наркотиков. На часах без пятнадцати восемь. Парад начнется через сорок пять минут. Я должна была не забыть какие-то инструкции, но детали ускользали.

И тут я заметила, что под курткой что-то надето, и ощутила тяжесть на груди и плечах. Аккуратно и медленно расстегнула молнию и увидела жилет. Кирпичики взрывчатки разложены по карманам в ряд вокруг грудной клетки. Обвивающие жилет провода сходились прямо над сердцем. Под пластидом выпирали мешочки со шрапнелью. Гвозди кололись через ткань. Да, примерно так я и представляла себе то, что увижу, за исключением одного — в центре бомбы располагался небольшой стеклянный цилиндр, внутри которого находилось какое-то вещество, похожее на ртуть. Детектор движений. Если провод покажется над поверхностью, то цепь замкнется, поскольку внутри цилиндра воздух заряжен. Ну, не нужно быть экспертом, чтобы догадаться, что тогда произойдет. Я тяжело

выдохнула и посмотрела, как блестящая субстанция покачивается в трубке от малейшего движения грудной клетки.

Шум в голове тут же прекратился, и я вспомнила все слова Габриеля, все подробности того, как я должна погибнуть.

— Побежишь и умрешь, — шептала я, осматривая салон машины. — Останешься сидеть здесь и тоже умрешь.

Я скользнула вдоль сиденья, открыла дверцу и осторожно выбралась из автомобиля. И тут колени подогнулись, и асфальт начал стремительно приближаться. Я ухватила за дверцу — левая рука скользила по стеклу, а правая крепко держалась за край, как будто это был уступ на высоте пятнадцатого этажа. Я посмотрела на детектор движений. Блестящее вещество покачивалось туда-сюда при каждом движении, угрожая обнажить провод.

— Упадешь и умрешь, — сорвалось с моих губ, и тут же по телу пробежала дрожь. — Лэйси умрет, — прошептала я.

Я не отпускала дверцу, пока ноги не перестали трястись, а голова не прояснилась достаточно, чтобы я могла стоять без посторонней помощи. Я огляделась, пытаюсь понять, где я. На небе ни облачка, даже ветра нет. Людской поток справа, должно быть, течет на юг по Орандж-гроув. Судя по тому, что передо мной маячили как жилые дома, так и нежилые, я нахожусь на Уолнат, к северу от Колорадо, как раз за оцеплением, выставленным Чавесом и ФБР. Гаррисон будет меня искать, вот только где? Насколько подробно описаны события в дневнике Габриеля? Мне нужно найти какого-нибудь копа, но для этого придется пройти по крайней мере квартал среди толпы, двигающейся по Орандж-гроув. А что, если у Габриеля не выдержат нервы, или он просто допустит ошибку, или я споткнусь, просто возьму и глупо так оступлюсь? Или меня нечаянно толкнет перевозбужденный восьмилетний мальчуган? Сколько людей тогда погибнет?

Я отошла от машины и сделала несколько шагов, чтобы проверить вестибулярный аппарат. Ноги держали меня. Я осторожно застегнула молнию, спрятав бомбу, и двинулась к людскому потоку.

Оставалось сорок минут.

Вдалеке играли оркестры. Барабанная дробь, звуки трубы, звонкий и жалостливый плач валторны.

В трех кварталах к югу два полицейских вертолета медленно кружили вдоль пути следования процессии. Что они искали? Врага? Так я и была врагом.

— Это не поможет, — со злостью сказала я.

С каждым шагом звуки, движения и краски вокруг становились более четкими. Гул голосов сотен зрителей, занимавших места вдоль пути следования парада, заполнял воздух как шум генератора. До меня донесся запах сахарной ваты, потом кофе и наконец аромат тысяч цветов, украшавших десятки платформ в нескольких кварталах к югу. Так выглядят последние шаги? А на что они были бы похожи, если бы вы знали, что за следующим поворотом вас ждет смерть, так же отчетливо, как животное предвидит опасность?

Метрах в тридцати от Орандж-гроув я остановилась. Люди, идущие по направлению к Колорадо, перестали быть потоком размытых форм и ярких одежд. Теперь они существовали не как масса, а как отдельные личности, тысячи отдельных личностей. Все разные, все уникальные, у каждого своя история. Я различала их лица — старые, молодые, родители с колясочками, парочки, идущие за ручку, семьи, шагающие небольшими группками, улыбающиеся, смеющиеся, ни в чем не виноватые. Все они здесь. Все они взяли тайм-аут от ежедневных хлопот, боли и ненормальности нашего мира, пытающейся разрушить иллюзию спокойствия.

Я осторожно сделала шаг, потом другой, третий, пока не оказалась рядом с толпой. Я старалась не смотреть в глаза, но это было невозможно. Их глаза приковывали мое внимание, требовали, чтобы я заглянула в них, поняла их, оценила.

Я влилась в толпу и двинулась вместе со всеми на юг. Молодая женщина с ребенком на руках бросила на меня взгляд. На ее губах начала появляться улыбка, но тут же ускользнула

прочь. Я увидела, как изменилось выражение ее глаз. Во взгляде мелькнул то ли вопрос, то ли недоверие. Она покрепче обняла своего малыша и поспешила прочь. По моему телу, словно вирус, расплзлось ужасное чувство — я предала всех этих людей. Я лишняя. Я предательница. Почему я вообще зашла так далеко? Почему не остановилась там, где взрывом убило бы только меня и...

Тут в памяти всплыли слова Габриеля.

— Выбирай.

Маленькая мексиканская девочка с черными как смоль волосами и темно-карими глазами посмотрела на меня, словно задавала тот же вопрос. Она растворилась в толпе, и ее личико сменилось чьим-то еще лицом, а потом еще и еще, и все они не догадывались об опасности, которая идет в толпе, среди них.

Теперь я знала ответ на этот вопрос. Я бы, не задумываясь, пожертвовала своей жизнью ради дочки, но ходячей бомбой не буду. Это не просто незнакомые люди, идущие на парад. Габриель не понял. Мы все частицы одного огромного покрывала, нити которого вплетаются в наши жизни. Большую часть времени мы игнорируем это, притворяемся, что между нами не существует ничего общего. Мы причиняем друг другу боль, крадем, изменяем, обманываем, но достаточно одной секунды, чтобы напомнить нам об общности, связать нас. Это лишь миг, но он существует. Лэйси поняла это и говорила об этом более выразительно, просто я не понимала.

— Да пошел он, — сказала я про себя.

Мимо пробежал какой-то мальчишка и задел мою руку, но я удержала равновесие. Его мать прикрикнула и велела ему вернуться, а потом посмотрела на меня.

— Простите, — извинилась она за сына.

Я хотела ответить, но не могла. Слова застряли в горле. Я ускорила шаг. Нет, мне нельзя быть здесь, нужно поскорее отойти от них подальше, от их мечтаний и смеха, от их все еще нормальных жизней. А впереди людской поток притормозил и образовывалась очередь.

Проверка. Копы. Я увидела мигалки на крышах нескольких автомобилей, заблокировавших улицу. Вытащив значок из кармана, я начала обходить толпу. Людей пропускали через узкий металлоискатель, в ворота которого одновременно могли пройти всего двое. Полицейские рассматривали лица, проверяли у всех сумки. Никто не жаловался. Теперь это в порядке вещей.

Два офицера дорожной полиции штата и офицер полиции Пасадены дежурили по обе стороны от металлоискателя. Подойдя поближе, я узнала Джеймс и прочла удивление в ее взгляде. После секундного колебания она заняла оборонительную позицию, уставившись на ветровку, прикрывающую бомбу на моей груди.

— Уведите меня от всех этих людей, — в отчаянии взмолилась я.

— Все вас ищут...

— Немедленно! Вы поняли? Выполняйте!

Она помялась, а потом кивнула офицерам дорожной полиции, они уступили мне дорогу, и Джеймс повела меня прочь от толпы.

— Мне нужен Гаррисон.

Джеймс нервно кивнула:

— Мы думали...

— У меня мало времени, — отрезала я.

Я оглянулась. Женщина с малышом на руках с подозрением наблюдала, как меня уводят, почувствовав опасность. Я прочла это в ее глазах. Тот самый взгляд. Понимание того, как хрупок наш мирок.

Джеймс довела меня до машины, и мы быстро сели в нее.

— Они думали, что вы погибли, лейтенант.

Джеймс врубила сирену и мигалки, и мы понеслись на юг по Орандж Гроув.

— Нужно найти такое место, чтобы больше никто не пострадал, — сказала я,

расстегивая ветровку.

Джеймс несколько секунд не сводила взгляда с бомбы, не в силах скрыть шок.

— Решили, что бомбу будут взрывать в овраге.

Она еще раз нервно посмотрела на меня, а потом отвернулась и сосредоточилась на дороге.

Я взяла рацию.

— Это лейтенант Делилло. Мне нужно поговорить с Гаррисоном.

Джеймс нажала на газ и обогнула две другие полицейские машины, загородившие дорогу, а потом резко повернула на запад и поехала по направлению к оврагу.

— Если вы на что-нибудь наедете, офицер, мы обе умрем.

Я заметила легкий румянец на ее щеках, а потом она сбросила скорость и крепче взялась за руль обеими руками. В радиии раздалось потрескивание, а потом я услышала голос Гаррисона.

— Лейтенант, с вами все в порядке?

— В дневнике говорилось, где Лэйси?

Молчание.

— Гаррисон?

— Нет...

От его слов у меня перехватило дыхание. Я откинулась на сиденье, оставив микрофон лежать на коленях. Вот оно. Мы могли найти Лэйси только в одном случае — если Габриель скажет нам. Не может быть, не может быть. Нет, только не это. Я только что была с ней в одной комнате, слышала ее голос. Дочка была всего в паре метров от меня.

Может, я не так выразилась, и Гаррисон меня не понял.

— Ты уверен? Ты все прочел?

Он несколько секунд молчал. Я представила, как он смотрит на Чавеса и ищет у него ответа.

— Ты уверен? — еще раз спросила я.

— Мне очень жаль, — сказал Гаррисон.

Я перестала слышать вой сирены. Лица людей, мимо которых мы проезжали, слились в одно размытое пятно. Небо постепенно выцветало, пока не стало серым.

— Расскажите мне о бомбе, — попросил Гаррисон, но я его не слышала.

Джеймс повернула на бульвар Арройо и поехала вдоль каньона. Дома вдоль улицы были превосходными образцами практически всех архитектурных стилей, которые пытались завоевать калифорнийскую мечту: роскошные строения в стиле «тюдор», одноэтажные ранчо, испанские виллы, домики в ремесленном стиле. Они казались памятниками исчезнувшей империи. Пейзаж перестал быть моим, я стала чужестранкой.

Я взяла рацию:

— А там вообще что-то говорится о Лэйси?

Начала я услышала только помехи.

— Нам нужно сосредоточиться на бомбе, — сказал Гаррисон.

— Черт побери, скажи, что там написано!

Раздался голос Чавеса:

— Алекс, боюсь, она умерла.

Я закрыла глаза и покачала головой.

— Я не верю.

— Алекс...

— Нет!

Я выключила рацию и тут увидела цепочку из пятидесяти трех платформ, выстроившихся в ожидании начала парада. Им предстоит миновать пять с половиной миль. Квартал за кварталом мы проезжали мимо оживших открыток размером с полуприцеп, каждый сантиметр которых был покрыт цветами, словно они выросли на платформах после проливных дождей. Да, отличный символ того, что в Калифорнии вода и мечта — двигатель

прогресса. И за все сто пятнадцать лет ничто не могло помешать параду.

Мы добрались до поворота к оврагу и проехали мимо полицейского автомобиля. Внизу, метрах в тридцати от того места, где было обнаружено тело мексиканского майора, в центре автостоянки стоял контейнер для транспортировки взрывчатых веществ, оцепленный по периметру на случай... если я взорвусь прямо здесь.

Джеймс проехала мимо полицейских в самый центр зоны безопасности и открыла дверцу.

— Подождите здесь.

Я кивнула.

— Удачи, лейтенант. Надеюсь, что они ошибаются насчет вашей дочери.

Она быстро ушла, и тут появился Гаррисон с чемоданчиком в руке, в бронежилете и шлеме с пуленепробиваемой защитной маской. Я видела, как вдалеке беспомощно переглядываются Чавес и Хикс. Я открыла дверцу, поставила ноги на землю, но сама осталась сидеть. Гаррисон прошел пятнадцать метров и сел на корточки передо мной, наши глаза встретились.

— Вы в порядке?

Я кивнула. Ну да, в порядке.

Его взгляд переместился на бомбу. Когда Гаррисон увидел, с чем ему предстоит иметь дело, то перестал казаться вундеркиндом.

— Эта бомба сложнее предыдущих, — сухо заметил он.

Гаррисон снял шлем и поставил его на капот.

— Надень-ка его обратно.

— Если эта штука взорвется, то шлем не поможет.

Он расстегнул бронежилет и снял и его тоже.

— Как вы думаете, сколько у нас времени?

Я посмотрела на часы.

— Тридцать минут.

Он покачал головой.

— Этого мало.

— Габриель ждет, что я выйду на Колорадо, когда первый оркестр повернет за угол с Орандж Гроув.

Гаррисон осмотрел бомбу, а потом что-то мысленно прикинул, качая головой.

— Мне нужно, чтобы вы сняли ветровку и я посмотрел со спины.

Я встала, Гаррисон обогнул меня и аккуратно снял с меня куртку.

— Ну и как вид сзади?

— Почти так же, как спереди.

Он вернулся и начал изучать провода.

— Габриель прикреплял к вам что-то скотчем? По вашим ощущениям, провода где-нибудь касаются кожи?

— Вроде нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Он мог бы пропускать слабый ток прямо через ваше тело, разорвешь цепь и... всё.

Гаррисон осмотрел каждый сантиметр устройства в поисках слабого места, просчета.

— Я хочу, чтобы ты кое-что мне сказал.

Его взгляд на мгновение замер.

— Хорошо.

— Габриель написал в дневнике, что убил Лэйси?

Он с неохотой кивнул.

— А уточнил, когда именно?

Гаррисон задумался, вспоминая текст.

— Нет.

— Тогда она еще жива.

Гаррисон оторвался от бомбы.

— Хорошо, — сказал он, в его голосе слышался вопрос.

— Он убьет Лэйси только после телефонного звонка.

— Не понимаю.

— Как только начнется парад, я выйду на Колорадо.

Гаррисон кивнул:

— Да, так было в его дневнике.

— Телефон в кармане жилета зазвонит, и я должна услышать, что с Лэйси все хорошо.

И тогда он скажет мне, что дочка умрет. Я услышу, как она кричит... Габриель не упустит возможности продемонстрировать свою власть. Это смысл его жизни, власть нужна ему как воздух.

Гаррисон задумался на секунду, а потом кивнул, соглашаясь со мной:

— Мнит себя богом.

— Ну, я таких богов не знаю.

Мы молча смотрели друг на друга, а потом Гаррисон снова принялся изучать взрывное устройство.

— Мне кажется, тут четыре спусковых детонатора. Во-первых, детектор движений. Во-вторых, провода, обмотанные вокруг вас, один из них подключен к детонатору. То есть если мы попытаемся разрезать жилет или снять его через голову...

— А еще два?

— Я не уверен. Нужно проверить под блузкой, нет ли подводящих проводов. Простите... хм... на вас есть бюстгальтер?

— Ха, моя фигура ввела вас в заблуждение и создала ложное впечатление, что мне нужен бюстгальтер?!

На мгновение взгляд Гаррисона смягчился, и он еле заметно улыбнулся. Затем расстегнул мои брюки и осторожно вытащил заправленную в них блузку, двигаясь по кругу.

— Попробуйте не двигаться. Блузка облегающая, но, думаю, места для маневра достаточно.

Его руки скользнули под блузку, и пальцы побежали вверх по животу. Дойдя до груди, он остановился, и я почувствовала еще один провод, которого не заметила раньше. Сердце екнуло, и я начала задыхаться.

— Господи...

— Дышите нормально.

Он ободряюще посмотрел на меня:

— Мне нужно найти еще один.

Я кивнула и закрыла глаза, пока его руки шарили по моему телу под другой грудью, где остановились, обнаружив второй провод. Тогда Гаррисон вытащил руки из-под блузки.

— Могут возникнуть проблемы?

Гаррисон достал из чемоданчика зажим и проволоку.

— Только если я ошибусь.

Его рука снова скользнула под блузку, и он стал аккуратно прикреплять зажим на подводящий провод.

— Я видела его глаза, Гаррисон.

Он продолжил работать.

— Портрет Габриеля — это фальшивка. Такого человека не существует. Это маскировка.

Гаррисон закончил с одним проводом, и его рука переместилась ко второй груди.

— Габриель заручился поддержкой своих жертв, чтобы они предоставили нам описание, а потом убил их.

— Филипп, — сказал Гаррисон, не поднимая головы.

Я кивнула.

— Должно быть, он проделал то же самое во Франции.

Эти слова почему-то несколько секунд висели в воздухе, оставляя неприятный осадок, хотя я и не понимала почему. Я услышала, как второй зажим защелкнулся на проводе, потом Гаррисон вынул руку из-под блузки и взял миниатюрные кусачки. Абсурдность заключалась в том, что благодаря бомбе я снова ощутила на своей груди нежные волосы на мужской руке, и от этого хотелось то ли разрыдаться, то ли рассмеяться, сама не знаю.

Гаррисон взял провод кусачками, и я почувствовала прикосновение холодной стали над теплом его ладони.

— Если я ошибусь, никто из нас об этом уже не узнает.

Он посмотрел на меня, я кивнула и прошептала:

— Режь!

Мышцы его руки сократились, и кусачки беззвучно разрезали провод. Гаррисон закрыл глаза, возможно, чтобы помолиться, а потом глубоко вздохнул с благодарностью, что все обошлось.

— Вы в порядке?

Я кивнула.

Он вытащил руку из-под блузки и мрачно уставился на детектор движений.

— Стойте спокойно, — тихо сказал он, приближаясь, чтобы изучить сенсор.

И тут слова, которые я оставила висеть в воздухе, снова показались на поверхности и потребовали к себе внимания.

— Что я сказала о Франции?

Гаррисон оторвал взгляд от бомбы, но не слышал ни слова.

— Я немного занят.

Я быстро вспомнила.

— Габриель заручился поддержкой своих жертв, а потом убивал после того, как они давали нам описание.

Гаррисон с неохотой отвлекся от бомбы.

— И почему это так важно?

Я задумалась, но ведь я читала отчет всего лишь один раз, и сейчас казалось, что это было в прошлой жизни.

— Важно то...

Но детали ускользали от меня, я не успевала ухватить мысль за хвостик.

— Черт.

И внезапно ответ замаячил прямо передо мной, словно речь шла о простой игре.

— Важно то, что этого не произошло.

Гаррисон вопросительно посмотрел на меня.

— Чего не произошло?

— Тот пациент, который дал французской полиции описание Габриеля, выжил. Его не убили.

— Ну, ему просто повезло.

Но Гаррисон не успел еще закончить фразу, как посмотрел на меня и покачал головой. Нет, слово «везение» не подходит, оно неприменимо, когда имеешь дело с Габриелем.

— Вы тоже не верите в это?

— Нет. Он выжил не просто так, на то была причина.

— Но какая?

— Самая простая всегда самая лучшая.

— Если ее видишь...

Гаррисон задумался, но смысл ускользал от него.

Я задала наводящий вопрос:

— Зачем Габриель отрезал голову Филиппу?

Гаррисон нахмурился, вспомнив труп в мусорном бачке.

— Чтобы напугать нас до смерти.

— Но он и так нас напугал. Еще зачем?
— Чтобы нельзя было опознать тело.
— Но зачем? Что он хотел скрыть от нас?

Гаррисон покачал головой.

— У меня в кармане блузки лежит фотография. Ты можешь залезть под жилет и достать ее?

Гаррисон аккуратно просунул руку под жилет и вытащил снимок из кармана. Затем, сантиметр за сантиметром, вытащил руку, держа фотографию, которую я забрала из квартиры Филиппа.

Я взяла ее и посмотрела на глаза Филиппа. Нет не то, слишком мелко.

— Бесполезно.

Я еще пару секунд разглядывала снимок. Филипп стоял перед большим белым зданием. Над входом что-то написано по-французски. Машины, пешеходы и...

— Что вы ищете?

— Вот это.

Я протянула Гаррисону фотографию и показала на расплывчатый объект на заднем плане. Гаррисон внимательно рассмотрел его.

— «Скорая помощь».

— Посмотри на надпись над входом. Что это, по-твоему?

— Думаю, больница.

— А зачем фотографироваться на память на фоне больницы?

— Неза... — И тут он понял. — Господи.

— Вот где он расправился со своей первой жертвой.

— Те убийства в госпитале.

Я кивнула.

— Это первый снимок из его коллекции.

Гаррисон ошарашенно посмотрел на меня.

— Филипп и есть Габриель.

Я еще раз прикинула, чтобы убедиться в своей правоте.

— Когда я была в плену у Габриеля, он назвал тебя по имени, хотя я ни разу не упоминала его. Но Габриель отлично знал, как тебя зовут, потому что именно ты снял бомбу с его коленей в квартире Филиппа.

Кусочки головоломки сложились в целое как строительные блоки.

— И Филиппа никто не похищал из явочной квартиры. Он сам порезал себе руку и выбрался из окна.

И тут все стало на свои места, но от этого ощущение собственного провала лишь усилилось. Схватить убийцу, а потом самому же выпустить его — кошмар любого копа.

— Труп в мусорке — полицейский по найму из агентства «Вооруженный отпор».

— Но он должен был понимать, что мы рано или поздно выясним это.

Мы удивленно переглянулись, и мои глаза наполнились слезами.

— Черт побери, он был у нас в руках!

Я спрятала лицо в ладонях и задрожала от переполнявших меня эмоций.

— Он всех нас обвел вокруг пальца, а не только тебя, — мягко сказал Гаррисон.

Я посмотрела на него и покачала головой.

— Это мое дело... мое.

Гаррисон начал что-то говорить, но сдержался. Сказать больше нечего, и так все ясно.

— Сколько у нас времени?

Он посмотрел на часы:

— Двадцать минут.

Я попыталась сконцентрироваться, отвлечься от мысли, что мы помогали Габриелю в его преступлении.

— У нас нет времени обезвреживать эту штуковину, да?

Гаррисон посмотрел мне в глаза и покачал головой.

— Да.

Думать, что вы что-то понимаете, а потом услышать это — две большие разницы. Я посмотрела на жилет, но перед глазами стояли часы, отсчитывающие последние минуты.

— Значит...

Я растерялась. Это уж слишком. Бомба начала душить меня. Мне хотелось вернуть Лэйси. Услышать ее голос, обнять ее и никогда не отпускать. И совершенно не хотелось знать, что я отпустила человека, собирающегося убить ее.

— Значит что?

Я взглянула на Гаррисона в надежде, что он найдет путь из того хаоса, в который погружаюсь я.

— Часть детонаторов задумана так, чтобы запудрить нам голову и отвлечь, поэтому нужно беспокоиться только о том, который Габриель собирается использовать. А сделать это он может лишь на расстоянии.

Гаррисон расстегнул карман над кирпичиками взрывчатки и аккуратно вытащил телефон. Он увидел что-то, что мне увидеть было не дано.

— Неправильно, — сказал он почти что шепотом.

Я заглянула ему в глаза, пытаюсь прочесть, насколько он боится, но если ему и было страшно, то он давным-давно научился прятать свой страх, вероятно так же, как и сам научился прятаться от любви после убийства жены.

— Что неправильно?

Гаррисон достал маленький ножик, подцепил крышечку телефона и уставился на микросхемы.

— Тут ничего нет, это просто телефон.

— И что?

Он несколько секунд смотрел на жилет, а потом расстегнул один из пакетиков с гвоздями, которые выпали на асфальт, словно внутренности.

— Здесь нет дистанционного включения. — Гаррисон вспыхнул от гнева.

Он открыл остальные пакетики со шрапнелью.

— Я только зря потратил время.

— О чем ты, Гаррисон?

Он заглянул мне в глаза:

— А вы что, не понимаете?

Я покачала головой.

— Если бы Габриель хотел убить много людей, то я не смог бы вот так просто извлечь гвозди и шрапнель.

Гаррисон уставился на кармашки со взрывчаткой, скользая взглядом по проводам и пытаюсь найти ответ на какой-то вопрос. Он осторожно открыл один из кармашков, ухватил провод двумя пальцами и проследил, куда он идет, расшифровывая значение увиденного.

— Сукин сын.

Он вытащил взрывчатку, выдернул детонатор и помял мягкое вещество.

— Это глина.

Гаррисон отбросил глиняный брусок и быстро открыл еще три кармашка.

— Везде только чертова глина.

Он вытащил псевдовзрывчатку из трех кармашков и выкинул ее, а я посмотрела на единственный кирпичик, который остался нетронутым.

— Кроме этого.

Гаррисон кивнул:

— Да.

— Этот для меня.

— Да, и вы — детонатор.

— Детектор движений.

— В своем дневнике Габриель говорит о том, что вы с Лэйси умрете, а я решил, что остальные смерти подразумеваются, поскольку люди умрут вместе с вами.

Гаррисон несколько секунд не сводил с меня глаз.

— Он мог бы уничтожить десятки, но почему хочет убить только вас.

Я задумалась.

— А ему это не нужно.

— Почему?

— Телевидение. Мы же теперь познаем мир через телеэкран. Он проникнет в дома двухсот миллионов зрителей. И эти двести миллионов будут бояться его, когда увидят, как я умру.

Я увидела ужасную картину целиком.

— Выбирай, — прошептала я.

Гаррисон со страхом посмотрел на меня.

— Габриель не мог рисковать, а то вдруг я не решусь взрывать себя в толпе, так что он упростил мне выбор так, чтобы я приняла решение без колебаний. Я могу слушать крики своей дочери или... остановить их.

Я посмотрела на край оврага, по которому цепочкой двигались люди на парад. Внезапно мне стали понятны все извращенные желания Габриеля.

— Серийные убийцы любят, чтобы преступление было интимным. Габриель собирается убить меня словами, просто словами, нашептывая их мне в трубку как любовник. Нет ничего интимнее. А миллионы людей увидят мою смерть и... испугаются его. Разве можно мечтать о большей власти? Он одним ударом убивает двух зайцев и получает все, что хочет.

Мы посмотрели друг на друга, пытаясь сориентироваться на новой местности.

— Вы знаете, куда он вас отвозил?

Я покачала головой.

— Не думаю, что он держит там Лэйси. Он отвез бы ее в какое-то место, которое что-то значит для меня, чтобы продемонстрировать свою власть над нами... Чтобы у меня была еще одна причина выполнить его требования.

— Но куда именно?

Я посмотрела на склоны оврага и на домики на холмах.

— Домой, — прошептала я, поворачиваясь к Гаррисону. — Габриель сказал мне, что чувствует себя членом моей семьи.

Тут же на меня хлынул поток деталей.

— Когда мы нашли машину Лэйси, пульт от гаража был внутри?

Гаррисон задумался, а потом покачал головой.

— Не припомню, чтобы он был в списке. Но в вашем доме дежурит офицер.

— Дай мне свой телефон.

Гаррисон протянул мне трубку, и я набрала номер. После четырех гудков включился автоответчик: «Вы позвонили Алекс и Лэйси, пожалуйста, оставьте сообщение».

Машина пикнула, потом до самого конца пленки — тишина. Я повесила трубку.

— Наверное, офицер на улице в своей машине.

Но было что-то еще, какая-то мелочь, затерявшаяся в обрывках последних нескольких дней.

— Автоответчик.

— Что автоответчик?

— Перед тем как похитили Лэйси, я позвонила домой и оставила сообщение, но она сказала, что не получила его. Я прослушала все сообщения, и моего действительно не было. Думаю, Габриель побывал у меня дома и стер его.

Я посмотрела на жилет:

— Сколько времени потребуется, чтобы обезвредить остатки бомбы?

Гаррисон покачал головой.

— Много.

— Значит, мне просто придется быть осторожной.

Гаррисон посмотрел на меня, и в его взгляде я прочла все возможные варианты развития событий.

— Очень осторожной.

К Гаррисону подошел Чавес. Он пытался найти слова утешения, но не мог, посмотрел на жилет, потом на меня, и в его глазах застыла тревога.

— Мы опаздываем. Хочешь, я попрошу задержать начало парада?

— Тогда Лэйси умрет.

На его лице отразилось сначала удивление, а потом облегчение:

— Она жива?

Я кивнула Чавес несколько секунд с сомнением смотрел на меня, но не потому, что не хотел верить, просто сомнение — постоянный спутник после двадцати лет службы в полиции.

Я протянула Чавесу снимок.

— Филипп не умер, он и есть Габриель.

Несколько секунд он стоял, разинув рот, как турист, впервые увидевший Большой Каньон.

— Величайшая роль Габриеля вовсе не террорист, а жертва. Так что мы охотились за фантомом.

— Ты его видела?

— Нет.

— Тогда это лишь догадка.

— Я с ней согласен, — сказал Гаррисон.

Я протянула ветровку Чавесу:

— Нужно найти какую-нибудь женщину-полицейского, которая вышла бы на Колорадо в моей куртке.

— Без проблем.

— Ей нужен будет мобильный и брюки такого же цвета, как у меня.

Чавес выслушал и кивнул.

— А где спецназ?

— Вдоль Колорадо, вместе с нашими.

— Сколько офицеров свободно?

Чавес пристально посмотрел на меня, а потом до него дошел смысл моих слов.

— Ты не думаешь, что он на параде?

Я покачала головой.

— Нет, я считаю, что он отвез Лэйси к нам домой.

— Уверена?

— Нет. Но если я ошибаюсь, то потеряю дочь.

— Алекс? Все задействованы на операции.

— Значит, свободных людей нет, это ты хочешь сказать? По крайней мере, не для проверки моих догадок.

Чавес посмотрел через плечо на Хикса и вздохнул:

— Он убьет ее, Эд. Я должна попробовать.

Крестный папа Лэйси резко вдохнул, как будто залпом выпил стопку текилы. Если я ошибаюсь и что-то произойдет на параде, а он выдернет оттуда полицейских, то ему придется хреново. Он должен будет побывать на похоронах всех жертв, все будут указывать на него пальцами, и тридцать лет службы коту под хвост. Нет, я не могла требовать таких жертв. Ни ради себя, ни даже ради Лэйси.

— Мы с Гаррисоном проверим эту версию, — сказала я.

Чавес покачал головой:

— Я в твоём распоряжении.

Гаррисон повернул на Марипоса-стрит и съехал на обочину. Почти на самой вершине холма, слева, располагался мой дом, увитый плющом и ледяником. На улице перед домом стоял пустой автомобиль без полицейской символики, принадлежащий офицеру, который не брал трубку.

— Хм, я был не прав, его нет в машине, — заметил Гаррисон.

Он посмотрел на меня:

— Газета все еще лежит на подъездной дорожке.

Чавес рассмотрел фасад дома в бинокль.

— На всех окнах занавески задернуты.

— Я их не задергивала.

Я уставилась на дом, пытаюсь узнать в нем место, где я зачала ребенка, куда принесла доченьку из роддома, но не могла. Он стал чужим. Нет, мой дом не может быть таким — с фальшивыми ставнями, выкрашенный в желтый свет, с чахлыми розочками, которые я высадила, когда по ошибке пыталась выдать себя за нормальную мать. Все было как обычно в последние восемнадцать лет. Но эта обычность пугала еще больше. Внутри из-под кровати выбрался монстр, который прячется в кошмарах каждого ребенка.

— Через две минуты мы должны услышать, как четыре самолета F-15 пролетят над зрителями парада, — сказал Чавес. — После этого первый оркестр вывернет из-за угла, и начнется шествие, и сотни тысяч людей будут веселиться.

Я почувствовала, как время ускорило бег, мне хотелось притормозить его, перевести дыхание, но, увы, остановить время не в моей власти.

— Четыре минуты, — сказала я, как будто мне нужно было услышать эти слова, чтобы поверить в них.

— Как ты хочешь войти? — спросил шеф.

— В гараже есть дверь. Габриель не услышит нас изнутри. Он или в комнате Лэйси, или в моей. Скорее всего, в дочкиной.

Я бросила взгляд на детектор движений, прикрепленный к груди.

— На каком расстоянии я должна находиться, чтобы никто... — Я не закончила.

— Если взрыв произойдет на улице, на открытом пространстве, то серьезно ранены будут все, оказавшиеся в радиусе трех метров. Но в помещении все иначе. Опасность увеличивается, поскольку взрывная волна сметает все на своем пути, и вас может ранить летящим предметом.

Я вспомнила Дэйва, исчезнувшего в клубах дыма в бунгало Суини.

— Осколками стекла или выбитой дверью.

У Гаррисона было такое выражение лица, которое можно видеть на похоронах, когда впервые ощущаешь, что близкого тебе человека больше нет.

— Любой предмет становится оружием: ложка, ручка, кофейная чашка... короче, всё.

Я посмотрела на часы, которые теперь тоже превратились в оружие. Я потеряла ремешок, пытаюсь снять их, но большая мясистая ладонь Чавеса мягко сжала мое запястье. Его глаза встретились с моими, и в них читалась та же уверенность, как и в тот день, когда Чавес объявил мне, что я назначена руководителем убойного отдела.

— Пожалуйста, не делай этого, — тихо сказал Чавес.

Вдалеке еле слышный рев моторов F-15 нарастал, как приближающийся шторм, угрожающий смести все на своем пути. Я оставила в покое часы и потянулась к руке Чавеса, но не смогла дотронуться до нее.

— Три метра, — мысленно напомнила я себе и отдернула руку. Я больше не являюсь частью этого мира, даже выдавшего виды мира копов. И никакие слова и дела не могли меня убедить в обратном.

— Он позвонит, — сказала я.

Чавес заметил, как я отдернула руку, и с грустью кивнул, словно ощутил пропасть, разверзшуюся между нами.

— Офицер Джеймс вызвалась пройти вместо тебя по Колорадо.

— Как только он позвонит, мы проникнем в дом.

Гаррисон проехал немного вперед. Когда мы миновали третий дом справа, оттуда выползла за утренней газетой риэлторша, с которой у моего мужа была интрижка, в голубом халате и желтых тапочках. Бледная как смерть, она щурилась на свет, словно ее мучило похмелье. Она посмотрела в нашу сторону, но тут же отвернулась, увидев меня. Обычное дело с тех пор, как я узнала об измене мужа. Мне бы хотелось думать, что она ведет так себя потому, что чувствует свою вину, или, еще лучше, стыд. Но на самом деле я считала, что ей просто хочется притвориться, что ничего не было. Что ж, ей же хуже.

Ничто рядом с домом не намекало на события, которые, возможно, разворачивались внутри. С таким же успехом можно было стоять перед любым другим домом в нашем квартале. Да, все они разные, но ровно настолько, чтобы отлично сочетаться друг с другом. Одноэтажное ранчо с тремя спальнями рядом с домом с четырьмя спальнями, расположенным по соседству с двухэтажным зданием. И все вместе они принадлежали, казалось, такому далекому прошлому, вызывали чувство общности с коллективом, которого больше не существовало для меня.

Гаррисон повернул за угол и остановился рядом с соседним домом. Мы вышли из машины, вытащили пистолеты и, опустив их, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, двинулись через лужайки к гаражу.

Из долины внизу донесся рев реактивных двигателей самолетов, пролетающих над парадом, который нарастал как гром, пока стекла в соседних домах не задрожали. Я перешагнула через заборчик, который обозначал границы моей собственности, одним глазом поглядывая на забор, а вторым — на дрожащую жидкость в детекторе движений. Еще четыре шага по лужайке, и мы уже стоим, прижавшись спиной к стене гаража.

Я тяжело дышала, словно только что пробежала мило. Сердце глухо колотилось об оставшийся кирпичик взрывчатки на груди. Я сделала два глубоких вдоха, а потом посмотрела на припорошенные снегом верхушки гор в полутора тысячах метрах над нами.

— Стояло прекрасное утро, — прошептала я.

Гаррисон повернулся ко мне, не понимая, к чему это я.

— Кажется, всегда говорят об утре в день катастрофы.

Гаррисон несколько секунд смотрел на меня, а потом его взгляд скользнул к какой-то далекой точке за горизонтом.

— Не всегда. Иногда идет дождь, — тихо ответил он.

Звук двигателей достиг наивысшего уровня, а потом постепенно стих, оставляя после себя неприятную тишину. Ни птичьих трелей, ни шума автомобилей, ни музыки, ни даже гомона девяти миллионов жизней в городе, раскинувшимся внизу. Я вытащила ключ и молча вставила его в замок.

— Я пойду первой, — сказала я.

Чавес покачал головой:

— Ни за что.

— Если мы застанем Габриеля врасплох и он увидит меня, то не решится ничего предпринимать, поскольку на мне бомба.

Чавес посмотрел на меня с сомнением:

— Самое ужасное для него — утратить власть, а тут его жертва поменялась с ним ролями.

— Ты.

Я кивнула.

— Но это будет лишь минутное превосходство, не больше. Позаботься о Лэйси. — Я посмотрела на Гаррисона. — Вы оба... что бы ни случилось.

Они скрепя сердце согласились. Я вытащила телефон из кармана, а Чавес тем временем

набрал номер Джеймс, которая тут же ответила. Они обменялись несколькими словами, после чего Чавес повернулся ко мне.

— Меньше минуты до начала.

Мой желудок завязался узлом. Я попробовала сделать глубокий вдох, но, казалось, легкие отказываются принимать свежий воздух. Я посмотрела на детектор движений и провода, обвивавшие мою грудь. Мне казалось, что каждый вздох, который я делаю, каждый шаг я у кого-то одолжила. Я еще раз взглянула на горы и заметила оленя, неподвижно стоявшего на лужайке через дорогу. Полоса высохшей крови тянулась по спине к задней левой ноге, по-видимому сломанной, когда его сбила машина. В его взгляде было что-то знакомое — именно это выражение я увидела бы сейчас, посмотрев на свое отражение. Я закрыла глаза, и мне удалось вдохнуть, а когда я подняла голову, оленя уже не было.

— У нас будет совсем мало времени, — решительно сказала я. — Как только Джеймс побежит, а взрыва не последует, Габриель убьет Лэйси.

И тут, словно по команде, телефон в моей руке зазвонил.

— Да пошел он, — прошептала я.

Я подождала шесть гудков, а потом ответила.

— Ну что, готова, лейтенант? — спросил Габриель.

Я медленно повернула ключ в замке.

— Да, я на месте.

— Слышишь музыку?

— Музыку?

Чавес спросил Джеймс, слышит ли она музыку, а потом посмотрел на меня и кивнул.

— Только начинается.

Я открыла дверь и заглянула в гараж. Внутри витали знакомые «ароматы» — сладковатый запах садовых инструментов, едкий — мусора.

— Здесь стреляли, — прошептала я.

Через пару секунд глаза привыкли к темноте, и я увидела машину полицейского по найму, припаркованную на месте дочкиной «хонды». Я, не опуская пистолета, осмотрела весь гараж. Пусто.

— Я хочу поговорить с дочкой.

— Успеется.

Дверь напротив была приоткрыта на несколько сантиметров, от нее тянулся тонкий, как лезвие, лучик света, разрезающий темноту. Я обогнула патрульную машину, а Гаррисон и Чавес заняли позицию по обе стороны двери. Изнутри доносился приглушенный звук работающего телевизора.

— А какую песню сейчас исполняют, лейтенант? — экзаменовал меня Габриель.

Я помнила ее и так, потому что она повторялась из года в год.

— Гимн морских пехотинцев.

— Вытяни руку с телефоном, я тоже хочу послушать.

Я прикрыла трубку рукой.

— Скажите Джеймс, чтобы она направила телефон к музыке.

Чавес проинструктировал ее, а потом поднес свой телефон к моему. Я слышала тихие звуки оркестра. Я прижала свой телефон к динамику трубки Чавеса, но ненадолго, чтобы Габриель не успел понять, что что-то не так.

— Доволен?

Молчание.

— Что еще ты хочешь?

Ответа не последовало. Я посмотрела на Чавеса и покачала головой.

— Не уверена, что он купился.

Я взялась за ручку двери, ведущей на кухню, и тут заметила вытекающий из-под нее тонкий ручеек крови, не шире карандаша. Он собирался в крошечную лужицу на пороге и капал на первую ступеньку. Сердце заколотилось где-то в горле. Не может быть, нет, не

может быть. Я распахнула дверь, ожидая тут же встретить отпор, но за дверью никого не было.

— Так что же мне делать? — снова сказала я в трубку.

Но ответа не последовало, слышен был лишь тихий звук оркестровой музыки по телевизору.

Я вошла на кухню и увидела подошву ботинка, преградившую мне путь. Молоденький офицер в форме, тот самый, который не отвечал на звонки, лежал на спине, неуклюже подвернув под себя ногу, его глаза безжизненно уставились на потолок. Над правой бровью небольшое пулевое отверстие, меньше десятицентовой монетки. Проверять пульс необходимости не было. Думаю, он даже не успел увидеть лица своего убийцы. Ему наскучило охранять пустой дом, и, услышав звук открывающейся гаражной двери, он вышел посмотреть, что там такое. Возможно, он и увидел вспышку, но не больше. Не слышал ни звука выстрела, убившего его, не понял, что произошло. Я узнала в нем молодого офицера по фамилии Бейкер, который первым приехал по вызову в цветочный магазин Брима. Паренек, который любил говорить заумными фразами, словно выступал в ток-шоу.

Чавес подошел ко мне и, не веря своим глазам, уставился на тело. За все годы, пока он возглавлял полицию Пасадены, Чавес потерял всего одного копа, и теперь, когда он смотрел на второго, в его глазах читалась глубокая печаль. Его плечи опустились, он закрыл глаза и перекрестился.

Я осмотрела помещение и увидела, что одна из горелок плиты включена, пламя поблескивало в полутьме, ничего не согревая, а шипение газа звучало, как предупреждение змеи, свернувшейся тугим клубком перед атакой.

Я несколько секунд смотрела на пламя, а потом заглянула в гостиную и столовую. Пройдя мимо тела, я подошла к границе кафельного пола. Тусклый свет пробивался через занавески в гостиной. Но вместо утреннего тепла, которое я всегда ощущала в этой комнате, в ней царила совсем другая атмосфера — жестокость превратила ее в сюр. Казалось, тусклый свет задуман для того, чтобы затягивать меня в сети зла, а мебель в комнате — всего лишь бутафория, обнажающая истинную цель дома. Ко мне подошел Гаррисон. Его зрачки расширились от выброса адреналина, а на висках выступили капли пота.

— Мне это не нравится, — сказал он.

Мой взгляд скользнул по стульям с высокой спинкой и цветастому футону в другой конец темного коридора, откуда доносился тихий звук телевизора. Я знала все в этой комнате, но возникло ощущение, что я здесь впервые.

— Тебе кажется, что это ловушка, — прошептала я.

Я уже видела такое в чужих домах, в чужих кухнях и спальнях. В глазах избитых женщин, для которых собственный дом стал кошмаром, откуда приходилось бежать.

— Иди по Колорадо, — велел мне Габриель.

Я посмотрела на Чавеса, сидевшего на корточках рядом с телом Бейкера, он вскинул голову и поднялся. Я кивнула.

— Давайте.

Он отдал распоряжение Джеймс. Я сделала вдох и покрепче сжала пистолет.

— Иду.

Я ступила на ковер в столовой и оглянулась посмотреть на кухню. Чавес не сводил глаз с голубого пламени горелки.

— Я хочу, чтобы ты кое-что услышала, — сказал Габриель.

— Что?

— Как умрет твоя дочь!

— Нет!

— Беги!

Я повернулась к Чавесу, который протянул руку, чтобы выключить горелку.

— Скажите Джеймс, — быстро бросила я.

Чавес выключил плиту, раздался щелчок, и голубое пламя исчезло.

Когда я прошла в столовую, Чавес двинулся за мной, но остановился и посмотрел на плиту, как будто что-то услышал. Гаррисон поднял руку, а потом начал трясти головой. А я слышала крик боли из другого конца коридора.

— Нет, мамочка! — визжала Лэйси.

Гаррисон поспешил обратно к Чавесу, на что-то указывая и качая головой:

— Нет, нет, нет.

— О, господи, — удивленно пробормотал Чавес.

Он повернулся ко мне. А потом кухня исчезла во вспышке, поглотившей Чавеса в ослепительно-белом свете. Гаррисон взлетел на воздух, а потом рухнул на стулья в столовой. Я инстинктивно попыталась увернуться, когда голубые пальцы горящего газа коснулись моего лица, как знойный ветер Санта-Ана, обжигая глаза, как будто я уставилась на солнце без защитных очков. Единственный звук, который я слышала, — это грохот тарелок, падающих из буфета и разбивающихся об пол, они напоминали капли проливного дождя.

Я уронила телефон и прикрыла детектор движений, чтобы защитить его от летящих обломков, но тут все кончилось. Я слышала, как Гаррисон ворочается на полу, пытаюсь высвободиться из-под упавших стульев. Он двигался так, словно попал в паутину. Мелкая пыль летела из кухни и укутывала все, словно снег.

Я стояла на коленях, хотя и не помнила падения. Я посмотрела на детектор движений на груди, но видела только размытый диск тусклого света, словно мне набросили на глаза плотную сетку. Деталей я не различала. Не видела детектора движений. Даже свою руку не видела. Периферийным зрением я могла разглядеть какие-то цветные пятна, но прямо перед собой... картинки в центре не существовали, только серая клякса.

Дотронувшись до детектора движения, я нащупала трещину и ждала новую вспышку, после которой все вокруг меня канет в вечность, но ничего не произошло. По моей щеке стекала струйка крови, я провела пальцем и обнаружила, что она бежит из того уха, которым я повернулась к взрыву.

Я посмотрела туда, где только что видела Гаррисона, ворочающегося среди стульев.

— Я ничего не вижу, — пробормотала я, хотя не слышала своего голоса.

Если Гаррисон и ответил, то я не услышала.

Я с трудом поднялась на ноги, потом повернулась и посмотрела в коридор. Он казался пещерой, спуском в шахту. Я видела только темный круг с ореолом тусклого света вокруг него.

Что-то шелохнулось.

— Я буду стрелять, — заорала я, поднимая пистолет.

Было такое ощущение, что темнота пульсирует, но никто не показывался из нее.

Я попыталась вспомнить, как выглядит наш коридор. Так, двенадцать ступенек. Я сделала первый шаг. Ноги начали подгибаться, но я удержалась. Пистолет казался невозможно тяжелым, и рука стала подрагивать, когда я пыталась прицелиться в темноту перед своими глазами.

Еще один шаг, еще один. Я поскальзывалась на каких-то обломках на полу, и тяжесть жилета на моих плечах тянула меня назад, пока я не восстанавливала равновесие.

Я взяла пистолет обеими руками и пошла по коридору вдоль стены, глядя в темноту.

Вдох, еще один.

Я подошла к ванной и открыла дверь. Боковым зрением я видела расплывчатое бледно-желтое пятно — занавеска. Казалось, она висит прямо в воздухе. Я водила пистолетом туда-сюда, а свободной рукой ощупывала пространство перед собой, которого не видела.

В ванной никого не было.

Отвернувшись, я нацелила пистолет на комнату Лэйси. Мне была видна лишь размытая линия света под дверью. Возможно, это свет от телевизора. Я тянула руку, пока не нащупала ручку, а потом изо всех сил распахнула дверь. В центре комнаты передо мной возникло голубое свечение от экрана. Я водила пистолетом из стороны в сторону, пытаюсь

сфокусировать боковое зрение. Ничто не двигалось. В дочкиной спальне царила тишина, но я не знала, чем она объясняется — тем, что я ничего не слышу, или тем, что внутри ничего нет. Я сделала еще один шаг, и моя нога обо что-то зацепилась. Сердце бешено заколотилось.

— Лэйси, — прошептала я. Упав на колени, чтобы не поменять угол жидкости внутри детектора, я начала шарить по полу, пока мои руки не нащупали препятствие. Тафта. Платье с конкурса. Я подняла его, словно могла защитить свою девочку, собирая ее вещи, но остановилась и позволила платью выскользнуть из рук.

Я вышла из дочкиной комнаты и двинулась по направлению к своей, расположенной в конце коридора. На стене справа развешаны семейные фотографии. Я считала их, дотрагиваясь одной рукой, а второй сжимала пистолет, с каждым шагом погружаясь все дальше в семейную историю. Кровь вытекала из уха и капала на блузку. Пот смешивался с крошечными частичками пыли и щипал глаза. Казалось, коридор уплывал от меня, тонул в беспросветной мгле.

Я попробовала нащупать дверь, но она исчезла в темноте, словно ее отрезали. Я прижалась к стене и постаралась вытереть глаза от пота и пыли, но это не помогло.

Дыши. Сделай вдох и иди.

Спиной я чувствовала рамку от фотографии. По форме я догадалась, что это снимок маленькой Лэйси, сидящей на плечах у отца.

Я слышала, как глухо колотится сердце, его стук напоминал удары кулака об стену. Я потрогала детектор и почувствовала через него вибрацию сердца, словно кто-то зажег запал.

— Я все еще здесь, сукин сын, — прошептала я.

Казалось, что-то мелькнуло в темноте в нескольких сантиметрах от моего лица. Я чиркнула дулом пистолета. Все равно что целиться сквозь чернила. Пусто.

Я провела рукой по стене, пока не добралась до дверной коробки, а потом и до ручки. Сколько времени прошло? Тридцать секунд? Минута? Слишком много.

Одним движением я повернула ручку и бросилась в темноту перед собой. Дверь распахнулась, и впереди замаячило расплывчатое пятно света. Я видела вместо своей спальни бледно-серый квадрат с ореолом света по краям. Я озиралась по сторонам, не опуская пистолета, в поисках хоть какого-то намека на движение, на свет, на все, что угодно, что подскажет мне, где Габриель.

— Лэйси! — заорала я.

Услышав чей-то голос, я повернулась направо. В паре метров от меня включился телевизор.

— Лэйси, где ты?

За моей спиной раздался сдавленный плач. Я повернулась и пошла на звук, вытянув руку, чтобы найти то, чего не видят глаза. Шаг, другой, но рука ничего не нащупывала.

— Лэйси, подай голос, если можешь.

Еле слышный крик пытался пробиться через кляп.

— Лэйси, попробуй еще раз.

В этот раз звук был еще тише.

Я сделала еще один шаг и тут почувствовала на своей шее чье-то теплое дыхание. Резко повернувшись, я нацелила пистолет на мутное серое пятно передо мной.

— Я знаю, кто ты, Габриель, или ты предпочитаешь, чтобы я называла тебя Филиппом? Сдавайся. Дом будет окружен в считанные минуты.

Что-то мелькнуло справа, и я нажала курок. Телевизор взорвался и окатил меня осколками и горячим воздухом.

Я отпрянула, направив пистолет влево.

— Гаррисон! — завопила я.

Мимо меня проплыл запах дешевого одеколona Габриеля, я стремительно развернулась, но ничего не увидела.

Его пальцы скользнули по моей щеке.

Я снова начала поворачиваться, но уже знала, что опоздаю. Я повернулась не в ту

сторону. Габриель стоял за моей спиной, его холодная ладонь сжималась вокруг моего горла, а второй он схватил мою руку с пистолетом.

— А ты так и не выбрала, — прошептал он мне на ухо.

Его рука еще крепче схватила меня за горло, я ощутила, как ногти впиваются в кожу.

— Интересно, правду ли говорят о слепоте? Все остальные чувства обострились? Чем пахнет страх? Одиноко ли в темноте?

— Отправляйся в ад, там тебе самое место!

— Любое место можно превратить в ад, лейтенант. Спальню, кухню, мусорный бак... Особенно для этого дела подходят больницы.

— Ты умрешь, и все будет совсем не так, как описано в твоём жалком дневнике. Никто не будет тебя бояться, люди даже не узнают, как тебя зовут. Твоя затея провалилась!

Его рука сжалась сильнее.

— Да что ты знаешь обо мне? Ничего! — Его голос дрожал от злости.

Габриель сделал два судорожных вдоха, как животное, стоящее над телом своей жертвы. Он сильнее, чем я думала. Выкрутив мою руку, он приставил пистолет к своей голове.

— Убей меня. Нажми на курок, ад ждет.

Мой палец напрягся, но я остановилась. Нет, все не может быть так просто. Во что он теперь играет?

— Нет.

Габриель прижал меня к себе и прошептал на ухо:

— Ты знаешь, как легко отнять жизнь? Как охотно многие молят об этом?

Я крепче сжала рукоятку и со всей силы вдавила ствол в его висок.

— К твоей дочери привязан таймер, от которого отходят три провода.

Я ощутила пульс на его шее своей щекой. Медленный, почти спокойный, как у рептилии.

— Если отсоединишь правильный, она будет жить. А если нет — убьешь свою собственную дочь.

Я еще сильнее прижала дуло к его голове.

— Тебе ведь хочется этого, да? Хочется прочувствовать... Хочется получить власть. Как всем нам... Убей меня... Выпусти пулю мне в башку... В компании и умереть не грех...

Мой палец снова напрягся.

— Я больше не играю в твои игры. Какой провод?

Габриель покачал головой:

— Что ты за мать?

Приехали. Это единственный вопрос, на который я не знаю ответа.

— Скажи мне, какой провод, или...

— Ты убьешь собственное дитя.

— Почему я должна доверять тебе?

— Потому что мне понравилось быть членом твоей семьи.

— Нет, ты не моя семья.

Мой палец соскользнул с курка.

— У тебя осталось две минуты, нет, даже меньше.

— Я найду тебя, — прошептала я.

Я почувствовала, как напряглись мускулы на его лице.

— Но кем я тогда буду?

Габриель улыбался.

— Когда останется тридцать секунд, я позвоню на розовенький телефончик в комнате Лэйси и скажу, какой провод.

Он отпустил мое горло и запястье.

— Разумеется, ты можешь выстрелить, когда я буду уходить, решай сама.

Габриель снова прижался ко мне на мгновение, а потом скользнул прочь. Я секунду

стояла неподвижно, его слова кружились в моей голове, затем резко повернулась и подняла пистолет. Расплывчатое пятно покачивалось перед глазами, как занавеска на ветру. Я прислушалась, но ничего не услышала. Вдохнула воздух в поисках сладковатого запаха, но он был так же бесцветен, как и мир вокруг меня.

Я направила пистолет на темный коридор и начала нажимать курок.

— Габриель!!!

Прицелилась в центр размытого темного круга.

Ничего.

Еще мгновение я стояла в той же позе и ждала, не скрипнет ли половица, не мелькнет ли что-то, загораживая свет. Рука напряглась. Я сделала вдох и опустила пистолет.

Габриель ушел.

Я пару секунд изучала коридор, а потом переключилась на комнату.

— Лэйси!

Вдобавок зрение ухудшалось. Расплывчатый ореол вдоль границ моего поля зрения стал ослепительно-ярким.

— Мне нужно, чтобы ты издала звук, если можешь.

Я услышала едва различимый скрип — Лэйси пыталась освободиться от пут. Я протянула руку и пошла вперед. Воздух заполнился запахом, которого я не чувствовала с тех пор, как она выросла. Сладкий аромат моего ребенка.

Я ускорила шаг, но тут моя нога зацепилась за что-то, и я начала падать, совершенно позабыв про тяжесть на своих плечах. Я выставила руки вперед, ожидая, что сейчас растянусь на полу, но вместо этого нащупала угол кроватной стойки и ухватила за нее. Я задержала дыхание, боясь, что жидкость в детекторе накренится и обнажит провод, ожидая вспышки, а затем пустоты.

— Пожалуйста, — прошептала я как молитву, словно действительно верила в Бога, хотя я даже вспомнить не могла, когда это было правдой. Вера — это просто, это всего лишь разновидность страсти. Но истинная вера, с другой стороны, больше похожа на любовь. Вы верите во что-то, не требуя вещественных доказательств.

Я сделала вдох. Провод все еще был скрыт жидкостью.

Рука ослабила хватку, и я начала медленно шарить по кровати.

— Где ты, дорогая? — тихо спросила я.

Я провела рукой и ощутила знакомое прикосновение ее джинсов, дотронувшись до дочкиных ног чуть выше коленей, где они были связаны липкой лентой.

Моя рука прошла по ее худенькому телу, пока я не нашла кирпичик взрывчатки и детонатор. Я замерла, и у меня задрожала рука. Я-то думала, что уже все знаю о страхе и ужасе, но ошибалась. Детонатор был привязан скотчем к шее Лэйси, словно тяжелый средневековый воротник. Я попыталась что-нибудь сказать, но голос прервался, и я ощутила, как дочкино тельце дрожит от страха.

— Все будет в порядке, я сниму с тебя эту штуку.

Я провела по ее щеке, пока не нашла липкую ленту, закрывавшую рот. Слеза прокатилась по личику Лэйси и по моим пальцам. Я изучила край ленты, чтобы убедиться, что к ней не подсоединены провода, потом поддела кончик ногтем и, когда смогла нормально подцепить его, оторвала ее целиком. Лэйси заговорила, но ее душили рыдания.

— Мамочка.

Мне хотелось схватить дочку и прижать к себе, но я не могла. Я убрала волосы с ее лба и погладила по голове.

— Сними это с меня... сними! — умоляла Лэйси, как будто речь шла о паразите, присосавшемся к ней.

— Мы это снимем. Я ничего не вижу, поэтому тебе придется помочь мне... хорошо?

Я почувствовала, как ее тело сотряслось от рыданий, затем она успокоилась и слабо кивнула.

— К-к-козел.

— Да, козел гребаный.

Лэйси снова задрожала от плача, а потом несколько раз судорожно вздохнула. Я положила ей руку на грудь, как часто делала, когда она была маленькой и страдала от астмы.

— Ты должна успокоиться. Давай, вдох, еще один... еще... раз... раз...

Ритм приходил в норму, и Лэйси начала дышать нормально.

— Так лучше. А теперь я хочу посмотреть на эти провода, а ты мне будешь говорить, что там.

— Хорошо, — с трудом выдавила Лэйси.

Я нащупала взрывное устройство. Большая его часть была скрыта липкой лентой, но я все-таки обнаружила какой-то квадратный предмет, должно быть, таймер. От него в одну сторону отходили два провода, и еще один в другую.

— Видишь?

Ее дыхание снова участилось.

— Тихо, девочка. Попытайся сказать, что у меня в руках.

— Мне не видно... — Она попыталась сказать что-то еще, но не смогла.

— Ничего, все в порядке. Я нашла провода, а остальное не важно.

— А что это?

Я почувствовала, что ее взгляд прикован ко мне, вернее, к бомбе на моей груди.

— Да так, пустяки, не о чем беспокоиться.

— Это еще одна бомба... о господи.

Лэйси задрожала, и мне пришлось соврать.

— Она уже обезврежена. Нам нужно сейчас заняться тобой. Ладно?

И тут в дочкиной комнате зазвонил телефон.

— О господи, боже мой. Беги быстрее...

Дочкин голос балансировал на грани паники. Я пошла так быстро, насколько позволяло зрение. Габриель сказал, что позвонит, когда останется тридцать секунд. Я вела рукой вдоль шкафа, пока не добралась наконец до двери, ведущей в коридор. Вспышки света по краям изображения, которое я видела, затрудняли мою задачу, поэтому я закрыла глаза и держалась рукой за стену, пока не нашла дверь в комнату Лэйси.

Телефон стоял в дальнем конце комнаты по ту сторону кровати. Я обогнула телевизор, располагавшийся в центре. Запуталась ногой в дочкином платье, валявшемся на полу, и тащила его за собой, пока оно не зацепилось за ножку кровати.

Нет, нет, только не это.

Я резко дернула ногой, услышала треск разрываемой ткани и высвободилась.

Сколько секунд прошло? Слишком много, они ускользали как песок сквозь пальцы, и я ничего не могла с этим поделать.

Я кинулась к кровати, где надрывался телефон. Резко стукнула по нему рукой, и он свалился с тумбочки на пол. Я хотела было наклониться, но тут поняла, что при этом обнажится провод в детекторе движений. Тогда я упала на колени и пошарила по полу, пока не нащупала провод и трубку.

— Который?

— Осталось чуть больше двадцати секунд, — сказал Габриель.

— Который, я спрашиваю?

— Синий.

— Синий — я же ничего не вижу!

— Знаю... До свидания, лейтенант. Пятнадцать секунд.

Я швырнула телефон и бросилась к комоду. На нем лежало зеркальце, купленное во время превращения в участницу конкурса красоты. Если оно все еще там...

Я шарилась рукой, скидывая другие атрибуты красавицы, купленные Лэйси перед конкурсом, так сказать, чтобы войти в роль, пока не нашла гладкую поверхность зеркала. Я выскочила из комнаты и побежала по коридору в спальню. На ощупь.

В голове тикал секундомер. Пятнадцать секунд, четырнадцать, тринадцать.

Я двигалась в крошечной тьме, и у меня возникло ощущение, что я приближаюсь к краю бездны.

Я сильно ударилась об кровать коленом, а потом нащупала дочкину ногу. Ничего не видя, я попыталась расположить зеркальце так, чтобы Лэйси видно было взрывное устройство.

— Какой из проводов синий?

— Я не... — закричала Лэйси, как человек, находящийся в свободном падении и пытающийся перекричать шум ветра.

— Просто скажи мне. Все в порядке, милая.

— Я не вижу. Ты не той стороной зеркало повернула!

Я покрутила зеркало в руке.

— Наклони.

Наклонила.

Она вздрогнула и зарыдала.

— Лэйси, какой из них синий?

Десять, девять...

— Господи!

— Лэйси!

В ее голосе слышалось отчаяние:

— Блин, да они все синие!

Я почувствовала, как ее тело приподнимается, когда ее обуял ужас. Я отшвырнула бесполезное зеркало и пошарила рукой в темноте, пока не взяла в руки все три провода.

Какой из них?

Я попыталась представить, как Гаррисон расшифровывает функцию каждого провода. Этот заземленный, второй пусковой, а третий... Но я-то в этом ни хрена не понимаю.

Восемь... семь...

Я слышала, как тяжело и часто дышит Лэйси.

Думай. Решай. Здесь есть какая-то зацепка. Он сказал «синий», что это значит.

Шесть... пять...

— Мама! — закричала Лэйси. — Нет! Нет!

Я попыталась мысленно проиграть решения. Как бы это сделал Габриель? Что это за игра? Его величайшая роль не террорист, а жертва — Филипп, сидящий с бомбой на коленях и с мольбой смотрящий на меня, пока Гаррисон обезвреживает устройство. В его глазах смех. Он игрок. В его мире нет ничего настоящего. Он был у нас в руках, но мы этого не знали. Это для него игра. Просто смертельный трюк. Три провода, и все синие... Выбери.

Четыре... три...

Я услышала, как в нашу сторону движется пронзительный вой сирен, и сжала провода в руке.

— Я не хочу умирать! — плакала Лэйси.

Два...

— Я люблю тебя, милая.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть перед собой этого мутного пятна. Перед глазами возникла Лэйси в желтеньком платьице. Вот она бежит ко мне, протянув ручонки. Что-то несет, чтобы поделиться со мной. Открытие. Загадку. Подарок.

— Синий, — прошептала я.

Один...

Казалось, в комнате повисла мертвая тишина, даже мои воспоминания были лишены звуков. Я сжала руку в кулак и выдернула все три провода.

Один... Один... Один...

Я ждала ослепительную вспышку. Обжигающе жаркую волну перед тем, как нас сразит смерть. Ничего. В полной тишине прошла одна секунда, вторая, третья... Это что, новый поворот в игре Габриеля? Несколько секунд облегчения до того, как сработает замедленное

воспламенение? Выдернув все три провода, я решила нашу судьбу или спасла наши жизни? Что?! Откуда же мне знать... Или гениальный психопат готовит еще одну жестокую шутку для своих лабораторных крыс? Мой страх принадлежал теперь не мне, а Габриелю с его желаниями.

— Думаю, все кончено, — сказала я.

— А что это за звук? — прошептала Лэйси.

— Я не...

И тут я услышала свист вырывающегося откуда-то воздуха.

— Ты можешь сказать мне, откуда он идет?

— Он... О господи! — закричала Лэйси.

— Где?

— На бомбе! Сними, сними!!!

Свист становился громче.

— Нет! — завизжала Лэйси.

Я протянула руку и нащупала воздушный шарик, который поднимался над устройством, привязанным к дочкиной шее. Детская игрушка увеличивалась в размерах, словно его надували — сейчас он лопнет и запустит бомбу. Я схватила шарик обеими руками и попыталась выпустить из него воздух, но он продолжал расти, а свист воздуха становился громче и громче.

Дыхание Лэйси участилось, она уже не могла его контролировать, попыталась что-то сказать, но ей не хватало воздуха. Шарик давил на мои ладони, а потом растянулся до предела.

— Мы не твои игрушки! — заорала я.

Я почувствовала, как кровать ходит ходуном от того, что дочку бьет крупная дрожь.

— Нет... — начала я, а потом закричала: — Ах ты, сукин сын!

Оглушительный хлопок на мгновение заполнил собой всю комнату, а потом воцарилась тишина. Ужасная тишина, когда готовишься к самому худшему. Я сделала вдох, второй, приготовившись к взрыву, который положит конец всему.

Но ничего не произошло.

В воздухе витал еле различимый запах резины. Ключки шарика повисли на запястье как лоскуты кожи. Я досчитала до пяти, потом до десяти, чтобы удостовериться, что все кончено. Больше ничего не происходило.

Представление Габриеля было окончено. Заключительный акт — лопнувший шарик как напоминание о том, что все, к чему он прикасается, даже детская игрушка, наполняется ужасом. Мы живы потому, что я сделала правильный выбор? Или потому, что он так решил? Узнать невозможно, как невозможно и понять, откуда взялся Габриель и что сделало его таким.

Я протянула руки и обняла дочку. Лэйси плакала от облегчения, ее колотил озноб.

— К-к-коз... — начала она, но слово растворилось в рыданиях.

Я дотронулась до ее нежной щеки.

— Все в порядке. Он не сможет причинить нам боль.

Она покачала головой, и я ощутила, как напряглись ее плечи.

— Из стеклянной штучки у тебя на груди что-то капает.

Я дотронулась до детектора движений. Крупная капля ртути скатилась по моему пальцу и ладони.

— Господи, это плохо, да? — спросила Лэйси, и ее голос снова задрожал.

Я попыталась успокоить ее, но запнулась. Попробовала вдохнуть, но, казалось, жилет мешал воздуху проникать в легкие. Я потрепала дочку по щеке, а потом убрала руку.

— Не оставляй меня здесь.

— Я должна...

— Нет! — взмолилась Лэйси. — Не оставляй меня!

Я почувствовала, как еще одна капля вытекла из разбитого стекла детектора, когда я

поднялась с кровати. Сейчас я — единственный источник опасности для дочери. Единственная, кто может причинить ей вред.

— Мне нужно пойти в другую комнату.

— Нет, останься.

Я пошла к двери, а Лэйси заплакала:

— Мамочка.

— Я люблю тебя.

— Нет! — закричала она.

— Все будет хорошо.

— Не оставляй меня, не оставляй...

— Я должна...

Слова беззвучно слетели с моих губ, когда я повернулась спиной к дочке и пошла в темноту коридора.

— Мамочка! — завопила Лэйси. — Не уходи, не уходи...

Я нащупала дверную коробку и пошла прочь от спальни как можно быстрее. Лэйси снова и снова звала меня, и наконец мне был слышен лишь тихий плач. Проходя по коридору в гостиную, светившуюся впереди размытым пятном, я провела рукой по семейным фотографиям. Я попыталась вспомнить, какая, по оценкам Гаррисона, зона поражения у этого заряда? Как далеко я должна уйти от своей дочки, чтобы обеспечить ее безопасность? На три метра? Или на шесть? А сколько стен должно быть между нами? Я прошла мимо спальни Лэйси в гостиную. Сквозь занавески пробивался свет, и после темного коридора мне казалось, что я смотрю на ослепительное солнце. В комнате все еще стоял едкий запах взрывчатки.

— Гаррисон!

Ответа не последовало.

— Мне нужна твоя помощь, — взмолилась я.

Молчание. Я прошла в столовую, где Гаррисон исчез во вспышке первого взрыва. Пол был усеян осколками фарфора, слетевшего с кухонных полок. Я сделала шаг, второй — все равно что идти по битому стеклу. На мгновение мне показалось, что я чувствую запах одеколона Габриеля, но он тут же улетучился. Я потянулась за пистолетом, но поняла, что оставила его в спальне, и в этот момент чья-то рука тронула меня за ногу.

— Лейтенант.

Гаррисон то ли сидел, то ли лежал на полу у моих ног, там, куда уполз после взрыва. Я села на корточки и протянула руку. Нет, он стоял на коленях, как обессиленный марафонец. На правой щеке запеклась кровь, смешанная с мелкими осколками.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала я.

— Я плохо вас слышу, — слабым голосом ответил он.

Я ощупью нашла его руку и поднесла ее к детектору. Его пальцы несколько секунд оставались безжизненными и какими-то неуклюжими, но потом встрепенулись и начали изучать стекло детектора.

— Треснуло.

Я кивнула.

— Провод обнажился?

Он несколько секунд рассматривал детектор.

— Да.

— Насколько?

— Почти полностью.

Гаррисон тяжело вдохнул, а потом резко выдохнул, сплюнув кровью.

— В машине есть набор инструментов. Вы должны найти какую-нибудь липкую ленту и заклеить трещину.

— Я не вижу.

Он не отвечал несколько секунд.

— Я ослепла. Не смогу дойти до машины.
Гаррисон тяжело вдохнул, а потом еще раз.
— Тогда пойдем другим путем.
Я дотронулась до детектора и почувствовала еще одну каплю.
— Каким?
Казалось, на то, чтобы сформулировать план, ушли все его силы.
— Мне нужно, чтобы ты подошла ко мне вплотную, как будто мы обнимаемся...
У Гаррисона перехватило дыхание, и он несколько секунд помолчал, приходя в себя.
— Провод от детектора уходит куда-то под жилет, мне нужно добраться до него снизу.
Я подошла к нему, запачкалась об окровавленную щеку. От его головы пахло опаленными волосами.
— Теперь подними руки... — Гаррисон снова запнулся. — Обними меня за шею, чтобы я мог залезть под...
Его голос становился все тише и тише.
— Давай, — прошептал он.
Я подняла руки, но остановилась и покачала головой.
— Я не могу просить тебя об этом.
Я оторвалась от него, но Гаррисон удержал меня, собравшись с последними силами.
— А ты и не просишь... Я прошу. Мне нужно сделать это немедленно, иначе мы оба погибнем.
Я снова покачала головой, но Гаррисон протянул руку и нежно дотронулся до моей щеки.
— Пожалуйста, позволь мне.
Я подняла руки и обвила его шею. Гаррисон сунул руку под жилет и повозился под карманчиком со взрывчаткой, пока не нашел то, что искал.
— Господи, — прошептал он.
— Что?
На мгновение он повесил голову, словно признал свое поражение.
— Здесь целых пять проводов, но я не понимаю, куда они идут. Должно быть, есть еще один детонатор, который я не нашел.
— Я так не думаю.
— Почему?
— Он снова играет с нами.
— В моем деле нужна уверенность.
— Перережь их все, — прошептала я.
Гаррисон покачал головой.
— Не могу. Возможно, к ним подсоединен так называемый контроллер последовательности, и я перережу не тот провод или нарушу порядок...
— Дай мне кусачки, я сама.
Гаррисон сделал вдох, и я почувствовала, как напряглись его плечи.
— Нет, я не могу тебе позволить.
Я прижалась к его щеке:
— У меня нет времени. Это не твоя вина... Дай мне попробовать.
Он слегка приподнял голову и прошептал мне на ухо:
— Ухватись за меня как можно крепче.
— Нет.
Я почувствовала, как пальцы Гаррисона нашли пять проводов и заправили их между лезвиями кусачек.
— Все будет хорошо, — тихо сказал он.
— Не делай этого, — взмолилась я.
— Держись!
Я обвила его за шею и приблизила свое лицо вплотную к его. Я почувствовала

колючую щетину на своей щеке и привкус крови на губах, а потом положила ему руку на затылок и закрыла глаза.

— Давай, — прошептала я.

Гаррисон молча кивнул, потом тихонько выдохнул, и я ощутила, как его ладонь сжалась, а затем лезвия с характерным щелчком перекусили провода.

Это напоминало конец повторяющегося кошмара. Прошла одна секунда, за ней вторая, а я все ждала, когда кошмар вернется, но этого не произошло.

Гаррисон вытащил руку из-под жилета, и я услышала, как кусачки выскользнули и упали на пол. Он обнял меня, и мы дышали в унисон.

— Спасибо, — прошептала я в его поврежденное ухо, но он меня не слышал.

Руки Гаррисона начали слабеть, и он свалился в обморок прямо в моих объятиях. Я услышала сирены первой полицейской машины, выскочившей из-за угла и несущейся к моему дому. Открыла глаза и посмотрела на размытый свет, пробивавшийся сквозь окна на кухне, где лежали раненый Чавес и погибший при исполнении молоденький офицер.

Все кончено. Моя дочь спасена. А в нескольких милях к югу, в самом центре Пасадены, по бульвару Колорадо неспешно двигались колонны парада, как все эти сто пятнадцать лет. Двести миллионов зрителей по всему миру смотрят на удивительное зрелище по телевизору, счастливые и защищенные, и удивляются, какой же фантазией надо обладать, чтобы создавать такую красоту.

— Они и не знают, — прошептала я.

27

— Скажите мне, что вы видите, — ворковал доктор, снимая повязку с моих глаз.

Прошла неделя с тех пор, как Габриель погрузил меня во тьму. Доктор заверил, что глаза — самый быстро заживающий орган в нашем теле. «Чудо природы», — сказал он. Но он не мог вылечить мои глаза от того, что им довелось видеть. Будет ли мой мир когда-нибудь таким, как раньше, после того, как по нему прошелся Габриель? Он украл мою дочь. Играл со мной, как кошка играет с мышкой, катая ее по гостинной. Убил семь человек. Чуть было не отправил на тот свет Трэйвера, Гаррисона и Чавеса. А потом я его упустила. Освободила его, чтобы вернуть Лэйси. Дала ему уйти. Самый страшный кошмар любого копа.

«Ты же приставила пистолет к его голове».

Этот голос нашептывал мне на ухо по ночам, когда я лежала, слепая, в своей постели. Я могла бы положить конец его злодеяниям, но не сделала этого. Возможно, я недостаточно сильная, а может, я просто недостаточно хороший коп. А может, та часть меня, которая отказалась нажать на курок, когда Габриель дал мне шанс, — единственная, которую он не тронул. Это укромный уголок души, где любовь живет вне повседневности и вне боли, которой награждает нас жизнь. И эта часть меня так любит Лэйси, что отдала бы что угодно за ее жизнь. Даже свободу Габриеля.

Это его подарок мне. Я увижу, как моя девочка превратится в женщину. У меня будет возможность исправить все ошибки, которые я допустила за первые семнадцать лет ее жизни. Я стану лучше. Но в обмен на этот подарок в моем сердце всегда будет тлеть уголек осознания — куда бы Габриель ни уехал, до кого бы ни дотронулся, кого бы ни мучил, он делает это потому, что я так выбрала.

Что же случилось с Габриелем?

Я знаю точно, что он уехал от моего дома на машине убитого офицера Бейкера и припарковал ее в трех кварталах от бульвара Колорадо. По словам одного из свидетелей, Габриель смотрел на парад, махал рукой и делал снимки. Потом его видели в аэропорту Лонг-Бич. Но ни одно из свидетельских показаний не подтвердилось на сто процентов. Габриель просто как в воду канул.

Во французском консульстве нам ответили, что среди подданных Франции, въехавших

в Штаты, нет ни одного, соответствующего описанию. Ни паспорта, ни визы, ни разрешения на работу, ничего. Частичные отпечатки пальцев, которые имелись у нас, не соответствовали ни одному из образцов ФБР и правоохранительных органов всех штатов. Мы изучили списки выпускников всех школ в стране. Аресты, армейские протоколы, свидетельства о рождении и даже лицензии на рыбную ловлю. Короче, мы подняли все возможные документы, но, увы, это не привело нас никуда.

Габриель, как он и написал в дневнике, был мальчиком на школьной фотографии, чье лицо и имя все всегда забывают. Но пока он дышит, я не успокоюсь. Каждый раз, когда звонит телефон с сообщением об очередном трупе, я буду думать, уж не Габриель ли приложил руку. Каждый раз, узнав знакомый запах одеколона в толпе, я буду оборачиваться. Каждый раз, слыша плач родных жертвы, я буду вспоминать.

Я всегда буду искать Габриеля. Всегда буду чувствовать, что он наблюдает за мной, ждет подходящего случая, чтобы прошептать мне на ухо одно-единственное ужасное слово.

Скажите мне, что вы видите? Но вам не захочется видеть то, что вижу я.

Доктор аккуратно снял последний бинт с моего лица.

— А теперь откроем глазки, — сказал он.

Я помялась, фантом повязки задержался на моем лице, словно бинты были неотъемлемой частью моего тела. Затем я медленно позволила свету снова коснуться глаз. Краски были приглушенными, словно меня застали где-то на полпути между сознанием и сном. Постепенно картинка обрела четкость, и я увидела лицо дочери.

— Мамочка.

Я смотрела на нее, изучая каждую черточку, ища малышку, которую баюкала на руках, девочку, которая росла на моих глазах, но она ушла. Теперь я смотрела на лицо молодой женщины. Мягкие контуры детства стали напряженнее и несли следы тех испытаний, которые выпали на долю Лэйси.

— Я здесь, мамочка, — сказала она.

Я заглянула в ее глаза и увидела, что Габриель не смог разрушить всего. В ее глазах все так же горел огонек неистребимой силы.

— Да пошел он, — прошептала Лэйси.

У меня замерло сердце, и тут же я поняла, что с ней все будет в порядке так же отчетливо, как понимала, что она уже никогда не станет такой, как раньше. Так или иначе, это начало новой жизни, и мы оставили в прошлом ту мать и дочь, какими некогда были.

— А нас-то вспомнишь? — раздался голос за ее спиной.

Трэйвер, мой старый напарник, опирался на плечо Лэйси. Большой Дэйв, мой защитник. Его голова все еще была частично замотана бинтами, а на лице виднелись синяки и припухлости, но сила и дух остались нетронутыми. Слева от него в кресле-каталке сидел Чавес с красным опухшим лицом. Обожженные руки забинтованы, капельница идет к предплечью. Но он улыбался. С ним тоже все будет в порядке.

Я посмотрела поверх дочкиного правого плеча и увидела Гаррисона.

Наши глаза встретились, и я хотела позвать его по имени, но слова застряли в горле. Вот мы снова стоим в моем доме, я обнимаю его, а он спасает мне жизнь. Я чувствую твердость его рук, когда он обезвреживает чудовищное произведение Габриеля. Даже любовь не может быть такой интимной и могущественной. Я еще несколько секунд смотрела в глаза Гаррисона. Кто мы теперь друг для друга? Спасая меня, он спасал и свою молодую жену, которую не смог защитить? Или же спасал свою жизнь, свое будущее, которое раньше избегал?

Он мой напарник? Или нечто большее? Я заметила, как Гаррисон поморщился от боли, и быстро осмотрела его. Рана, словно контур на карте, тянулась от уха через всю челюсть. Вторая, в форме полумесяца, касалась уголка левого глаза. Похоже, правой стороне его тела повезло чуть больше. Легкое подрагивание пальцев правой руки говорило о том, что есть и другие, невидимые глазу повреждения.

— Алекс, — тихо сказал Гаррисон, впервые назвав меня по имени.

От звука его голоса я задохнулась, закрыла глаза и постаралась дышать нормально, но не могла. Доктор подтащил ко мне стул и посветил маленьким фонариком по очереди в оба глаза.

— А теперь скажите, что вы видите, лейтенант.

Слезы покатились по моим щекам. Я посмотрела на трех мужчин, которые стояли рядом и рисковали ради всего этого своей жизнью.

— Что вы видите? — повторил доктор.

Я взяла Лэйси за руку и посмотрела на ее красивое лицо.

— Я вижу всё, — тихо ответила я.